

Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь

ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

*Материалы I междисциплинарного научного семинара
кафедры философии и идеологической работы
научно-педагогического факультета
для обучающихся Академии МВД Республики Беларусь
Минск, 26 марта 2026 г.*

Научное электронное издание

ISBN 978-985-576-531-9

© УО «Академия Министерства внутренних дел
Республики Беларусь», 2026

УДК 1/3(06)

ББК 6/8в

Т33

Рецензенты:

кандидат культурологии, доцент *С.В. Масленченко*;
кандидат социологических наук, доцент *Ю.В. Александренков*

Редакционная коллегия:

Ф.А. Некрашевич (отв. ред.), И.А. Барсук, А.В. Григорьев, Л.Е. Лойко

Т33 Теоретико-методологические проблемы социально-гуманитарных наук : материалы I междисциплинар. науч. семинара каф. философии и идеол. работы науч.-пед. фак., Минск, 26 марта 2026 г. / Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь ; Ф.А. Некрашевич (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Академия МВД, 2026. – 144, [2] с.
ISBN 978-985-576-531-9.

Сборник включает в себя материалы докладов и выступлений участников I междисциплинарного научного семинара кафедры философии и идеологической работы научно-педагогического факультета «Теоретико-методологические проблемы социально-гуманитарных наук» для обучающихся Академии МВД Республики Беларусь.

Адресуется студентам и курсантам учреждений высшего образования, а также всем, кто интересуется социально-гуманитарным познанием в современной культуре и его значением в деятельности органов внутренних дел.

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Барановский Н.А. Социально-философские и философско-исторические идеи либерального западничества	5
Бебешко М.А. Власть как объект философского анализа	8
Божков А.А. Государство-город Ватикан: специфика правовой системы	11
Грицкевич И.Ю. Классификация Колина Кларка секторальной структуры экономики	14
Гулякевич А.В. Этические принципы и правовая культура в конфуцианской философии	20
Ефимович А.А. Основные тенденции и особенности развития естествознания в XXI в.	24
Комаров И.А. Правовые основы обеспечения устойчивого развития в Республике Беларусь	28
Меньков Н.С. Проблема смертной казни в социальной практике	32
Обуховский Р.В. Наука как деятельность, система знаний и социальный институт в Республике Беларусь	36
Романюк М.И. Политическая власть как феномен общественной жизни	41
Савицкий Д.М. Макромир как уровень природной реальности и технологическое направление в современной физике	46
Соколовский А.В. Государство как важнейший социальный и политический институт	49
Спиридонов З.А. Эпоха хиппи и история субкультуры панков	52
Субко А.Е. Патриотическое воспитание обучающихся в формировании гражданской позиции	56
Суета А.К. Этика виртуальной реальности (киберэтика): концептуальные основания и социокультурное значение	61
Целуйко В.А. Смертная казнь в философии И. Канта: философско-правовой анализ	65
Шевцов Р.С. Шариат как комплекс юридических норм, принципов и правил поведения в исламе	69

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Бысик Д.С. Президентские выборы в Российской Федерации (1996 г.) и США (1992 г.): сравнительная характеристика влияния поп-индустрии на ход электоральной кампании	73
Гаврик К.Е. Кризис идентичности в условиях киберсоциализации: теоретико-методологический анализ концепции Э. Эриксона	77
Домино Д.Д. «Эхо-комната» как технология коррекции общественного мнения	81

Ершов С.А. Интерпретация справедливости в труде Платона «Государство»	85
Казак Я.Р. Гендерное равенство как философско-правовая проблема и его реализация в законодательстве Республики Беларусь	87
Кухаренко А.В. Социальная инженерия как способ совершения мошеннических действий: философско-правовой анализ	91
Лапутька К.С. Перспективы взаимодействия Республики Беларусь с Шанхайской организацией сотрудничества	96
Маркевич А.А. Информационные войны как угроза национальной безопасности: социально-философский анализ	101
Мартынюк А.Э. Национальная идея Республики Беларусь через восприятие курсантов Академии МВД Республики Беларусь	106
Мартынюк А.Э. Творчество как форма активности личности курсанта Академии МВД Республики Беларусь	108
Мудров И.С. Значение и роль дисциплины в органах внутренних дел: фундамент стабильного функционирования и развития	112
Потапеня Д.Е. Российская партия «Казачья партия Российской Федерации»: деятельность партии в образовательной сфере	115
Роговский Е.И. Генезис и архитектоника модели психики в учении Зигмунда Фрейда	117
Сидор А.И. Актуальные вопросы психологии, педагогики и идеологии в системе подготовки кадров для правоохранительных органов	120
Стрижевич А.Н. Гражданско-правовая ответственность за вред, причиненный искусственным интеллектом: историко-правовой и философский анализ на примере Статута Великого княжества Литовского 1588 г.	125
Тарашкевич Г.И. Политическая партия «Казачья партия Российской Федерации»: деятельность в культурной сфере	130
Тимофеева Е.А. Цензура в современной музыкальной индустрии Российской Федерации	134
Шкреблик Л.Д. Особенности применения антропологического подхода в историко-правовых исследованиях	137
Шумелев В.А. Санкции Международного олимпийского комитета в отношении Республики Беларусь на страницах белорусской печати	141

ФИЛОСОФСКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОТРУДНИКОВ ОРГАНОВ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

УДК 141.201

Н.А. Барановский, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ И ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ИДЕИ ЛИБЕРАЛЬНОГО ЗАПАДНИЧЕСТВА

Раскрываются сущность и специфика социально-философских и философско-исторических идей, разработанных представителями либерального западничества, в русской общественной мысли XIX в. Анализ данных идей позволяет выявить альтернативные пути осмысления исторического процесса, соотношения России и Европы, а также механизмов общественного прогресса. Обращение к наследию либеральных западников способствует более глубокому пониманию закономерностей исторического развития, формированию у студентов навыков критического анализа социальных процессов и умению выстраивать диалог между различными мировоззренческими парадигмами в контексте современной глобализации.

Ключевые слова: западничество, либеральное западничество, сущность и специфика социально-философских и философско-исторических идей либерального западничества.

Либеральное западничество как системное направление русской общественной мысли оформилось в 1840-е гг. в полемике со славянофильством. Его генезис связан с глубоким усвоением идей европейского Просвещения, немецкой классической философии (особенно наследия Гегеля и Канта) и осмыслением исторической миссии реформ Петра I. В отличие от радикального крыла (В.Г. Белинский, А.И. Герцен), либеральное крыло делало ставку на эволюционные преобразования и преемственность власти [2].

Ключевой идеей либерального западничества являлось признание единства исторического пути России и Западной Европы. Европа рассматривалась не как географическое понятие, а как цивилизационный эталон реализации идей свободы личности, прогресса и разума. В основе мировоззрения были заложены секуляризованный антропоцентризм и вера в универсальные законы общественного развития.

В противовес славянофильской соборности и общинности, либеральные западники выдвигали принцип самоценности человеческой личности. Как отмечает В.А. Дубовцев, они стремились преодолеть традиционное «рабское сознание», поглощение индивида замкнутыми социальными группами. Культ личности подразумевал не эгоизм, а развитие личного достоинства, независимости и гражданской ответственности. Социальная философия западников базировалась на необходимости культивирования правового сознания вместо религиозного. П.Г. Редкин и Б.Н. Чичерин утверждали, что основой общественного бытия должны стать не патриархальные традиции, а формальное право, частная собственность и независимость суда. Государство, с их точки зрения, это инструмент гармонизации интересов индивидов, призванный гарантировать их свободу [1, с. 16–21; 3, с. 518–522].

С социально-экономической точки зрения, западники выступали с последовательной критикой крепостного права, видя в нем главный тормоз развития страны. Они обосновывали преимущества наемного труда и свободного рынка, доказывая, что капиталистический строй, несмотря на его противоречия (расслоение, бедность), создает условия для роста производительных сил, науки и образования, тем самым являясь более прогрессивным по сравнению с феодализмом.

Философско-историческая концепция либералов-западников базировалась на идее универсальности законов истории. Они исходили из того, что все народы проходят через одни и те же стадии развития, просто с разной скоростью. Россия, вступившая на путь цивилизации позже Европы (благодаря Петру I), должна пройти ту же школу свободы и разума, чтобы преодолеть отставание. Отсюда следовал тезис об отсутствии «особого пути» России как о «национально-историческом негативизме» – отрицании самобытности, консервирующей отсталость. В оценке Петра I либеральные западники были единодушны: они видели в нем величайшего реформатора и «спасителя нации», который сумел преодолеть вековую изоляцию и привить России плоды цивилизации. Важнейшим пунктом расхождения во взглядах со славянофилами стало мнение о сельской общине. Либералы (в отличие от социалистов-западников вроде Герцена) видели в ней не основу будущего справедливого общества, а пережиток патриархальности, тормозящий экономический прогресс и развитие индивидуальной инициативы. Они ратовали за переход от общинного к подворному землевладению, интеграцию России в общеевропейскую экономическую модель [5, с. 45–54].

Политическим идеалом умеренного (либерального) западничества была конституционная монархия по образцу Англии или Франции.

П.В. Анненков, К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин выступали за ограничение самодержавной власти законом и представительными органами (парламентом), но при сохранении сильной исполнительной власти, способной гарантировать стабильность. Путь к этому – реформы «сверху», осуществляемые правительством совместно с просвещенным дворянством и общественностью. В отличие от революционных демократов, либералы отвергали насильственные методы изменения строя. Опираясь на гегелевское понимание диалектики, они отдавали предпочтение эволюции как форме развития, при которой новое качество вырастает из старого без катастрофических разрывов. Они считали, что революция (как показал опыт Европы) чревата тоталитарными режимами и разрушением гражданского мира [2; 4, с. 78–79].

Социально-философская программа западников включала в себя мощный этический компонент, связанный с протестантской этикой и идеалами Просвещения. Они полагали, что распространение образования, науки и моральных ценностей (чувства долга, чести, патриотизма свободного человека) способно изменить общество более надежно, чем ломка политических институтов. Свобода должна быть выстрадана и осознана народом, а не дарована ему в виде абстрактной декларации [5, с. 45–54].

Таким образом, идеи либерального западничества не остались достоянием исключительно XIX в. Как отмечают современные исследователи (В.А. Дубовцев, А.Л. Янов), они трансформировались в более сложные идеологемы: от «догоняющей модернизации» до концепций «цивилизационного транзита». Современный дискурс воспроизводит спор о характере русского менталитета (рабское против свободного сознания) и о том, способна ли Россия интегрировать западные либеральные ценности без утраты своей субъектности. Несмотря на исторические перипетии, либеральное западничество внесло неоценимый вклад в развитие философии: оно утвердило ценность индивидуализма, поставило проблему прав человека в центр общественной дискуссии и интегрировало русскую мысль в общеевропейский философский контекст.

Список использованных источников

1. Дубовцев, В.А. Либерально-западнические трактовки русской истории и современной России / В.А. Дубовцев // Социум и власть. – 2010. – № 3. – С. 16–21.
2. Лекция 23: Русская философия // Национальный открытый университет «ИНТУИТ». – 2011. – URL: <https://intuit.ru/> (дата обращения: 06.03.2026).
3. Глебова, Е.Д. Славянофильство и западничество: диалог мировоззрений / Е.Д. Глебова // Молодой ученый. – 2025. – № 3. – С. 518–522.

4. Линицкий, П.И. Славянофильство и либерализм (западничество): опыт систематического обозрения / П.И. Линицкий. – Изд. 2-е. – М. : URSS, 2018. – 264 с.
5. Шейко, С.В. Проблема свободной воли человека в русском славянофильстве и западничестве / С.В. Шейко // Философские горизонты. – 2018. – № 39. – С. 45–54.

УДК 321.01

М.А. Бебешко, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – **И.А. Барсук**,
кандидат философских наук, доцент

ВЛАСТЬ КАК ОБЪЕКТ ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

Рассматриваются основные атрибуты власти. Выявляются онтологические, антропологические и социокультурные измерения власти. Раскрываются такие сущностные характеристики власти, как асимметричность, отношение «господства-подчинения», вездесущность и микрофизика власти, продуктивность и позитивный инструментальный характер власти.

Ключевые слова: власть, атрибуты власти, сущностные характеристики власти, онтологические, антропологические и социокультурные измерения власти, современная философия.

В современной философии феномен власти выступает центральным объектом исследований, выходя далеко за пределы традиционной политической философии. Власть понимается как фундаментальная регулирующая сила, укорененная в жизнедеятельности человека и общества, что требует осмысления ее сущностных атрибутов в широком философском контексте. Атрибуты власти – это неотъемлемые свойства, без которых власть утрачивает свою качественную определенность. Их анализ позволяет понять, как власть функционирует, воспроизводится и трансформируется в современном мире, какие формы принимает и какими средствами располагает [1, с. 104].

Одним из основных атрибутов власти, признаваемым большинством философских направлений, является асимметричность властных отношений. Как подчеркивается в философской литературе, наиболее характерным и отличительным признаком власти является подчинение объекта субъекту. Распределение ресурсов во властных отношениях таково, что один из элементов этой системы в значительной мере теряет свободу, волю, субъектность [2, с. 338–345].

В современной философии данный атрибут получает новое осмысление в рамках концепций «господства». Согласно неоклассической

республиканской концепции, господство трактуется как имеющая структурный и диспозиционный характер нелегитимная и нормативно-нежелательная форма власти, которая лишает демократические институты и процедуры их примордиального содержания. Исследования показывают, что отношения господства выступают мощным фактором социетальной дезинтеграции и социальной патологии, формируя пространство неполитического властного взаимодействия, враждебное этому демократической гражданственности [3, с. 45–58].

Важнейшим атрибутом власти в современной философии, особенно в традиции постструктурализма, признается ее вездесущность. Как отмечает современный французский философ Мишель Фуко, не надо думать, что власть – только политическая категория. Государство – лишь макроуровень власти, однако «государство при всем универсальном значении его аппаратов далеко от того, чтобы заполнить собою всю область актуальных взаимодействий власти».

Власть вездесуща и неустранима, как сама жизнь. М. Фуко вводит понятие микрофизики власти, подчеркивая, что власть следует изучать на всех микроуровнях социального взаимодействия. Этот атрибут власти означает, что нет и не может быть людей, равных по своим качествам; всегда существует некая доминанта сил, способная сплотить и навести порядок [4].

В противовес традиционным представлениям о власти как исключительно негативном, подавляющем феномене, современная философия акцентирует ее позитивный характер. М. Фуко призывает «прекратить постоянно описывать проявления власти в негативных терминах: она „исключает“, „подвергает цензуре“, „подавляет“» [4]. На деле власть есть позитивный инструмент, неустранимый из человеческой жизни.

Этот атрибут власти раскрывается в ее способности производить реальность, формировать социальные практики, конструировать субъективность. Отношения людей всегда асимметричны, и власть как оператор действует, используя определенные методы и механизмы, но именно благодаря власти становится возможной социальная организация, координация совместных действий, производство материальных и духовных благ. В этой связи необходимая мера свободы может быть реализована не за пределами власти, а во взаимодействии с ней [4].

В неклассической философии важным атрибутом власти признается ее иррациональность. Как отмечается в исследовании онтологических аспектов власти, неклассическая парадигма выдвинула представление о власти как о проявлении иррациональности человеческой психики. Философы волюнтаристской онтологии (Ф. Ницше, А. Шопенгауэр) пред-

ставляют власть как категорию антропологического дискурса, основные свойства которой определяются через понятия универсальности, иррациональности, субъектности, тотальности, вездесущности.

Ф. Ницше вводит понятие воли к власти как фундаментального принципа всего сущего, движущей силы истории и культуры. В этой концепции власть лишается своего трансцендентного статуса и этического характера, традиционно обеспечивавшего ей легитимность в обществе, но обретает свойства всеобщности и имманентности человеческой природе в бессознательных структурах психики [2].

В постнеклассической философии власть наделяется атрибутами самоорганизации и самовоспроизводства. Как показывает В.М. Танаев, политическая власть может быть представлена в виде постнеклассического объекта с пятью самопризнаками: самовозникновение, самоструктуризация, саморегулирование, саморазвитие и самовоспроизводство.

Это означает, что власть не является статичным образованием или простым инструментом в руках тех или иных субъектов. Она обладает способностью к самоорганизации, к воспроизводству собственных структур и отношений. Мегауровень регуляции политической власти определяется волнами социокультурной динамики и фазами этногенеза, а также особенностями этнопсихологии этноса (нации). Макроуровень регуляции политической власти связан с первичным общественным саморегулятором «власть», оптимально представленным в виде государства [5, с. 104–109].

Таким образом, в современной философии основные атрибуты власти осмысливаются в широком междисциплинарном контексте. Ключевыми атрибутами выступают: онтологическая укорененность власти в структурах бытия; асимметричность и отношение господства-подчинения; вездесущность и микрофизика власти; продуктивность и позитивность; иррациональность; способность к самоорганизации и самовоспроизводству. Как подчеркивают исследователи, феномен власти является центральным объектом исследований в политической философии, социологии, психологии, и его теоретико-концептуальные аспекты охватывают различные интерпретации, подходы и определения, позволяющие понять сущность власти, ее проявления и механизмы в обществе. Дальнейшее развитие кратологии как науки о власти позволит углубить понимание этого фундаментального феномена человеческого бытия.

Список использованных источников

1. Носков, В.А. Философия и антропология власти : учеб. пособие / В.А. Носков. – Белгород : НИУ БелГУ, 2023. – 104 с.

2. Яцевич, М.Ю. Онтологические аспекты власти в западноевропейском дискурсе / М.Ю. Яцевич // Вестник Кемеровского государственного университета. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 338–345.

3. Недяк, И.Л. Концептуализация власти в современном научном дискурсе господства / И.Л. Недяк // Полис. Политические исследования. – 2022. – № 2. – С. 45–58.

4. Соловьева, Г.Г. Власть и ее модальности / Г.Г. Соловьева. – URL: <https://iph.kz/ru/slyader-na-glavnoy/vlast-i-ee-modalnosti/> (дата обращения: 23.03.2026).

5. Танаев, В.М. Базовые основы политической власти: постнеклассический подход и типологические аспекты / В.М. Танаев. – Екатеринбург : Гуманитар. ун-т, 2023. – С. 104–109.

УДК 321.013

А.А. Божков, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ГОСУДАРСТВО-ГОРОД ВАТИКАН: СПЕЦИФИКА ПРАВОВОЙ СИСТЕМЫ

Раскрываются специфика и структура правовой системы Государства-города Ватикан, его источники права, принципы верховенства Папы Римского и судебная система.

Ключевые слова: Государство-город Ватикан, Святой Престол, Папа Римский, Понтифик, правовая система, судебная система, источники права.

Правовая система Государства-города Ватикан представляет собой уникальный в современном мире феномен, который невозможно однозначно классифицировать в рамках традиционной типологии правовых семей. Ее специфика обусловлена двойственной природой самого государства, которое, по меткому выражению исследователей, является не просто суверенной территорией, а «государством пребывания» Святого Престола. Целью создания этого государства в 1929 г. была не реализация национального суверенитета какого-либо народа, а обеспечение независимости Папы Римского для осуществления его «вселенской миссии». Эта функциональная подчиненность государства духовным целям предопределила и уникальные черты его правовой системы, сочетающей в себе элементы теократической монархии, канонического права и рецепции итальянского законодательства.

Теократический фундамент: Папа как источник власти и права.

Ключевая особенность правовой системы Ватикана заключается в том, что ее основой является не светская конституция, а божествен-

ный авторитет главы государства. Согласно Основному закону Государства-города Ватикан Верховный Понтифик обладает полной законодательной, исполнительной и судебной властями [1, с. 70–79]. Как отмечал итальянский юрист Д. Анцилотти, власть Папы носит характер, производный от его религиозного статуса.

Эта особенность позволяет говорить о том, что Ватикан является абсолютной теократической монархией. Юридическая власть здесь не делегируется народом или парламентом, а проистекает из сакрального статуса Понтифика. Даже когда Папа делегирует свои полномочия (например, Папской комиссии по делам государства-града Ватикан), высший суверенитет остается за ним. Он может резервировать рассмотрение любого вопроса за собой, а его власть не может быть ограничена никаким иным светским органом. Как подчеркивается в философско-правовом анализе, сакрализация власти Папы носит не персональный, а институциональный характер.

Дуализм правовой природы: Святой Престол и Государство-город Ватикан.

Специфика правовой системы Ватикана не может быть понята вне разграничения двух субъектов: Святого Престола и Государства-города Ватикан. Это фундаментальное различие, признанное современной доктриной международного права [2, с. 5–8].

Святой Престол – это древнейший субъект международного права, центральный орган управления Католической церкви. Его правовая природа является нетерриториальной и духовной.

Государство-город Ватикан – это территориальная база, созданная в 1929 г. Латеранскими соглашениями для обеспечения суверенитета Святого Престола [3, с. 128–143].

Эта двойственность порождает уникальную правовую ситуацию: Ватикан как государство обслуживает потребности Святого Престола, а правовая система является инструментом для реализации целей. Правотворчество здесь имеет два уровня: акты, исходящие от Папы как главы Церкви (Конституции, энциклики, Кодекс канонического права), и акты, издаваемые от имени Государства Ватикан (Основной закон, декреты губернатора). Однако в конечном счете правотворчество замыкается на фигуре Понтифика.

Источники права и иерархия норм.

Правовая система Ватикана отличается сложной иерархией источников, где высшую силу имеют не светские законы, а божественное право.

1. Божественное право (*Ius Divinum*) и каноническое право. Они составляют фундамент всей системы. Кодекс канонического права (*Codex Iuris Canonici*) регулирует не только церковную жизнь, но и имеет пря-

мое действие в государстве, особенно в вопросах, касающихся статуса органов управления, брачных отношений и деятельности судов [4].

2. Конституционные акты. Основной закон 1929 г., Латеранские соглашения (Политический договор и Конкордат).

3. Рецепция итальянского права. Это одна из самых ярких особенностей. Ватикан не имеет собственных детально проработанных кодексов (гражданского, уголовного, процессуального). Поэтому Закон об источниках права 1929 г. установил, что на территории Ватикана применяются итальянские законы (Уголовный, Гражданский, Торговый кодексы) при условии, что они не противоречат божественному праву, каноническому праву и Латеранским соглашениям. Однако, как отмечают исследователи, это не просто заимствование, а творческая рецепция: ватиканские суды и законодатель адаптируют итальянские нормы к местной специфике.

4. Собственное законодательство. Законы, издаваемые Папской комиссией, ордонансы Президента Губернаторства и другие подзаконные акты.

Примечательно, что в 2008 г. Ватикан объявил о прекращении автоматического принятия новых итальянских законов. Отныне они проходят проверку на соответствие католическому учению, что подчеркивает примат религиозных норм над светскими.

5. Судебная система и принцип верховенства Папы.

Судебная власть, как и другие ветви власти, делегируется Папой. Судебная система Ватикана включает в себя суд первой инстанции, апелляционный суд, которая называется Римская Рота и Верховный суд – Апостольская Сигнатура [4, с. 525]. Однако и здесь проявляется абсолютный характер власти Понтифика:

Папа может в любой момент изъять любое дело из производства любого суда и передать его специальной комиссии для решения «по справедливости».

Только Папе принадлежит право помилования, амнистии и смягчения наказания.

Судьи назначаются Папой и подотчетны ему.

Таким образом, принцип разделения властей в его классическом понимании в Ватикане отсутствует, будучи замещенным принципом иерархического подчинения единому центру власти.

Специфика правовой системы Ватикана заключается в ее симфоническом единстве сакрального и светского, где первое безусловно доминирует. Это система, которая возникла не эволюционным путем развития национального права, а была создана одновременно для

обеспечения суверенитета теократического института. Ее уникальность проявляется в двойном правовом статусе (Святой Престол и государство), в иерархии источников, где итальянские кодексы действуют лишь постольку, поскольку не противоречат канонам, и в концентрации всей полноты власти в фигуре Римского Понтифика. Изучение правовой системы Ватикана позволяет глубже понять феномен взаимодействия религиозных и светских норм в современном мире, демонстрируя жизнеспособность модели, которую многие считали пережитком Средневековья.

Список использованных источников

1. Боровков, П.С. Учреждение института понтификата в Древнем Риме в интерпретации Тита Ливия: политико-правовой аспект / П.С. Боровков // Genesis: исторические исследования. – 2020. – № 5. – С. 70–79.
2. Дьяченко, С.В. К вопросу о международной правосубъектности Святого Престола / С.В. Дьяченко // Московский журнал международного права. – 2006. – № 3. – С. 4–16.
3. Красилов, А.А. Ватикан: сенсации «Года веры» / А.А. Красилов // Современная Европа. – 2013. – № 3. – С. 128–143.
4. Кодекс канонического права. – М. : Ин-т философии, теологии и истории им. Св. Фома, 2007. – 624 с.

УДК 330.83

И.Ю. Грицкевич, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

КЛАССИФИКАЦИЯ КОЛИНА КЛАРКА СЕКТОРАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ ЭКОНОМИКИ

Раскрывается классификация экономики, предложенная Колином Кларком, сравниваются классификация К. Кларка с Международной классификацией отраслевых стандартов, Временным единым классификатором продукта ООН (СРС), Классификатором продуктов по видам деятельности Евростата, рассматриваются главные векторы трансформации экономики постиндустриального общества.

Ключевые слова: К. Кларк, Д. Белл, постиндустриальное общество, первичный, вторичный и третичный секторы экономики, сфера услуг, четвертичный (информационный) сектор, главные векторы трансформации экономики, стандартизированные классификаторы.

Становление постиндустриальной парадигмы в экономической теории и философии хозяйства было бы невозможным без фундаментальных работ, заложивших основу для секторального анализа экономической деятельности. Одной из таких ключевых теоретических конструкций является классификация, предложенная выдающимся британским экономистом и статистиком Колином Кларком (1905–1989). Его подход к структурированию национального хозяйства, впервые систематически изложенный в работе «Условия экономического прогресса», не только предоставил исследователям мощный аналитический инструмент, но и предвосхитил многие дискуссии о природе и векторах развития современного общества, став неотъемлемой частью теоретического базиса для последующих концепций постиндустриализма, разрабатываемых Д. Беллом и другими авторами [1, с. 62].

Итак, К. Кларк, будучи одним из пионеров национального счетоводства, стремился создать универсальную схему, позволяющую проводить междустрановые и междувременные сопоставления структуры занятости и производства. Он опирался на эмпирические данные и теоретические разработки предшественников, в частности на работы австралийского экономиста Аллана Фишера, который ранее ввел понятия первичного, вторичного и третичного секторов.

Содержательно классификация К. Кларка представляет собой способ группировки всех видов экономической деятельности в три крупных агрегированных сектора на основе их близости к процессу непосредственного извлечения ресурсов из природы и характера производимого продукта.

Первичный сектор экономики включает в себя отрасли, связанные с добычей сырья и производством продовольствия.

Вторичный сектор охватывает отрасли обрабатывающей промышленности и строительства.

Наконец, третичный сектор (или сектор услуг), объединяет отрасли, которые не создают материального продукта в его классическом понимании, но предоставляют разнообразные услуги. Продукт этого сектора, как правило, не имеет вещной формы, потребляется в момент производства и часто требует непосредственного контакта производителя и потребителя [5, с. 7].

Методологическое значение классификации К. Кларка выходит далеко за рамки простой статистической группировки. Он не просто описал структуру, но и сформулировал на ее основе закономерность экономического развития, известную как «закон Кларка», или гипотеза о секторальных сдвигах [7, с. 41].

Эта модель получила широкое признание и развитие в трудах теоретиков постиндустриального общества. В частности, Д. Белл в своей работе «Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования» опирается на секторальную модель Кларка как на отправную точку для своей концепции, выделяя доиндустриальное, индустриальное и постиндустриальное состояния общества [3, с. 10]. Таким образом, классификация К. Кларка служит для Д. Белла статистической базой, иллюстрирующей глубинные социальные сдвиги [6, с. 13].

Подход Кларка позволяет:

типологизировать общества по доминирующему сектору занятости, относя страны либо к аграрным, либо к индустриальным, либо постиндустриальным;

анализировать долгосрочную динамику, выявляя устойчивые векторы структурной перестройки экономики в ходе модернизации;

прогнозировать социальные последствия экономических сдвигов, такие как урбанизация, изменение профессионально-квалификационной структуры населения, трансформация социального неравенства и т. д. [4, с. 9].

Однако, как и любая теоретическая модель, классификация К. Кларка не лишена ограничений и подвергалась критике. Развитие современных информационно-коммуникационных технологий привело к появлению так называемого четвертичного (информационного) сектора, что ставит вопрос о необходимости дальнейшей дифференциации модели. Тем не менее фундаментальное значение трехсекторной модели для понимания закономерностей формирования постиндустриального общества неоспоримо. Она остается классическим инструментом экономического и социального анализа [7, с. 43].

Несмотря на свою эвристическую ценность, модель Кларка имела ограничение. Для практических целей статистического учета, налогообложения, экономического анализа и формирования экономической политики потребовались более детализированные и стандартизированные классификаторы. Их разработка стала задачей международных организаций во второй половине XX в. Ключевыми из них являются Центральный классификатор продуктов (СРС) ООН и Европейская классификация продуктов по видам деятельности (СРА). Разработка СРС велась Статистическим отделом ООН для создания единого международного стандарта, классифицирующего все товары и услуги, которые могут быть объектом внутренних или международных операций. СРС классифицирует продукты (результаты деятельности) на основе их физических характеристик и природы оказываемых услуг. Это позволяет более точно учитывать многообразие продукции в современной экономике.

Первичному сектору Кларка в СРС соответствуют продукция сельского хозяйства, лесного хозяйства, рыболовства; полезные ископаемые; электроэнергия, газ и вода. Вторичному сектору – продукция обрабатывающей промышленности, металлоизделия, машины и оборудование. Однако именно в классификации третичного сектора проявляется основное отличие. Если К. Кларк объединял все услуги в один сектор, СРС предоставляет их детальную структуру, выделяя, например, услуги в сфере недвижимости, образования, здравоохранения и т. д. Это позволяет анализировать внутреннюю структуру сферы услуг, что невозможно в рамках модели Кларка.

Если СРС является глобальным стандартом, то СРА представляет собой его европеизированную версию, адаптированную для нужд Европейского союза. Сравнительный анализ СРА и модели Кларка выявляет еще более высокий уровень детализации и структурированности. Таким образом, СРА позволяет не просто отнести деятельность к «услугам», а получить точную цифровую информацию. Это иллюстрирует переход от макротеоретического обобщения Кларка к микроэкономическому анализу и статистической отчетности.

Проведенный анализ демонстрирует, что классификация К. Кларка, выделяющая три сектора, выполняя роль фундаментальной теоретической матрицы для понимания долгосрочных структурных сдвигов. Современные международные классификаторы, такие как СРС ООН и СРА Евростата, не отвергают эту модель, а наследуют и развивают ее. Они решают задачу, которую трехсекторная модель решить не могла.

Стадиальная теория развития общества, берущая начало в трехсекторной модели К. Кларка, предполагает не просто количественное доминирование сферы услуг, но и глубокие качественные изменения в структуре экономики по мере перехода к постиндустриальной стадии. Если Кларк зафиксировал сам факт перемещения экономической активности в третичный сектор, то последующие теоретики, прежде всего Д. Белл, а также современные исследователи, столкнулись с необходимостью анализа внутренней неоднородности этого сектора и выявления магистральных направлений его трансформации. Анализ теоретических источников позволяет выделить несколько взаимосвязанных векторов этой трансформации.

Первый и основополагающий вектор – изменение осевого принципа общественной организации. Это делает центральным процессом не физический труд, а обработку информации, коммуникацию и выработку решений, что фундаментально меняет характер экономической деятельности [2, с. 45].

Второй вектор – интеллектуализация и сервисизация экономики. Происходит не просто рост доли услуг, а проникновение сервисных принципов во все сферы, включая промышленность [4, с. 10].

Третий вектор – цифровизация и платформизация экономических отношений. Развитие информационно-коммуникационных технологий не просто создало новый «четвертичный» сектор, но и коренным образом преобразовало способы предоставления и потребления традиционных услуг. Это приводит к формированию новых бизнес-моделей и каналов сбыта.

Четвертый вектор – изменение структуры занятости и профессионального состава. На смену массовому рабочему классу индустриальной эпохи приходит рост числа специалистов, техников и профессионалов («белых воротничков»), чья деятельность связана с созданием, обработкой и применением знаний.

Пятый вектор – превращение знания в ключевой фактор производства и объект экономического обмена. Услуги становятся не просто вспомогательными, а системообразующими элементами экономики. Они формируют «интеллектуальный каркас» постиндустриального хозяйства, обеспечивая его конкурентоспособность и инновационный потенциал.

Описанные векторы трансформации привели к тому, что гетерогенный третичный сектор, выделенный Кларком, более не мог служить адекватным инструментом анализа. Внутри него сформировались два качественно различных полюса, различающихся по своей экономической природе, роли в воспроизводственном процессе и драйверам развития: сектор потребительских услуг (B2C) и сектор услуг для бизнеса (B2B).

Ключевая причина такого разделения коренится в различии экономических функций этих двух сегментов. Потребительские услуги нацелены на удовлетворение личных потребностей конечных потребителей (домохозяйств). Сектор услуг для бизнеса напротив, обслуживает производственные потребности других предприятий и организаций.

Второй фундаментальной причиной разделения является зрелость самого постиндустриального уклада. На ранних стадиях развития сферы услуг доминировали простые формы обслуживания (торговля, личные услуги). Однако по мере углубления разделения труда, усложнения технологий и роста значения знаний возник запрос со стороны бизнеса на высокоспециализированные профессиональные услуги.

Третья причина – различия в механизмах ценообразования, маркетинга и конкуренции. В B2C-сегменте ключевую роль играют эмоцио-

нальные факторы, бренд, удобство и цена для конечного потребителя. В В2В-сегменте на первый план выходят рациональные критерии: надежность, соответствие техническим стандартам, способность повысить эффективность бизнеса клиента, долгосрочные контракты и репутация [5, с. 12].

Четвертая причина связана с эволюцией бизнес-моделей в сторону экосистем и платформ. В современной экономике происходит конвергенция В2В и В2С, порождающая гибридные модели (например, В2В2С), где бизнес-клиент (В) получает доступ к конечному потребителю (С) через платформу [1, с. 66; 7, с. 44].

Таким образом, разделение третичного сектора на В2С и В2В является не просто статистической или маркетинговой условностью, а объективным результатом углубления постиндустриальной трансформации. Если В2С-сегмент в значительной степени отражает уровень жизни и потребительские стандарты общества, то В2В-сегмент характеризует его производственный и технологический потенциал, способность к генерации и использованию знаний, что и является сущностной чертой постиндустриальной экономики.

Список использованных источников

1. Базыкин, Д.В. Статус постиндустриальной теории в системе наук об обществе / Д.В. Базыкин // Вестник Вятского государственного университета. – 2009. – Т. 4, № 1. – С. 60–70.
2. Белл, Д. Эпоха разобщенности: размышления о мире XXI века / Д. Белл, В.Л. Иноземцев. – М. : Свобод. мысль, Центр исслед. постиндустр. о-ва, 2007. – 304 с.
3. Белл, Даниел Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Даниел Белл ; пер. с англ. под ред. В.Л. Иноземцева. – М. : Академия, 2004. – 783 с.
4. Белякова, В.А. Основные положения теории постиндустриального общества / В.А. Белякова // Проблемы современной экономики. – 2012. – № 8. – С. 8–12.
5. Вапнярская, О.И. Становление и современный этап развития сервиса в секторе В2В / О.И. Вапнярская, Е.В. Поворина // СЕРВИС plus. – 2010. – № 3. – С. 5–14.
6. Голованова, Е.В. Прогностический потенциал теории постиндустриализма Д. Белла / Е.В. Голованова // Вестник славянских культур. – 2013. – № 4. – С. 11–17.
7. Домакур, О.В. Постиндустриальное общество: структура, признаки, механизм и закономерности формирования / О.В. Домакур // Экономическая наука сегодня. – 2016. – № 4. – С. 39–47.

А.В. Гулякевич, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ЭТИЧЕСКИЕ ПРИНЦИПЫ И ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА В КОНФУЦИАНСКОЙ ФИЛОСОФИИ

Анализируются ключевые понятия конфуцианской этики – «ли» (ритуал), «цзюнь-цзы» (благородный муж), «сяо» (сыновняя почтительность) – и их проекция на сферу правового регулирования. Рассматривается исторический диалог конфуцианства и легизма, результатом которого стал синтез этических норм и позитивного закона, сформировавший интегративный тип правопонимания. Исследуются особенности конфуцианского правопонимания.

Ключевые слова: конфуцианство, правовая культура, этические принципы, «ли» (ритуал), легизм, правопонимание, конфуцианский конституционализм, традиционные ценности.

Конфуцианство представляет собой уникальное этико-философское учение, определившее вектор развития китайской цивилизации на более чем две с половиной тысячи лет [4, с. 71]. Взаимодействие этических принципов и правовой культуры в конфуцианской традиции составляет одну из наиболее сложных и актуальных проблем современного правоведения и философии права [5, с. 35]. Специфика конфуцианского подхода заключается в принципиально ином, по сравнению с западной традицией, понимании роли закона в регулировании общественных отношений: право здесь никогда не рассматривалось как самостоятельный инструмент обеспечения справедливости, будучи неразрывно связанным с моральным совершенствованием личности и поддержанием социальной гармонии [6, с. 23]. Данное исследование направлено на выявление фундаментальных этических оснований конфуцианской философии и анализ их влияния на формирование особого типа правовой культуры, а также на рассмотрение исторической эволюции взаимодействия ритуала «ли» и закона «фа» как двух регулятивных систем китайского общества.

Философское учение Конфуция возникло в переломный период древнекитайской истории – эпоху «Сражающихся царств» (V–III вв. до н. э.), характеризовавшуюся масштабными социально-политическими кризисами и потрясениями, затронувшими все слои населения Поднебесной [7, с. 122]. Как справедливо отмечают исследователи, в условиях нестабильной общественной конъюнктуры происходит динамичная

трансформация мировоззренческих парадигм: кризисы способствуют либо видоизменению существующих устоев социума, либо возникновению новых социальных концепций [8, с. 3]. Конфуций предложил оригинальную философскую систему, в центре которой находился человек и его нравственное совершенствование как основа гармоничного устройства государства [4, с. 72]. В отличие от современных ему мыслителей, Конфуций мало уделял внимания идее небесного мандата, выдвинув на передний план категорию «Дао» – великого истинного пути, мудрого и справедливого порядка, нормы правильного поведения [6, с. 24]. Уже на этапе зарождения конфуцианства определилась его ключевая особенность: приоритет этического начала перед формально-юридическим [5, с. 36].

Центральной категорией конфуцианского учения выступает понятие «ли» (ритуал, этические нормы). У Конфуция в работе «Лунь юй» («Беседы и суждения») в качестве основного регулятора общественных отношений выступают именно нормы ритуала, а не закон или естественное право [4, с. 73]. Как подчеркивается в современной литературе, средством поддержания справедливого порядка у Конфуция является не закон, а соблюдение традиций, моральных норм, закрепляющих некий образ идеального поведения, основанного на соблюдении «меры» во всем, что должно побуждать человека к уступкам, компромиссам [7, с. 125]. Ритуал «ли» выполнял функцию универсального социального регулятора, определяя поведение человека в семье, обществе и государстве [8, с. 4]. В отличие от позитивного закона, нормы ритуала усваивались через воспитание, подражание образцам и внутреннее убеждение, что обеспечивало их более глубокую интернализацию [5, с. 37].

Конфуций коренным образом трансформировал понятие «благородного мужа» («цзюнь-цзы»), употребляя его уже не применительно к ушедшей в прошлое аристократии, но по отношению к истинно порядочному, высокодобродетельному человеку [6, с. 25]. «Цзюнь-цзы» становится недостижимым идеалом высших добродетелей, сочетания всего достойнейшего [4, с. 74]. Учитель утверждал: «Благородный муж всегда исходит из чувства справедливости, которое выражается в том, что в делах он следует правилам «ли», в речах скромно, при завершении дел справедлив» [7, с. 128]. С правовой точки зрения, концепция «благородного мужа» задавала масштаб оценки поведения: правомерным признавалось не столько то, что соответствует писаной норме, сколько то, что согласуется с образом добродетельного человека [5, с. 38]. Это формировало особый тип правосознания, ориентированный на идеальные образцы, а не на формальные предписания.

Фундаментальное значение в конфуцианской этике имеет принцип «сяо» – сыновней почтительности, почитания старших, а также вышестоящих на иерархической лестнице [6, с. 26]. Патриархальный характер конфуцианской этики зиждется на почитании культа предков, что в конечном счете выливается в отождествление семьи и государства и растворение индивида в коллективе [1, с. 5]. Гармоничное общество, согласно учению Конфуция, созданное на основе «веления Небес» – это совокупность групп (объединений людей), каждая из которых должна существовать в социальных и правовых условиях, максимальных для осуществления отведенных ей функций [4, с. 75]. Иерархичность, основанная на возрасте и статусе, переносилась из семейных отношений в публично-правовую сферу: правитель мыслился как «отец народа», чиновники – как «старшие братья», что придавало публичной власти патерналистский характер и одновременно возлагало на нее моральную ответственность за подданных [5, с. 39].

Ни одна правовая система в мире не испытала столь мощного влияния двух противоборствующих философских учений, как правовая система Древнего Китая, в истории которой этико-политические догматы конфуцианства и политико-правовые концепции легизма стали определяющими факторами поступательного развития права [7, с. 130].

Обострение противоборства двух идеологий достигло пика во второй половине III в. до н. э., когда легизм в его крайней форме стал официальной идеологией первой китайской империи Цинь (221–207 гг. до н. э.) [6, с. 27]. Легисты, придя к власти, предприняли безуспешные попытки вытравить из массового сознания конфуцианские догматы с помощью преследования их поборников и уничтожения конфуцианских книг [7, с. 132]. Однако с утверждением династии Хань происходит слияние легизма и конфуцианства в новое учение – ортодоксальное ханьское конфуцианство [4, с. 76]. В работе Сюнь-цзы уже наблюдаются попытки сближения конфуцианских правил ритуала «ли» и легистского закона «фа» [6, с. 28]. Ортодоксальное конфуцианство не отвергало закона и строгих наказаний, предполагая взаимодействие строгости и снисхождения [8, с. 5]. Из этого предположения вытекало, что мораль и право совпадали: мораль задавала стереотип поведения, право с помощью наказаний запрещало от него уклоняться [5, с. 40]. Нормы господствующей конфуцианской морали должны были отныне насаждаться силой, строгой карой закона, что выразилось в формулах: «там, где недостает „ли“, следует применять „фа“» [7, с. 135]. В Китае сложился новый тип правопонимания – интегративный или синтетический, ставший доминирующим как в теории, так и в правоприменительной практике [6, с. 29].

В системе конфуцианских ценностей индивид мыслился не как автономный субъект, обладающий естественными правами, но как элемент иерархически организованного целого, наделенный определенными обязанностями соответственно своему статусу [4, с. 77]. Как отмечается в литературе, посвященной «азиатским ценностям», приоритеты конфуцианской этики – многообразие культур, экономические права и коллективизм – противопоставляются европейскому подходу – универсализму прав человека, политическим и гражданским правам, индивидуализму [1, с. 7]. Правовая культура, сформированная конфуцианством, ориентирована на поддержание гармонии в обществе через исполнение каждым своих обязанностей, а не через отстаивание субъективных прав [5, с. 41]. Отсюда проистекает традиционная для Китая практика разрешения конфликтов путем медиации и примирения, а не через судебное разбирательство, которое воспринимается как крайнее средство, свидетельствующее о разрыве социальных связей [7, с. 138].

В настоящее время конфуцианство продолжает оказывать значительное влияние на правовую культуру китайского общества [5, с. 42]. Современные исследователи ставят вопрос о возможности альтернативной модели – конфуцианского конституционализма, который учитывает традиции Китая [2, с. 35]. При сравнении западной концепции конституционализма и конфуцианства обнаруживается определенная схожесть: ритуал «ли» может быть сопоставлен с принципом соблюдения процедуры, а человеколюбие «жэнь» – с «презумпцией конституционности» [3, с. 33]. Основным концептуальным расхождением является отсутствие в конфуцианской этике «трансцендентного закона», заменяемого чувством долга [2, с. 37]. Тем не менее формирующиеся плюралистические концепции конституционализма допускают отход от отдельных положений «классической» модели в пользу концепций, учитывающих национально-культурные особенности, при условии сохранения основного смысла и «духа» идеи конституционализма [3, с. 35].

Проведенный анализ позволяет сформулировать определенные выводы. Конфуцианская философия создала уникальную модель соотношения этики и права, в которой моральное совершенствование личности и поддержание социальной гармонии рассматривались как цели, более значимые, чем формальное соблюдение законов [4, с. 78]. Ключевые этические категории конфуцианства – «ли» (ритуал), «цзюнь-цзы» (благородный муж), «сяо» (сыновняя почтительность) – сформировали особый тип правовой культуры, для которого характерны: приоритет обязанностей перед правами, растворение индивида в коллективе, восприятие государства по модели патриархальной семьи, недоверие к

формальным юридическим процедурам [5, с. 43]. В современном Китае конфуцианское наследие продолжает определять специфику правовой культуры, выступая основой для поиска национальной модели конституционализма, учитывающей традиционные ценности и исторический опыт [2, с. 38].

Понимание этой специфики необходимо как для адекватной оценки современных правовых процессов в Китае, так и для развития сравнительного правоведения в целом.

Список использованных источников

1. Юмашев, Ю.М. Азиатские ценности: между моралью, политикой и правом / Ю.М. Юмашев // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2019. – № 3. – С. 1–12.
2. Загородний, В.В. Конституционный контроль в Китайской Народной Республике. Влияние конфуцианства и практическая реализация / В.В. Загородний // Журнал конституционного правосудия. – 2024. – № 2. – С. 33–38.
3. Загородний, В.В. Конфуцианство и конституционализм / В.В. Загородний // Журнал конституционного правосудия. – 2024. – № 4. – С. 31–38.
4. Любимов, А.П. Конфуцианство как этико-социально-политическое учение и его место в современном государственном и международном праве / А.П. Любимов // Философские науки. – 2015. – № 3. – С. 71–78.
5. Миронов, В.А. Влияние конфуцианства на правовую культуру китайского государства / В.А. Миронов // История государства и права. – 2024. – № 12. – С. 35–43.
6. Моисеева, О. Древнекитайские концепции правопонимания / О. Моисеева, В. Русанов // Юрислингвистика. – 2023. – № 28. – С. 22–28.
7. Право Древнего Китая // История государства и права зарубежных стран / под ред. Н.А. Крашенинниковой. – М. : Норма, 2023. – С. 120–145.
8. Сидаш, К.С. Особенности конфуцианства в Древнем Китае / К.С. Сидаш, З.Н. Каландаришвили // Международный журнал экспериментального образования. – 2016. – № 5. – С. 1–8.

УДК 001:501

А.А. Ефимович, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *Л.Е. Лойко*,
кандидат философских наук, доцент

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ В XXI в.

Рассматриваются некоторые особенности и изменения, происшедшие в химии к XXI в., такие как смена методологических установок, возникновение

тенденций к интердисциплинарности и экологизации научных исследований, а также примеры применения химических методов в судебно-экспертной деятельности.

Ключевые слова: естествознание, химия, методология, нанотехнологии, экологизация, интердисциплинарность, судебная экспертиза.

Естествознание – это одна из наиболее важных областей познания, объединившая в себе различные отрасли науки, объектом изучения которых является природа как объективная реальность. На протяжении веков естествознание являлось основой для развития науки и техники.

Химия, как одна из ключевых дисциплин естествознания, играет весомую роль в миропонимании. Она изучает закономерности строения и превращения веществ на атомном и молекулярном уровнях и условия, при которых эти превращения происходят. С момента возникновения химия претерпела значительные изменения, пройдя путь от протохимии и алхимии до современного этапа. Сегодня химия является высокоразвитой наукой с множеством прикладных направлений.

Несмотря на высокие достижения, химия не прекратила своего развития и динамично реагирует на условия и вызовы современности. Так, к XXI в. изменились методологические установки, методы и средства исследования. Конкретно это выражается в математизации знаний, широком применении в экспериментальных и теоретических исследованиях технического оборудования и математических методов, использовании компьютерных технологий.

Например, использование компьютерного моделирования химических молекул дает возможность понять, как устроен микромир на молекулярном уровне, с высокой достоверностью находить свойства молекул и производить прогнозы. На основании таких прогнозов можно судить как о самой возможности существования той или иной молекулярной системы, так и об уникальных характеристиках таких систем, и преимущественных направлениях развития тех или иных природных явлений [1, с. 87].

Особенностью химии XXI в. является применение нанотехнологий. Они открывают широкие возможности для инноваций в различных областях: от медицины до энергетики и экологии. Разработка и внедрение новых наноматериалов и наночастиц приносят значительные результаты в различных отраслях.

Интересным примером применения наночастиц является их использование в медицине для диагностики и лечения заболеваний. Наночастицы могут доставлять лекарства точно в пораженные участки организма, минимизируя побочные эффекты и увеличивая эффективность терапии.

Нанотехнологии находят широкое применение и в промышленности. Так, в области катализаторов наноматериалы позволяют значительно повысить эффективность химических реакций, что приводит к сокращению затрат энергии и ресурсов. Это находит свое применение в областях нефтехимической и фармацевтической промышленности [2, с. 26].

Следуя общенаучным тенденциям XXI в., химия включилась в процессы экологизации. Вследствие воздействия ряда факторов антропологического характера, таких как загрязнение воздуха, вод и почв, вырубка лесов, изменение ландшафта при создании водохранилищ и городов, произошло ухудшение состояния окружающей среды. Это ставит под угрозу не только целостность и стабильность биосферы, но и само человечество. Поэтому приоритетным направлением стала так называемая зеленая химия, задачей которой является предотвращение загрязнения окружающей среды. Данная задача реализуется несколькими путями:

- создание безопасных и биоразлагаемых материалов, минимизация токсичности веществ на всех стадиях производства;

- поиск способов синтеза с выработкой наименьшего количества побочных продуктов и использованием минимума вспомогательных реагентов (различного рода растворителей и экстрагентов);

- использование безопасных и устойчивых реагентов;

- уменьшение энергозатрат при производстве и использовании возобновляемого сырья;

- разработка методов утилизации уже существующих отходов и очистки среды [3, с. 84–85].

До XIX в. взаимная дифференциация и специализация науки являлись ведущими тенденциями и, несмотря на то, что отвечали уровню и задачам того времени, постепенно привели к росту рассогласования научных дисциплин и кризису единства науки. Кроме этого, стали возникать проблемы, решение которых требует междисциплинарного подхода. Это обусловило переход в научном познании к тенденциям интердисциплинарности и широкой интеграции наук.

Тенденция интердисциплинарности обнаруживается в различных областях научных исследований. В результате возникают «пограничные» науки, например, геохимия, биохимия. Посредством применения междисциплинарных научных методов и отраслевых подходов (спектральный анализ, хроматография, компьютерный эксперимент) формируются общие теории и направления (единая теория полей, глобальный эволюционизм). В результате границы, существующие между отдельными дисциплинами, становятся все более условными. Фундаментальные науки глубоко проникают друг в друга, а прикладные возникают на стыке нескольких дисциплин [1, с. 91].

Еще одной чертой химии XXI в. стало ее широкое внедрение в судебно-экспертную деятельность. Химические методы применяются для качественного, количественного и полуколичественного анализов веществ. В ходе химической реакции изменяются параметры, связанные с расходом исходных веществ или образованием продуктов реакции (осаждение окрашенных соединений, кристаллов или выделение газообразных веществ), которые можно наблюдать визуально. В экспертной практике характерные аналитические реакции обычно проводят в микропробирках с применением капельного и микрокристаллоскопического анализа.

Примером применения химических методов в процессе криминалистического исследования является, например, использование в рамках судебной дактилоскопической экспертизы цветных реакций для обнаружения потожировых следов рук. В качестве реагентов используются азотнокислое серебро, нингидрин, кристаллический фиолетовый краситель, суданский черный краситель. Каждое из этих веществ избирательно реагирует с тем или иным компонентом следа, образуя характерное окрашивание. Например, азотнокислое серебро вступает в реакцию с ионами хлоридов, которые содержатся в потожировом веществе, образуя при этом хлорид серебра, имеющий белый цвет и выпадающий в осадок.

Для выявления ионов металла в продуктах выстрела применяют диффузно-контактный метод. Он заключается в растворении соединений металла на объекте-носителе в растворе реактива-растворителя, переносе его с объекта-носителя на фотобумагу за счет диффузии ионов и выявлении ионов металла на фотобумаге чувствительными качественными химическими реакциями с изменением окраски. Например, ионы сурьмы, которая мало распространена в природе и характерна для продуктов выстрела некоторыми видами патронов, окрашиваются в малиново-розовый цвет. Для ионов свинца на контактограмме характерно коричневое окрашивание, для ионов меди – оливково-зеленое окрашивание.

Капельные реакции широко применяются в судебной технической экспертизе документов для установления природы веществ, используемых для травления. В качестве травящих веществ применяют сильные окислители: марганцевокислый калий, хлорную воду, хлорную известь, хлорамины, гипохлориты натрия и калия, перекись водорода, персульфаты аммония, сернистые соединения, органические кислоты и минеральные кислоты, щелочи. Например, для определения ионов марганца к полученной вытяжке веществ с места травления добавляют 2–3 капли 1 %-го раствора азотнокислого серебра, несколько кристаллов персульфата аммония и 2–3 капли 10 %-й азотной или серной кислоты. После

подогревания смеси до 50°C появляется красное окрашивание, что свидетельствует о присутствии ионов марганца [4, с. 144–149].

Таким образом, мы видим, что химия, являясь одной из старейших наук естественного цикла, не только не теряет своей актуальности, но и наращивает ее. Она гибко реагирует на вызовы и требования современности, открывая для себя новые области практического применения.

Список использованных источников

1. Лойко, Л.Е. Концепции современного естествознания: концептуальные основания химической и биологической картины мира и перспективы развития естествознания : пособие / Л.Е. Лойко, С.В. Масленченко, Е.Н. Мисун ; под общ. ред. Л.Е. Лойко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., испр. и доп. – Мн. : Акад. МВД, 2021. – 113 с.

2. Нанотехнологии в химии: перспективы и применение / Г. Алланазарова, А. Канаева, Б. Сатдыев // Международный научный журнал «Инновационная наука». – 2024. – № 10-1. – С. 25–27.

3. Зеленая химия и тенденции ее развития / Н.А. Алферова, А.М. Минакова, Ю.М. Аверина, В.В. Меньшикова // Успехи в химии и химической технологии. – 2017. – Т. 31, № 15. – С. 84–85.

4. Методы и средства экспертных исследований : учеб. пособие / Г.А. Мельникова ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – Мн. : Акад. МВД, 2016. – 185 с.

УДК 349.6

И.А. Комаров, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ОБЕСПЕЧЕНИЯ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Раскрывается содержание концепции «устойчивого развития» и демонстрируются правовые ее основы обеспечения в законодательных актах Республики Беларусь.

Ключевые слова: глобалистика, устойчивое развитие, правовое регулирование, экологическое право, Национальная стратегия устойчивого развития, Экологический кодекс, коэволюция, биосфера, социальная справедливость.

В конце XX – первой четверти XXI в. вновь актуализируется экологическая проблематика в контексте глобализации общественного развития, инициирующая формирование глобалистики, которая претендует на ста-

тус новой междисциплинарной науки, изучающей закономерности развития глобальной цивилизации в единстве и взаимосвязи ее природно-экологического, технико-экономического, социально-политического и духовного измерений. В связи с этим особую актуальность приобретает проблема устойчивого развития, связанная с поиском новой стратегии развития и преодоления социально-экологических аномалий современного общества. Распространение термина «устойчивое развитие» и его активное использование связано с публикацией доклада Международной комиссии по окружающей среде и развитию под руководством Гру Харлем Брундтланд «Наше общее будущее» (1987), которая придала термину «устойчивое развитие» совершенно новый социокультурный статус, отражающий особую форму поддержания стабильного соотношения между социальной структурой и благосостоянием человечества, с одной стороны, и природными процессами – с другой. В июне 1992 г. на Конференции ООН по окружающей среде и развитию идея устойчивого развития была из области теоретических дискуссий переведена в плоскость практических решений. Началась разработка национальных стратегий устойчивого развития отдельных государств. Республика Беларусь одной из первых в мире разработала Национальную стратегию устойчивого развития (1997).

Под устойчивым развитием понимают «процесс изменений, в котором эксплуатация природных ресурсов, направление инвестиций, ориентация научно-технического развития, развитие личности и институциональные изменения согласованы друг с другом и укрепляют нынешний и будущий потенциал для удовлетворения человеческих потребностей и устремлений» [1, с. 113–119]. Ключевыми принципами устойчивого развития можно обозначить: способность человечества обеспечить устойчивое развитие; относительность ресурсных ограничений; приоритет базовых потребностей всех людей; соответствие образа жизни богатых экологическим возможностям планеты; согласование роста населения с потенциалом экосистем. В белорусском праве эти положения трансформируются в нормативные императивы. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года (далее – НСУР–2040) определяет устойчивое развитие как баланс экономического роста, социальной справедливости и экологической безопасности, ориентированный на гармоничное развитие личности, общества и природы [3]. Аналогично Стратегия в области охраны окружающей среды Беларуси на период до 2035 года подчеркивает, что охрана окружающей среды является ключевым направлением перехода к устойчивому развитию, сбалансированному с экономикой и социальной сферой [3].

Правовое регулирование устойчивого развития в Беларуси строится на многоуровневой системе документов. На местном уровне фундаментальные основы представлены в коллективной монографии под редакцией Т.И. Макаровой (сейчас руководит кафедрой экологического и аграрного права в Белорусском государственном университете), где обосновывается необходимость совершенствования законодательства для реализации устойчивого развития через органы местного самоуправления [2, с. 5]. Авторы монографии подчеркивают роль локальных правовых механизмов в обеспечении экологической безопасности и социальной справедливости на уровне территориальных общин.

На национальном уровне центральное место занимает НСУР–2040, которая интегрирует принципы устойчивого развития в государственное прогнозирование и планирование.

Важным шагом систематизации экологического законодательства является концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь (2025). Кодекс направлен на создание единой, согласованной системы норм, где приоритет отдается охране компонентов природной среды над их использованием, а также внедрению инструментов «зеленой» экономики [5]. Это позволяет устранить пробелы, противоречия и дублирования в действующем законодательстве.

Экологические аспекты регулирования раскрываются в Стратегии в области охраны окружающей среды Беларуси на период до 2035 года, которая определяет стратегические цели: обеспечение благоприятного состояния окружающей среды, сохранение биоразнообразия, снижение накопленного экологического вреда и переход к «зеленой» и циркулярной экономике [3]. Механизмы включают в себя совершенствование Национальной системы мониторинга, экономическое регулирование (экологический налог, стимулирование модернизации) и превентивный надзор.

НСУР–2040 конкретизирует экологические цели: повышение доли использования твердых коммунальных отходов до 90 %, сохранение лесистости на уровне 41 %, достижение «хорошего/отличного» статуса 85 % водных объектов к 2040 г., нулевой баланс деградации земель [4]. Вводятся наилучшие доступные технологии, платежи за экосистемные услуги и реестр объектов накопленного вреда.

Концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь закрепляет приоритет природоохранного законодательства, вводит институт ликвидации накопленного вреда, комплексные природоохранные разрешения и регулирование воздействия на климат (квоты на парниковые газы, национальный реестр углеродных единиц) [5]. Таким образом, право выступает инструментом реализации философского императива сохранения биосферы для будущих поколений.

Социальная составляющая устойчивого развития воплощается в обеспечении права каждого на благоприятную окружающую среду, экологическом образовании и вовлечении граждан. НСУР–2040 ставит целью повышение качества человеческого потенциала, достижение индекса человеческого развития, соответствующего группе стран с очень высоким уровнем, увеличение продолжительности жизни до 80,4 лет и обеспечение доступного жилья (35 м² на жителя) [4].

Концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь устанавливает эколого-правовой статус гражданина, гарантирует доступ к экологической информации, общественное участие в экспертизе и возмещение вреда окружающей среде [5]. Именно правовые механизмы самоуправления обеспечивают социальную справедливость и вовлеченность населения в процессы устойчивого развития [2].

Правовое регулирование устойчивого развития в Республике Беларусь представляет собой практическую реализацию концепции гармонии человека, общества и природы. Через НСУР–2040, Стратегию в области охраны окружающей среды Беларуси на период до 2035 года, концепцию проекта Экологического кодекса Республики Беларусь и правовые основы на местном уровне государство создает систему, где экологическая безопасность, социальная справедливость и экономический рост взаимно усиливают друг друга. Перспективы дальнейшего развития связаны с принятием Экологического кодекса Республики Беларусь, цифровизацией экологического контроля и углублением межпоколенческой ответственности. Таким образом, белорусская модель устойчивого развития не только соответствует международным стандартам, но и представляет практико-ориентированное воплощение коэволюции общества и биосферы.

Список использованных источников

1. Левина, Л.И. Понятие «устойчивое развитие». Основные положения концепции / Л.И. Левина // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – Вып. 11. – С. 113–119.
2. Правовые основы устойчивого развития на местном уровне : монография / Т.И. Макарова [и др.]. – Мн. : Ковчег, 2010. – 56 с.
3. Стратегии в области охраны окружающей среды Беларуси на период до 2035 года : приказ М-ва природ. ресурсов и охраны окружающей среды Респ. Беларусь от 24 дек. 2021 г. № 370-ОД. – URL: <https://mosty.gov.by/uploads/files/Official-docs/Strategija-v-oblasti-oxrany-okruzhajuschej-sredy-Respubliki-Belarus-na-period-do-2035-goda.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).
4. Национальная стратегия устойчивого развития Республики Беларусь на период до 2040 года. – URL: <https://economy.gov.by/uploads/files/NSUR/natsionalnaja-strategija-ustojchivogo-razvitija-respubliki-belarus-na-period-do-2040-goda.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).

5. Концепция проекта Экологического кодекса Республики Беларусь (разработана в соответствии с пунктом 36 Плана подготовки проектов законодательных актов на 2023 год, утвержденного Указом Президента Республики Беларусь от 30 декабря 2022 г. № 467, и статьей 43 Закона Республики Беларусь от 17 июля 2018 г. № 130-З «О нормативных правовых актах»). – URL: <https://www.minpriroda.gov.by/uploads/files/Kontseptsija-EK-28.08.2023-na-obsch.-obsuzhd.pdf> (дата обращения: 07.03.2026).

УДК 343.2/7

Н.С. Меньков, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ПРОБЛЕМА СМЕРТНОЙ КАЗНИ В СОЦИАЛЬНОЙ ПРАКТИКЕ

Посвящается вопросам возникновения, исторического формирования и развития института смертной казни, его состояния на современном этапе и применения в социальной практике.

Ключевые слова: история становления института смертной казни, смертная казнь, гуманизм, право на жизнь, правовой институт, проблема смертной казни.

Проблема смертной казни на протяжении всей истории человечества остается одной из наиболее сложных и дискуссионных как в научных дискуссиях, так и социальной практике. В древних цивилизациях и современном обществе высшая мера наказания выступала как инструмент поддержания социального порядка, средство устрашения и форма возмездия за наиболее тяжкие преступления. Уже в ранних правовых системах смертная казнь применялась за широкий круг преступлений и воспринималась как естественная мера наказания.

В то же время развитие гуманистических идей, укрепление ценности человеческой жизни и формирование системы прав человека постепенно изменили отношение общества к данной мере наказания. В эпоху Просвещения многие философы и правоведы начали критически переосмысливать практику применения смертной казни, поднимая вопросы ее моральной оправданности и эффективности. В современном обществе эти дискуссии продолжаются, поскольку проблема затрагивает фундаментальные ценности – право человека на жизнь, принципы справедливости и гуманизма, а также интересы обеспечения общественной безопасности.

Смертная казнь как социальный институт берет свое начало еще с реализации принципов талиона: «око за око, зуб за зуб». Согласно дан-

ному принципу справедливым наказанием за причинение смерти другому человеку являлась смертная казнь. Кроме того, свою роль сыграл и существовавший во многих обществах обычай кровной мести, которую была призвана заменить смертная казнь, осуществляемая от лица государства [1, с. 158–165].

Сведения о применении смертной казни имеют примерно тот же возраст, что и сведения о первых государствах. Как узаконенный в юридическом смысле вид наказания смертная казнь появилась с началом укрепления власти, при переходе к обществу, регулируемому закрепленными правовыми отношениями. Например, на островах Тонга до времени позднего неолита и энеолита (10-5 тысяч лет до н. э.), где вся земля рассматривалась как собственность вождя, смертной казнью карались попытки простых членов первобытной общины перейти со своим земельным наделом к другому вождю. С переходом от родоплеменного деления к территориальному, правовая система совершенствовалась и развивалась, и, соответственно, появлялись новые виды преступлений и наказаний. Однако при этом смертная казнь в протогосударственных образованиях назначалась за проступки, которые считались предосудительными в данном историко-культурном ареале. Например, в одном месте смертью каралось посягательство на собственность знати, в другом – нарушение экзогамных либо сословно-кастовых брачных запретов, в третьем – утрата вождем племени «священной силы», позволявшей ему повелевать природой. Как наглядный пример можно привести шиллуков (Верхний Нил), оказывавших очень высокое почтение своим вождям, но, однако, убивавших их по достижении определенного возраста из-за боязни, что от одряхления вождя ухудшатся урожаи, приплод скота, да и сами люди в племени будут чаще болеть и умирать [2, с. 2776–2780].

На протяжении всего существования человечества смертная казнь приобретала разные формы, особую изощренность и жестокость данный правовой институт получил именно в Средневековье. Именно в этот период ее целью являлось принесение смерти самым медленным и мучительным способом. При господстве церкви на территории Европы не предусматривались исправление преступника и воспитание законопослушного населения.

В Средневековье смертная казнь приобрела особый статус – не только наказания, но и священного публичного ритуала. Лишение преступника жизни позиционировалось как уничтожение зла, идущего от Дьявола, как существа, противоположного Богу. На казни приходило огромное количество людей. Они ликовали, считая, что в контексте каж-

дой казни происходит торжество добра над злом, и восхваляли палача, который, по их мнению, был посредником в свершении божественного правосудия [3, с. 91–93].

Конкретное международное правовое регулирование вопроса смертной казни возникло в XX в. Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 г. стала первым международным нормативно-правовым актом, в котором активно фигурирует вопрос смертной казни. Так, ст. 2 закреплено, что никто не может быть намеренно лишен жизни иначе, как во исполнение вынесенного на основании закона смертного приговора. В то же время п. 1 ст. 64 Конвенции гласит, что любое государство может сделать оговорку в отношении любого положения Конвенции о том, что закон, действующий в это время на его территории, не соответствует этому положению [4].

В современном мире институт смертной казни применяется только в исключительных случаях в ограниченном количестве государств и не является основной мерой наказания. В международной практике нет аналитических данных государств об уровне преступности до и после введения моратория на смертную казнь. Исходя из этого, следует вывод о проблемности данного вопроса и дискуссиях в обществе.

На примере Республики Беларусь можно рассмотреть институт смертной казни в современной правовой системе. Так, в ст. 24 Конституции Республики Беларусь содержится норма, закрепляющая положение смертной казни: смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда [5]. Данная норма отражает особый статус смертной казни в национальной системе уголовных санкций, указывая на ее чрезвычайный характер и ограниченность применения. Вместе с тем конституционное закрепление возможности использования данной меры свидетельствует о сохранении в правовой системе государства исторически сложившегося института высшей меры наказания, несмотря на продолжающиеся международные дискуссии о его гуманистической и правовой допустимости. В общественной среде проблема смертной казни рассматривается в контексте баланса между обеспечением общественной безопасности, принципами справедливого наказания и соблюдением фундаментального права человека на жизнь.

Более конкретное регулирование применения смертной казни содержится в Уголовном кодексе Республики Беларусь. В нем она закреплена как исключительная мера наказания и предусмотрена за ряд особо тяжких преступлений. Например, такая мера может назначаться за раз-

вязывание или ведение агрессивной войны (ст. 122), международный терроризм (ст. 126), геноцид (ст. 127), преступления против безопасности человечества (ст. 128), а также за убийство при особо отягчающих обстоятельствах (ч. 2 ст. 139) и некоторые другие особо опасные преступления [6].

В Российской Федерации право на жизнь закреплено на конституционном уровне. Так, Конституция Российской Федерации устанавливает, что каждый человек обладает неотъемлемым правом на жизнь, а смертная казнь так же, как и в Республике Беларусь, до ее окончательной отмены может применяться только как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления против жизни и лишь по приговору суда с участием присяжных заседателей (ст. 20) [7]. В 1999 г. Президент Борис Ельцин подписал решение о помиловании всех лиц, приговоренных к смертной казни, заменив высшую меру наказания смягченными санкциями, более 700 человек, которые на тот момент были приговорены к смертной казни, помилованы.

Формирование моратория на смертную казнь также связано с международными обязательствами государства. После вступления Российской Федерации в Совет Европы 28 февраля 1996 г. одним из условий членства стало движение к отмене данной меры наказания. В связи с этим 16 мая 1996 г. Президент Борис Ельцин издал Указ № 724 «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», которым предусматривалась подготовка законодательства о присоединении к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. После этого последняя казнь на территории страны была осуществлена 2 сентября 1996 г., а впоследствии сформировался устойчивый мораторий на применение данной меры наказания. В дальнейшем дискуссия о возможности ее возвращения периодически возобновлялась, например, после выхода России из договоров Совета Европы в 2023 г. отдельные политические деятели высказывались за пересмотр действующего подхода, однако Председатель Конституционного Суда Российской Федерации Валерий Зорькин отметил, что восстановление смертной казни возможно только при внесении изменений в Конституцию Российской Федерации.

Список использованных источников

1. Трифонов, М.Ю. Происхождение смертной казни как вида наказания и ее развитие в дореволюционном законодательстве / М.Ю. Трифонов // Вестник науки. – 2023. – Т. 3, № 7. – С. 158–165. – URL: <https://www.вестник-науки.рф/article/9525> (дата обращения: 10.03.2026).

2. Туманов, А.А. История формирования института смертной казни / А.А. Туманов // Концепт : науч.-метод. электрон. журн. – 2014. – Т. 20. – С. 2776–2780. – URL: <http://e-koncept.ru/2014/54819.htm> (дата обращения: 12.03.2026).

3. Касымова, Е.Г. Смертная казнь: результаты многовекового существования / Е.Г. Касымова // Молодой ученый. – 2019. – № 16. – С. 91–93. – URL: <https://moluch.ru/archive/254/58292> (дата обращения: 12.03.2026).

4. Конвенция о защите прав человека и основных свобод : заключена в г. Риме 4 нояб. 1950 г. : вступила в силу 3 сент. 1953 г. // European Treaty Series. – № 005. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_29160/cde09a2cd0c411568920b76ce394a82dfa5e5045/ (дата обращения: 11.03.2026).

5. Конституция Республики Беларусь : принята на респ. референдуме 24 нояб. 1996 г. (с изм. и доп.) / Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/pravovaya-informatsiya/normativnyye-dokumenty/konstitutsiya-respubliki-belarus/> (дата обращения: 11.03.2026).

6. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. (с изм. и доп.) / Национальный правовой интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&p0=Hk9900275> (дата обращения: 11.03.2026).

7. Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. (с изм. и доп. от 1 июля 2020 г.). – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 11.03.2026).

УДК 001

Р.В. Обуховский, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *Л.Е. Лойко*,
кандидат философских наук, доцент

НАУКА КАК ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, СИСТЕМА ЗНАНИЙ И СОЦИАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ В РЕСПУБЛИКЕ БЕЛАРУСЬ

Анализируются наука в контексте Республики Беларусь, ее роль как системы знаний и вида деятельности. Анализируются также ключевые аспекты нормативно-правового регулирования науки в Республике Беларусь. Освещаются приоритетные направления научной-технической деятельности в Республике Беларусь на 2026–2030 гг. Рассматриваются роль науки в обществе, ее значимость для будущего страны.

Ключевые слова: наука, знание, научная деятельность, субъект науки, образование, социальный институт, научно-техническая сфера, международное сотрудничество.

В современном мире нельзя обойтись без таких понятий, как «наука» и «образование». XXI в. отличается качественным образованием, науч-

ными открытиями и многосторонним использованием научных знаний. Наука является основой всех технологий. Любая отрасль человеческой деятельности не может существовать без науки.

Наука имеет ряд особенностей, отличающих ее от других форм общественного сознания, таких как религия, искусство, мораль, право. Отличие науки от религии в том, что наука объясняет материальные законы, в то время как религия раскрывает духовный мир. Искусство – это художественная форма мышления, а наука – область теоретического познания.

Наука – система социально организованной познавательной деятельности людей, направленной на производство новых знаний о мире и осуществляющей на основе этого опережающее отражение действительности [1, с. 6]. Целью науки является познание законов развития природы и общества и воздействия на природу на основе использования общественно полезных результатов. Наука представляет собой систему знаний. Знание – проверенный общественно-исторической практикой и удостоверенный логикой результат познавательной деятельности, выражающий в знаковой форме объективные свойства реальности [1, с. 4].

Субъект науки профессионально подготовлен. В процессе научной деятельности ученый познает не только исторически сложившиеся методы научной деятельности, но и формирует новые знания. Они составляют основную цель научной деятельности. Объект науки – четко представленное явление, существующее независимо от познающего субъекта. Для естествознания – это многообразие явлений природы. Средства и методы науки специально создаются и разрабатываются для познания исследуемого объекта. Главной целью науки является система внутренне обоснованных, логически непротиворечивых объективно-истинных знаний, выраженных в определенных формах: научный факт, гипотеза, теория, проблема, закон [1, с. 7].

Леонардо да Винчи утверждал, что истинность науки невозможна без опыта, который связывает теорию с практикой. Это подтверждает неразрывную связь научных исследований и их практического применения в деятельности человека.

Существует взаимосвязь между научной базой и практической деятельностью судебных экспертов. Экспертная практика наглядно подтверждает необходимость научных знаний в прикладной работе эксперта. Рассмотрим конкретные примеры применения методов науки в современных экспертно-криминалистических исследованиях.

В производстве дактилоскопических экспертиз метод абстрагирования позволяет отделить частные признаки папиллярного узора от

общих признаков. В трасологических экспертизах используется метод индукции. Эксперт изучает частные разрозненные следы (обуви, орудий взлома, протектора шин, зубов) и на их основе строит общие выводы. При дедукции в рамках трасологической экспертизы эксперт, исходя из общих следов, переходит к частным.

Моделирование – один из общенаучных методов исследования, широко применяемый в автотехнических экспертизах. Посредством 3D-технологий создается трехмерная модель объекта, что позволяет более глубоко изучить как сам объект, так и следы на нем.

Эксперты также используют знания из различных наук, таких как физика, химия, биология, при проведении конкретных исследований. Из методологического инструментария физики используются оптические методы, из химии – аналитические, из биологии – органолептические, биосенсорные, ольфакторные методы и ДНК-анализ.

В современных реалиях стремительного развития науки познавательный процесс должен включать в себя углубленный анализ социокультурной обусловленности науки в контексте всей человеческой деятельности. В XXI в., занимаясь научной деятельностью, люди включаются в системы формальных (научные учреждения, институты, лаборатории, центры) и неформальных межличностных отношений. Поэтому современная наука невозможна без кооперации и сотрудничества, многообразных коммуникационных связей, обмена информацией на конференциях, симпозиумах, конгрессах [2, с. 4].

В современной науке ключевое значение имеет обмен опытом и информацией между учеными. Это требует внедрения новых технологий и налаживания междисциплинарного и международного сотрудничества. Республика Беларусь активно развивает научно-технические связи с рядом стран, включая Алжир, Грузию, Израиль, Италию, Корею, Сербию и Узбекистан [3].

В Республике Беларусь наука как социальный институт представляет собой централизованную, государственно-ориентированную систему, которая играет ключевую роль в национальной стратегии развития. Для развития науки имеет место система взаимосвязей между членами научного сообщества и гражданами. Наука как социальный институт представляет собой социальную систему организации совместной деятельности ученых.

Целью науки как социального института является производство и распространение научного знания, разработка методов и средств научного познания, а также кооперация между учеными как внутри государства, так и на международном уровне. В Республике Беларусь наука как

социальный институт за время своего существования пережила много этапов, начиная с научно-просветительской деятельности Ф. Скорины, М. Литвина, В. Тяпинского и заканчивая образованием Национальной академии наук Беларуси.

Наше государство активно развивает науку как социальный институт. В стране действует свыше 8 тыс. учреждений образования [4]. Об этом свидетельствует такой показатель, как уровень грамотности взрослого населения, который составляет 99,7 % [4]. Базовое, общее среднее и профессиональное образование имеют 98 % населения [4]. Высшей научной организацией в Республике Беларусь является Национальная академия наук Беларуси, которая осуществляет организацию, проведение и координацию фундаментальных и прикладных научных исследований и разработок по различным направлениям естественных, технических, гуманитарных, социальных наук и искусств.

Развитие и функционирование научно-технической сферы в Республике Беларусь регулируется такими нормативными правовыми актами, как законы «Об основах государственной научно-технической политики» (19 января 1993 г. № 2105-ХП, ред. от 17 июля 2023 г. № 300-3), «О научной деятельности» (21 октября 1996 г. № 708-ХП, ред. от 17 июля 2023 г. № 300-3), «О Национальной академии наук Беларуси» (5 мая 1998 г. № 159-3, ред. от 4 января 2021 г. № 74-3). Также внесены изменения в Гражданский (7 декабря 1998 г. № 218-3, ред. от 16 марта 2026 г. № 134-3) и Налоговый (29 декабря 2009 г. № 71-3, ред. от 30 декабря 2025 г. № 127-3) кодексы Республики Беларусь, Кодекс Республики Беларусь об образовании (13 января 2011 г. № 243-3, ред. от 9 декабря 2025 г. № 110-3), касающиеся выполнения научно-исследовательских работ, интеллектуальной собственности, подготовки научных кадров. На решение конкретных задач в сфере научно-технической деятельности направлены указы и декреты Президента Республики Беларусь, постановления Совета Министров Республики Беларусь и Совета Министров Союзного государства [5, с. 97–98].

Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко 1 апреля 2025 г. подписал Указ № 135 «О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы», которым утверждены приоритетные направления научной, научно-технической и инновационной деятельности в стране. Данный акт раскрывает основные направления развития цифровых технологий и искусственного интеллекта; инновационных технологий в промышленности; биологических, химико-фармацевтических и медицинских технологий; инновационных технологий в агропромышленном комплексе и пище-

вой промышленности; научное и научно-техническое обеспечение безопасности человека, общества и государства [6]. Данный документ утвердил основные направления развития научной и научно-технической деятельности в Республике Беларусь с 2026 до 2030 гг. Акт способствует реализации сотрудничества между учеными разных отраслей науки, что необходимо для дальнейшего развития науки в Республике Беларусь.

Беларусь входит в число государств с высоким уровнем научно-технического развития. За годы суверенитета научный потенциал страны не только сохранен, но и существенно укреплен. Это подтверждается высокими позициями в международных рейтингах (рейтинг по развитию информационно-коммуникационных технологий, по индексу человеческого развития, Good Country Index, Doing Business) [7]. Наука в деятельности эксперта служит методологическим фундаментом, обеспечивающим объективность, системность и доказательную базу для его профессиональных выводов и оценок.

Таким образом, наука имеет ключевое значение как для общества в целом, так и для каждого человека. Существует необходимость в постоянном развитии научных знаний, коммуникации между учеными разных отраслей науки и международном сотрудничестве. Важнейшим условием решения данных задач является формирование интереса граждан к научному развитию и поддержка молодых ученых.

Список использованных источников

1. Лойко, Л.Е. Концепции современного естествознания: становление естествознания и концептуальные основания физической картины мира : пособие / Л.Е. Лойко, С.В. Масленченко, Е.Н. Мисун ; под общ. ред. Л.Е. Лойко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., испр. и доп. – Мн. : Акад. МВД, 2021. – 91 с.
2. Едронова, В.Н. Содержание, структура и специфические особенности науки как особого вида деятельности / В.Н. Едронова, А.О. Овчаров // Экономический анализ: теория и практика. – 2013. – № 2. – С. 2–14.
3. Международное сотрудничество в сфере науки // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Мн., 2025. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/science/international-cooperation> (дата обращения: 06.03.2026).
4. Информационный центр Национальной библиотеки Беларуси. Образование : [сайт]. – Мн., 2006–2025. – URL: <https://infocenter.nlb.by/obrazovanie/?ysclid=miepektdp738264604> (дата обращения: 26.03.2026).
5. Концепции современного естествознания: концептуальные основания химической и биологической картины мира и перспективы развития естество-

знания : пособие / Л.Е. Лойко, С.В. Масленченко, Е.Н. Мисун ; под общ. ред. Л.Е. Лойко ; учреждение образования «Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь». – 2-е изд., испр. и доп. – Мн. : Акад. МВД, 2021. – 113 с.

6. О приоритетных направлениях научной, научно-технической и инновационной деятельности на 2026–2030 годы : Указ Президента Респ. Беларусь от 1 апр. 2025 г. № 135 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь – URL: <https://www.pravo.by> (дата обращения: 26.03.2026).

7. Наука // Официальный интернет-портал Президента Республики Беларусь. – Мн., 2025. – URL: <https://president.gov.by/ru/belarus/science> (дата обращения: 06.03.2026).

УДК 321.015

М.И. Романюк, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ВЛАСТЬ КАК ФЕНОМЕН ОБЩЕСТВЕННОЙ ЖИЗНИ

Рассматривается понятие «власть» как центральная категория политической науки. Анализируется ее сущность, многообразие видов (политическая, государственная, общественная), источники и средства реализации, формы проявления, а также ключевые характеристики. Особое внимание уделяется легитимности власти по типологии М. Вебера и ее роли в регулировании общественных отношений и обеспечении целостности общества.

Ключевые слова: власть, политическая власть, государственная власть, общественная власть, легитимность, легальность, источники власти, основания власти, принуждение, господство, руководство, управление, легитимность.

Термин «власть» является важной темой для анализа, поскольку именно власть формирует основу управления обществом, регулирует общественные отношения и определяет приоритеты развития. Она пронизывает все аспекты общественной жизни, охватывая процессы принятия решений, распределения ресурсов и обеспечения порядка. Не зря данному феномену во все времена уделялось особое внимание.

Понятие власти является одним из самых широко употребляемых в сфере социальных и политических наук. В книге «Современная западная социология» важность этого понятия зафиксирована предельно четко: «Понятие „власти“ относится к числу основополагающих понятий политической теории и дает ключ к пониманию политических институтов, самой политики и государства» [1, с. 55–56]. Данное понятие используется в нормативно-правовых документах и дисциплинах по

теории и практике государственного и муниципального управления. Не менее широко понятие власти используется и в обыденном языке.

Современные концепции власти очень многообразны. В самом широком смысле слова власть – это способность и возможность осуществлять свою волю, оказывать определяющее воздействие на деятельность, поведение людей с помощью какого-либо средства – авторитета, права, насилия. Власть бывает государственная, политическая, экономическая, семейная и пр. Но и такой подход также требует разграничения классовой, групповой и личной власти, которые переплетаются между собой, но не сводятся друг к другу.

Политическая власть – это реальная способность данного класса, группы, индивида проводить свою волю в политике и правовых нормах [2, с. 77–93]. Политическая власть характеризуется социальным господством, ведущей ролью или руководством тех или иных групп, а чаще всего различными сочетаниями этих качеств. Следует также отметить, что понятие «политическая власть» шире понятия «государственная власть». Политическая власть реализуется не только органами государства, но и через деятельность партий, общественных организаций различного типа. Государственная власть – своеобразное ядро политической власти. Она опирается на специальный аппарат принуждения и распространяется на все население той или иной страны. Государство располагает монопольным правом разрабатывать законы и другие распоряжения, обязательные для всех граждан. Государственная власть означает определенную организацию и деятельность в осуществлении целей и задач этой организации. В науке используется такое понятие, как «источники власти», их еще называют основаниями. Под источниками власти понимаются средства, которые используются для воздействия на объекты власти с целью достижения поставленных задач. К источникам силы относятся богатство, занимаемое положение, владение информацией, знания, опыт, особые навыки, организация.

Как нам известно, государственная власть может добиваться своих целей различными средствами, в том числе идеологическим воздействием, убеждением, экономическим стимулированием и иными способами. Но только она обладает монополией на принуждение с помощью специального аппарата в отношении всех членов общества. Вследствие этого формами проявления власти являются господство, руководство, управление, организация, контроль. Политическая власть тесно связана с политическим лидерством и авторитетом, которые в определенных значениях выступают как формы осуществления власти. Возникновение и развитие политической власти обусловлено жизненными потреб-

ностями формирования и эволюции общества. Поэтому власть, естественно, выполняет исключительно важные специальные функции. Она является центральным, организационным и регулятивно контрольным началом политики. Власть присуща организации общества и необходима для поддержания его целостности и единства. Политическая власть направлена на регулирование общественных отношений. Она является инструментом, основным средством управления всеми сферами общественной жизни. Следует также отметить, что понятие «политическая власть» тесно связано с понятием «легитимность». Власть бывает легитимной или нелегитимной. Термин «легитимность» происходит от лат. *legitimus*, означающий «согласный с законами, законный, правомерный, надлежащий, должный, правильный». Применительно к политике легитимность означает ее признание, объяснение, оправдание. Надо иметь в виду, что легитимность политической власти не означает ее юридической оформленной законности. Легитимация не обладает юридическими функциями и не является правовым процессом. Легитимная власть основана на признании права носителей власти предписывать нормы поведения другим индивидам. Легитимная власть – это такая власть, которой доверяют, которую признают правомерной граждане данного государства, по крайней мере, их большинство. Таким образом, легитимность основывается на убеждении в правомерности данной политической власти. Но само такое убеждение граждан может быть обусловлено разными факторами. Поэтому в политической науке существует типологизация легитимности власти. Первоначальную типологизацию легитимности предложил М. Вебер, выделив ее три вида. К первому виду легитимности можно отнести традиционный (основанный на неписаных законах традиций, обычаев), ко второму – харизматический, эмоционально-волевой (основанный на вере в особые, выдающиеся, сверхъестественные качества лидера, вождя), к третьему – рациональный (основанный на принятых в государстве законах и порядках, разумных суждениях) [3, с. 646–649]. В конкретных политических системах данные три вида переплетаются при доминировании одного из них, что дает возможность характеризовать легитимность или как традиционную, или как харизматическую, или как рациональную.

Так как власть является одним из центральных понятий политической и правовой науки. Как отмечал Б. Рассел, «Фундаментальным понятием в общественных науках есть власть в том же значении, в каком энергия является фундаментальным понятием в физике» [4, с. 123–125]. Б. Рассел полагал, что власть как особый вид деятельности достигает своих целей в значительной мере путем воздействия на сознание и эмо-

ции людей. Достаточно авторитетна в научных кругах модель Э. Тоффлера, которая выводит три важнейших фактора власти: сила, богатство и знание, причем доминирование каждого из этих факторов связано с различными историческими эпохами и различными социальными системами. По Э. Тоффлеру, развитие цивилизации ведет к тому, что важнейшим основанием властвования станет не сила принуждения, а сила знания [5, с. 41–43].

Изучение различных трактовок политической власти приводит к следующему выводу: власть – один из важных видов социального взаимодействия, специфическое отношение, порой, между двумя субъектами, один из которых подчиняется распоряжениям другого, в результате подчинения властвующий субъект реализует свою волю и интересы. Следует понимать, что политическая власть, будучи частью власти вообще, в свою очередь, подразделяется на государственную и общественную. Необходимо подчеркнуть, что государственная власть является лишь одной из форм политической власти. Как было отмечено ранее, это организованная система государственных органов, организаций и установок, созданная для управления всеми сферами общественной жизни. В отличие от политической власти, государственная власть обладает монополией в создании нормативно-правовых актов, которые регулируют жизнедеятельность общества. Общественная власть формируется партийными структурами, общественными организациями, независимыми средствами массовой информации, общественным мнением. Кроме того, политическая власть характеризуется рядом отличительных черт. Ими являются легальность, легитимность, верховенство, влияние, всеобщность, моноцентричность, эффективность и результативность. Легальность власти означает ее законность, юридическую правомерность. Легальная власть действует на основе четко фиксированных нормативно-правовых актов. Легитимность власти – добровольное признание существующей власти гражданами, доверие к ней с их стороны, признание ее справедливой, прогрессивной. Верховенство власти – это обязательность выполнения властных решений (экономических, политических, правовых и др.) всеми членами общества. Влияние власти – способность субъекта политики осуществлять влияние в определенном направлении на поведение индивидов, групп, организаций, объединений с целью сформировать или изменить мнения людей по определенному вопросу, урегулировать политическое поведение субъектов и т. п. Всеобщность (т. е. публичность) означает, что политическая власть действует на основе права от имени всего общества. Моноцентричность означает существование общегосударственного центра (системы властных органов) принятия решений. А эффективность и результативность

власти состоит в том, что именно в конкретных социальных результатах реализуются все замыслы, платформы, программы власти, выясняется ее способность эффективно управлять всеми сферами социальной жизни. Таким образом, политическая власть, являясь одной из форм власти, способна регулировать не только отношения граждан к политическим процессам, но и власть, которая имеет свои источники и ресурсы, с помощью которых она в сила осуществлять контроль за всей политической жизнью и деятельностью государства.

Политическая власть, как одна из ключевых форм социального взаимодействия, представляет собой специфическое отношение между субъектами, где один из них подчиняется распоряжениям другого, позволяя властвующему субъекту реализовывать свою волю и интересы. Она является частью общей концепции власти и подразделяется на государственную и общественную. Она охватывает способность и возможность всех участников политического процесса влиять на принятие и реализацию решений, а также на политическое поведение индивидов, социальных групп и объединений. Государственная власть, в свою очередь, представляет собой организованную систему государственных органов и институтов, созданную для управления различными аспектами общественной жизни. Ее уникальной чертой является монополия на создание нормативно-правовых актов, регулирующих жизнедеятельность общества. Общественная власть формируется через партийные структуры, общественные организации, независимые средства массовой информации и общественное мнение.

Политическая власть обладает рядом отличительных характеристик, таких как легальность, легитимность, влияние, всеобщность, эффективность и результативность. Легальность подразумевает ее юридическую правомерность, основанную на нормативно-правовых актах. Легитимность отражает добровольное признание власти гражданами, их доверие и восприятие ее справедливости. Влияние власти заключается в ее способности формировать или изменять мнения и поведение индивидов и групп. Всеобщность означает, что власть действует от имени всего общества, а также следует отметить моноцентричность (указывает на наличие единого центра принятия решений). Эффективность и результативность власти проявляются в ее способности достигать конкретных социальных целей и управлять всеми аспектами общественной жизни.

Список использованных источников

1. Ковалев, А.Ф. Современная западная социология : слов. / М.С. Ковалев, А.Ф. Филиппов. – М. : Политиздат, 1990. – 432 с.

2. Кожев, А.В. Понятие власти / А.В. Кожев. – 2-е изд. – М. : Праксис, 2007. – 192 с.
3. Вебер, М. Избранные произведения / М. Вебер. – 1-е изд. – М. : Прогресс, 1990. – 809 с.
4. Рассел, Б. История западной философии / Б. Рассел. – 1-е изд. – М. : АСТ, 2010. – 831 с.
5. Тоффлер, Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XX в. / Э. Тоффлер. – 1-е изд. – М. : АСТ, 2003. – 669 с.

УДК 001:501

Д.М. Савицкий, курсант следственно-экспертного факультета

Научный руководитель – *Л.Е. Лойко*,
кандидат философских наук, доцент

МАКРОМИР КАК УРОВЕНЬ ПРИРОДНОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЕ НАПРАВЛЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКЕ

Представляется анализ понятия и роли макромира в современной физике. На основе философского и исторического подходов обобщаются ключевые положения, определяются приоритетные направления исследований и формируется инновационный подход к углубленному изучению фундаментальных теорий. Подчеркивается важность исследования макромира в физической реальности.

Ключевые слова: физика, макромир, наука, судебно-экспертная деятельность.

На современном этапе человеческого развития существует множество наук, обеспечивающих систематизированное познание и комплексную оценку природной реальности. Среди них ключевую роль играет физика, поскольку именно благодаря ее законам были сформулированы фундаментальные положения о законах функционирования окружающей среды. Физика создала основу для многих прикладных наук, позволяющих применять знания на практике. Определяя задачи и приоритеты физики на макромировом уровне природной реальности, необходимо проанализировать историю и рассмотреть данные о практическом применении физики в современной деятельности.

Для того чтобы дать определение понятию «макромир», необходимо проанализировать труды различных авторов. Макромир (от греч. μακρός – длинный, большой) – это уровень природной реальности, формируемый структурной организацией системных объектов. На основе анализа определения можно выделить, что макромир представляет

собой совокупность объектов, которые фиксируются органами чувств непосредственно [1, с. 63].

С.А. Лебедев утверждает, что макромир включает в себя объекты размерами от больших молекул до Солнечной системы. Таким образом, можно отметить, что само понятие развивается, изменяется, но в целом макромир – это уровень природной реальности, который формируется чувственно воспринимаемыми объектами [2, с. 8].

Исследование объектов макромира положило начало дисциплинарному оформлению в XVII в. физики как науки. Так, например, Г. Лейбниц и Дж. Беркли утверждали, что понимание материального мира и научное знание представляют собой изучение конкретных, уникальных объектов и явлений.

Развитие научного понимания макромира осуществляется в рамках двух основных этапов: классического и неклассического. В основе первого этапа доминировала классическая физика как основополагающая парадигма. Второй этап был основан на специальной и общей теориях относительности и такой концепции, как синергетика [2, с. 9].

В классической физике, которая доминировала с конца XVII в. до начала XX в., описываются свойства, лежащие в основе глобальных явлений: принцип нелокальности, механика новейших систем, электромагнетизм. Классическая физика успешно объясняет поведение объектов и служит основой для развития технологий.

Исследование макромира способствовало становлению физики как науки. Это выразилось в достижениях таких великих ученых, как И. Ньютон, Г. Галилей, Дж. Максвелл в области изучения макромира.

Индустриальный и постиндустриальный века имеют общую основу в понимании физических законов, реализуемых на макроскопическом уровне. Закон инерции Ньютона позволил описать естественное состояние макрообъектов. Согласно этому закону естественным состоянием объектов является состояние покоя или равномерного прямолинейного движения. Механика Ньютона, теория тепловых процессов, электромагнетизм Максвелла обеспечили создание технологических систем, которые существенно изменили человека, общество и науку в целом.

Сформулируем принципы, связанные с взаимодействием объектов макромира с окружающим миром. В соответствии с принципами И. Ньютона тела могут иметь любую скорость, вплоть до бесконечности, а материальный мир может существовать на протяжении неограниченного времени. Кроме того, материальный мир является безграничным в пространстве. Согласно принципу Э. Маха основу материального мира составляет гравитация. На любую область физической реальности

и на любой ее объект оказывает гравитационное воздействие все вещество, содержащееся во Вселенной.

Одними из самых известных теорий на сегодня являются общая и специальная теории относительности А. Эйнштейна. Согласно этим теориям объекты макромира подчиняются законам пространства-времени, а масса и энергия взаимосвязаны, объясняя гравитацию и движение макротел, а не отдельных частиц.

В условиях развивающихся технологий фундаментальные знания о макроскопической реальности продолжают обеспечивать инновационные прорывы. Развитие этих технологий непосредственно свидетельствует о концептуальной зрелости современного понимания макромира как уровня реализации природных законов.

В судебно-экспертной деятельности знания классической физики могут применяться в различных областях судебной экспертизы. Например, в баллистике используются законы движения и импульса для анализа траектории пули. Это помогает определить угол выстрела, расстояние до цели и даже тип оружия.

Новые технологические решения требуют учета сложных системных взаимодействий, а также интеграции знаний о микромире и макромире. Например, создание эффективных двигателей, систем энергоснабжения или новых материалов основывается на фундаментальных принципах, открытых на макроскопическом уровне. В судебно-экспертной деятельности применение полученных знаний реализуется в области ДНК-анализа в рамках генетической экспертизы [3, с. 64].

Физика продолжает активно разрабатывать теоретические основания для описания явлений на границе классического и квантового уровней. В рамках представлений о классической картине мира подчеркивается, что макроявления могут свидетельствовать о реализации фундаментальных свойств материи. Проявление этих свойств материи выражается в структурной организации и неравномерных распределениях энергии. Это стимулирует поиск новых методов моделирования и управления системами с учетом их сложной внутренней организации.

В судебно-экспертной деятельности для качественного расследования и раскрытия преступлений во многих методах криминалистических исследований применяются нанотехнологии. Среди них полярография, хроматография, спектрофотометрия, а также атомно-абсорбционный анализ. Одной из задач, стоящих перед экспертами, является разработка новых методов экспертных исследований.

В качестве примера можно привести применение спектрометров при исследовании дефектов поверхностей в дорожно-транспортных проис-

шествиях с целью особо точного анализа поверхности и объема твердых тел. При исследовании объектов судебно-химической экспертизы применяется наномасс-спектрометр. Его действие осуществляется путем измерения отношения их массы к заряду в ионизированном состоянии.

Использование достижений в разработке методов экспертных исследований позволили создать принципиально новые технико-криминалистические средства. Применение в экспертной практике новейшей приборно-технической базы и методов экспертных исследований, несомненно, открывает новые возможности в решении судебно-экспертных и криминалистических задач.

Таким образом, изучение физических процессов на макромировом уровне природной реальности способствует не только глубокому пониманию структуры окружающего мира, но и открытию перспектив для технологических инноваций, таких как нанотехнологии, энергетические системы и материалы будущего.

Список использованных источников

1. Лойко, Л.Е. Концепции современного естествознания: становление естествознания и концептуальные основания физической картины мира / Л.Е. Лойко, С.В. Масленченко, Е.Н. Мисун. – Мн. : Акад. МВД, 2021. – 91 с.
2. Лебедев, С.А. Онтология и философия микромира и макромира / С.А. Лебедев. – М. : Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова, 2022. – С. 3–16.
3. Трофимов, С.А. Судебная экспертиза и судебно-экспертная деятельность / С.А. Трофимов. – М. : Моск. финансово-пром. ун-т «Синергия», 2024. – С. 279–282.

УДК 321.011

А.В. Соколовский, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ГОСУДАРСТВО КАК ВАЖНЕЙШИЙ СОЦИАЛЬНЫЙ И ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

Рассматривается государство в качестве фундаментального социального и политического института. Анализируются его сущность, основные признаки и функции. Особое внимание уделяется концепции правового государства как современной модели организации публичной власти, а также роли государства в обеспечении правопорядка и его взаимодействии с институтами гражданского общества.

Ключевые слова: государство, политический институт, социальный институт, публичная власть, суверенитет, правовое государство, функции государства, правоохранительная деятельность.

Государство занимает центральное место в политической системе и является важнейшим социальным институтом, обеспечивающим организацию совместной жизни людей на определенной территории. В отличие от иных институтов (семьи, церкви, корпораций), государство обладает монополией на легитимное применение силы, суверенитетом и исключительным правом издавать законы, обязательные для всего населения [1, с. 45]. Понимание сущности государства необходимо не только для теоретического осмысления политико-правовых процессов, но и для практической деятельности сотрудников правоохранительных органов.

Вопрос о происхождении государства является дискуссионным на протяжении всей истории философской и правовой мысли. Среди множества концепций можно выделить теологическую (Ф. Аквинский), патриархальную (Аристотель), договорную (Т. Гоббс, Дж. Локк), классовую (К. Маркс, Ф. Энгельс) и теорию насилия (Л. Гумплович). Каждая из них отражает определенные аспекты процесса политогенеза. В современной науке преобладает понимание государства как результата длительного исторического развития, в ходе которого формируются его неотъемлемые признаки, обеспечивающие устойчивость и порядок в обществе [2, с. 120].

Государство как политический институт характеризуется рядом существенных признаков. Во-первых, это наличие особой публичной власти, выделенной из общества и располагающей аппаратом управления и принуждения. Во-вторых, территориальная организация населения – власть осуществляется в строго определенных границах, на которые распространяется суверенитет. В-третьих, государственный суверенитет, означающий верховенство государственной власти внутри страны и ее независимость на международной арене. В-четвертых, неразрывная связь с правом – государство издает законы, обязательные для исполнения всеми гражданами и организациями. В-пятых, система налогов и сборов, обеспечивающая содержание государственного аппарата и реализацию социальных функций [3, с. 102].

Важное значение для понимания роли государства имеет анализ его функций, которые подразделяются на внутренние и внешние. К внутренним функциям относятся: политическая (обеспечение народовластия и стабильности), экономическая (регулирование хозяйственных процессов), социальная (поддержка здравоохранения, образования и

незащищенных слоев населения), правоохранительная (охрана правопорядка, прав и свобод граждан), культурно-воспитательная. Внешние функции включают в себя оборону страны, защиту национальных интересов и международное сотрудничество. Правоохранительная функция непосредственно связана с деятельностью органов внутренних дел, что подчеркивает значимость изучения государства для будущих сотрудников милиции [1, с. 67].

Концепция правового государства, разработанная в трудах И. Канта, Дж. Локка и других мыслителей, представляет собой теоретическую модель организации публичной власти, при которой государство связано с правом и действует в строго установленных рамках. основополагающими принципами правового государства выступают: верховенство права, разделение властей, взаимная ответственность государства и личности, реальность и гарантированность прав и свобод человека [4, с. 210]. Реализация данных принципов создает условия для ограничения государственного произвола и обеспечения автономии личности, что является необходимой предпосылкой для развития гражданского общества.

В современном мире роль государства не только не уменьшается, но и трансформируется под влиянием глобализации, цифровизации и новых вызовов (пандемии, киберугрозы, международный терроризм). Государство остается гарантом безопасности и правопорядка, что особенно значимо для деятельности правоохранительных органов. Сотрудники милиции, реализуя правоохранительную функцию государства, выступают ключевым звеном в механизме защиты прав граждан и обеспечения общественной безопасности [5, с. 23].

Таким образом, государство представляет собой сложный, многоаспектный социальный и политический институт, обладающий уникальными признаками и функциями. Его эволюция продолжается, однако неизменной остается миссия по организации совместной жизни людей, поддержанию порядка и стабильности в обществе. Понимание сущности государства и его правовых форм является необходимым условием для эффективного взаимодействия публичной власти и институтов гражданского общества, а также для профессиональной деятельности сотрудников органов внутренних дел.

Список использованных источников

1. Алексеев, С.С. Государство и право : учебник / С.С. Алексеев. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Проспект, 2017. – 320 с.
2. Лазарев, В.В. Теория государства и права : учебник / В.В. Лазарев, С.В. Липень. – 5-е изд., испр. и доп. – М. : Юрайт, 2018. – 521 с.

3. Чиркин, В.Е. Государствоведение : учебник / В.Е. Чиркин. – 2-е изд., перераб. и доп. – М. : Юристъ, 2009. – 384 с.

4. Морозова, Л.А. Теория государства и права : учебник / Л.А. Морозова. – 6-е изд., перераб. и доп. – М. : Норма : ИНФРА-М, 2019. – 464 с.

5. Нерсесянц, В.С. Общая теория права и государства : учебник / В.С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2012. – 547 с.

УДК 7.03

З.А. Спиридонов, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ЭПОХА ХИППИ И ИСТОРИЯ СУБКУЛЬТУРЫ ПАНКОВ

Представляется компаративный анализ двух ключевых контркультурных движений XX в. – хиппи и панков. Рассматриваются социально-экономические предпосылки их возникновения. Выявляются принципиальные различия в идеологических основаниях. Особое внимание уделяется музыке как системообразующему фактору обеих субкультур: от психоделического рока до гаражного панк-рока. Исследуются процессы коммерциализации движений, их трансформация и современное состояние в России и мире. Делается вывод о том, что панки, при внешней антагонистичности, являются закономерным продолжением и антитезой хиппи, возникшей на почве разочарования в утопических идеалах предшественников.

Ключевые слова: субкультура, панк, культура, панк-рок, хиппи, молодежная субкультура, эра «Лето любви», контркультурное отрицание официальных ценностей.

Вторая половина XX в. стала эпохой формирования ключевых молодежных субкультур, отразивших глубинные социальные сдвиги западного общества. Два наиболее ярких и противоположных по форме, но связанных глубинной логикой протеста, движения – хиппи и панки – определили культурный ландшафт 1960–1980-х гг. Хиппи, провозгласившие эру «Лето любви» и пацифизма, и панки, ответившие им агрессией, нигилизмом и эстетикой «грязного» протеста, представляют собой две стороны одной медали – контркультурного отрицания официальных ценностей.

Панк – это чрезвычайно сложное культурное явление, главным императивом которого изначально было разрушение всевозможных стереотипов и рамок. Он представляет собой не просто музыкальный стиль – панк-рок, а разнородную культуру со своими системами ценностей,

определенными типами поведения, эстетическими программами и внутренними противоречиями [1, с. 22]. Как и множество других молодежных субкультур, которые формировались вокруг некоего музыкального течения, панк сначала развивался и изучался как типичная молодежная субкультура. Но история панка не закончилась в 1979 г., как казалось многим исследователям, с исчезновением его с первых полос газет и из хит-парадов музыкального мейнстрима.

Они отвергли все, что выработала до этого молодежная культура 1960-х гг. Вдохновение панкизм черпал из произведений Берроуза и Хантера Томпсона с их пропагандой свободы и асоциальности как единственной альтернативы выживания в современном обществе. Огромное влияние на музыку тех лет оказал «психоделический минимализм» нью-йоркской группы конца 1960-х гг. «Вельвет Андеграунд» и ее лидера Лу Рида. Главная стилевая установка панков – безграничные возможности самовыражения. Панки хватали любые идеи безо всякого смысла и систематизации [6, с. 5].

Зарождение субкультуры хиппи пришлось на первую половину 1960-х гг. в США – период беспрецедентного экономического роста, когда молодежь впервые получила финансовую свободу и возможность тратить средства на себя, а не на выживание семьи. Однако оборотной стороной процветания стали война во Вьетнаме, расовая сегрегация и пуританская мораль, против которых и восстали «дети цветов». Их протест носил характер эскапизма: ухода от реальности в коммуны и восточную философию.

К середине 1970-х гг. экономическая ситуация кардинально изменилась. Рецессия, топливные кризисы 1973 и 1979 гг., рост безработицы в Великобритании и США развеяли иллюзии о «золотом веке». Молодежь рабочего класса столкнулась с отсутствием перспектив. На смелую пропагандирующую любовь хиппи пришли наполненные агрессией субкультуры. Как точно отмечают исследователи, «первые послевоенные десятилетия молодежные субкультуры сменяли друг друга одна за другой», но именно экономический спад стал катализатором рождения панк-движения. Если хиппи бежали от несовершенного мира в иллюзию, то панки решили разрушить этот мир изнутри, выплеснув накопившуюся злость [2].

Идеология хиппи базировалась на принципах ненасилия (ахимса), пацифизма и всеобщей любви, выраженных в культовом лозунге *Make love, not war*. Они верили в возможность изменения общества через изменение внутреннего мира человека, проповедовали свободу, возврат к природе и духовные практики. Их символами стали пацифик, длинные

волосы и фенечки, а методом борьбы – эпатажная демонстрация альтернативного образа жизни.

Панки, напротив, исповедовали нигилизм, анархизм и тотальное отрицание. В отличие от хиппи, они не стремились к гармонии с миром; их задачей было уничтожение старой морали через провокацию и агрессию. Лозунг No Future («Нет будущего») группы Sex Pistols стал манифестом поколения, у которого это будущее отняли. Однако, как показывает история, за внешним нигилизмом скрывалась вполне конкретная левая повестка: участники The Clash носили красные звезды, а Джонни Роттен – рубашку с портретом Карла Маркса, что указывает на связь панк-идеологии с леворадикальными течениями, унаследованными от ситуационистов и критиков общества потребления.

Музыка стала главным катализатором обеих субкультур. Гимнами хиппи стали песни The Beatles (All You Need Is Love), Скотта МакКензи (San Francisco) и психоделический рок Jefferson Airplane. Музыка несла послание любви, расширения сознания и единения.

Панк-рок родился как реакция на «переусложненность» прогрессивного рока и пустоту диско. Основоположники стиля – Ramones, The Stooges и Sex Pistols – вернули музыку к простоте трех аккордов, сделав ставку на скорость и агрессию [3]. Важнейшую роль в формировании движения сыграл нью-йоркский клуб CBGB, где выступали провокационные группы, собирая вокруг себя маргиналов и будущих идеологов движения. Интеллектуальным фундаментом панка, вопреки стереотипам, стал интерес к французскому авангарду: поэзии Артюра Рембо и Поля Верлена, сюрреалистам и ситуационистам, чья критика «общества спектакля» Ги Дебора была переосмыслена Малькольмом Маклареном и воплощена в проекте Sex Pistols.

Пост-панк (от англ. post-punk) – это жанр рок-музыки и культурное движение, сложившееся в конце 1970-х гг. в Великобритании. Вопреки распространенному заблуждению, пост-панк не является простым продолжением или ответвлением панк-рока. Это, скорее, его концептуальное отрицание и преодоление.

Если панк провозгласил «сырую» простоту и энергию трех аккордов как возврат к уличным корням рок-н-ролла, то пост-панк воспринял панк-лозунг «Это – не музыка» как отправную точку для радикальных экспериментов. Как точно отметил критик Саймон Рейнольдс, пост-панк следует понимать не столько как жанр, сколько как «пространство возможностей», набор открытых императивов: инновация, намеренная странность, отказ от всего шаблонного и «рок-н-роллового».

Обе субкультуры постигла сходная участь: бунт был поглощен и переработан массовой культурой.

Хиппи пережили пик в «Лето любви» 1967 г., но к началу 1970-х их стиль был коммерциализирован крупными корпорациями, а репутация подорвана трагедиями (убийство Чарльза Мэнсона, беспорядки на Альтамонте).

Панки, благодаря усилиям Малькольма Макларена и Вивьен Вествуд, с самого рождения были тесно связаны с миром моды. Бутик SEX стал не просто магазином, а штаб-квартирой движения. Позже элементы панк-эстетики проникли на подиумы благодаря Александру МакКуину и Жан-Полу Готье.

Вспомним слова Егора Летова: «Когда мы начинали играть, эпатаж носил характер чисто футуристический. В первых двух альбомах группа исповедовала чистый абсурд и футуризм. Абсурд как принцип максимального бунта по отношению к логической реальности».

Панк как социокультурный феномен появляется в эпоху жесткой социально-политической поляризации, и абсурд является здесь не только эпатажным и гротескным отрицанием и отбрасыванием человеческой сущности, но и попыткой философски постигнуть глубинные принципы своего существования с принципиально иных мировоззренческих позиций в пограничных состояниях [4, с. 4].

В современной России обе субкультуры существуют в трансформированном виде. Как отмечают исследователи, панки стали более миролюбивыми, занимаются благотворительностью и создают паблики взаимопомощи, сохраняя принцип DIY [5]. Интерес к субкультуре подогрел выход сериала «Король и Шут» в 2023 г. Хиппи также сохранились, но утратили массовость, превратившись в часть ретро-культуры и экологического движения. При этом современные панки делятся на множество ответвлений – от «грязных» крастеров до осознанных стрейтгэджеров, что демонстрирует эволюцию исходных принципов.

Эпоха хиппи и история панков представляют собой два последовательных этапа развития западной субкультуры. Хиппи предложили миру утопию бегства и любви, панки – антиутопию тотального отрицания и агрессии. Панки не просто пришли на смену «детям цветов» – они выросли из пепла разбитых надежд 1960-х, когда стало очевидно, что «власть цветов» не способна остановить войны и экономические кризисы. Тем не менее обе субкультуры оставили неизгладимый след в мировой культуре: изменили моду, музыку, подарили миру принципы DIY и альтернативного образа жизни.

Список использованных источников

1. Аксютин, О.А. Панк как феномен молодежной контркультуры в постсоветском пространстве / О.А. Аксютин. – М. : Наука, 2003. – 245 с.
2. Мода 1960-х, часть вторая: взлет и падение субкультуры хиппи // Official Online. – 2018. – URL: <https://official-online.com/uk/news?id=9796> (дата обращения: 23.03.2026).
3. Субкультуры. Булавка в троне Британской империи. История панка // MercLondon.ru. – URL: https://merclondon.ru/mercblog/novosti/subkultury_bulavka_v_trone_britanskoj_imperii_istoriya_panka/ (дата обращения: 23.03.2026).
4. Авилова, Е.Р. Панк-субкультура: идеология абсурда / Е.Р. Авилова // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 5. – С. 4.
5. Гололобов, И. Панк в России: краткая история эволюции / И. Гололобов, И. Стейнхольт, Х. Пилкингтон // Новое литературное обозрение. – 2016. – № 4. – С. 27–60.
6. Таниева, Г.М. Социокультурный анализ формирования и развития музыкальных молодежных субкультур / Г.М. Таниева // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2009. – № 2. – С. 73–79.

УДК 37.062

А.Е. Субко, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ПАТРИОТИЧЕСКОЕ ВОСПИТАНИЕ ОБУЧАЮЩИХСЯ В ФОРМИРОВАНИИ ГРАЖДАНСКОЙ ПОЗИЦИИ

Раскрывается значение патриотического воспитания обучающихся на первой ступени получения высшего образования в учреждениях Республики Беларусь в формировании гражданской позиции. Анализируется Государственная программа патриотического воспитания. Демонстрируется роль общественного объединения «Белорусский республиканский союз молодежи», молодежных проектов, научно-практических конференций, волонтерского движения в патриотическом воспитании. Подчеркивается важность духовно-нравственного, национально-гражданского, образовательно-профессионального и оздоровительно-спортивного компонентов патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотическое воспитание, молодежь, обучающиеся в учреждениях высшего образования, высшее образование, компоненты патриотического воспитания, гражданская позиция, национальная идентичность, Государственная программа патриотического воспитания, Белорусский республиканский союз молодежи, историческая память, молодежные проекты, волонтерское движение, духовно-нравственные ценности.

В XXI в., эпоху социальной турбулентности и геополитической нестабильности, акцентируется вопрос об идеологии, которой следуют белорусское государство и общество. Ответ на этот вопрос можно решить только на основе государственной идеологии, которая отражает ценностные архетипы общности людей, генерализирует их жизненные интересы и направляет их усилия на достижение объединяющей всех цели. Важным аспектом данного процесса является патриотическое воспитание населения.

Поэтому 29 декабря 2021 г. Совет Министров Республики Беларусь вынес постановление № 773 «О Программе патриотического воспитания населения Республики Беларусь на 2022–2025 годы» (далее – Программа) [1]. Целью Программы обозначено совершенствование государственной политики патриотического воспитания населения через формирование национальной идентичности на основе единых ценностей (стремление к мирной и независимой созидательной жизни, справедливость, единство, развитие), гордости за собственную страну, ее историю и культуру, достижения в экономике, науке и спорте, готовности к защите независимости Республики Беларусь. В Программе акцентируются следующие термины:

патриот – человек, который осознанно соотносит свою деятельность с интересами страны, идентифицирует себя и свое будущее с народом, историей, культурой и готов стоять на защите интересов Отечества;

патриотизм – духовное достояние личности, характеризующее высший уровень ее развития, осознанная повседневная деятельность гражданина во благо Родины, народа, государства;

патриотическое воспитание – процесс, основывающийся на патриотических ценностях, которые направлены на установление и укрепление начал общности и консолидации, осознание единства общественных и государственных интересов.

Во исполнение Программы, в целях совершенствования работы по патриотическому воспитанию обучающихся, формирования у них традиционных ценностных установок, традиций чествования символов государственного суверенитета Республики Беларусь (Государственного герба Республики Беларусь и Государственного флага Республики Беларусь), Министр образования Республики Беларусь А.И. Иванец подписал приказ «О совершенствовании работы по патриотическому воспитанию» [2].

Сегодня необходимо рассматривать патриотическое воспитание как один из факторов гуманизации высшего образования и соответствующих его трансформационных процессов. В Программе [1] и Законе

Республики Беларусь от 7 декабря 2009 г. № 65-З «Об основах государственной молодежной политики» [3, 4] делается акцент на всестороннее воспитание молодежи, содействие ее духовному, нравственному, профессиональному и физическому развитию, а также на создание условий для самореализации патриота.

В систему показателей реализации Программы были включены и реализованы следующие показатели:

- степень заинтересованности в изучении исторического прошлого;
- характер осознания патриотических ценностей, таких как Родина, Отечество, государственность, семья и др.;
- уровень политического, правового, духовно-нравственного сознания;
- характер и степень осознания значимости целей белорусского государства, знаний государственных символов, национальных праздников, истории культурных достопримечательностей и др.;
- уровень ответственности за сохранение исторической памяти;
- осведомленность о роли и значении членства Республики Беларусь в международных организациях;
- осведомленность о реализуемых мероприятиях и проектах в рамках Программы патриотического воспитания;
- характер и способы участия в мероприятиях патриотической направленности.

Необходимо обозначить также высокую роль общественных организаций в патриотическом воспитании. Об этом свидетельствует тот факт, что основные направления сферы государственной молодежной политики закреплены за общественными организациями соответствующей направленности. Значительный вклад в развитие и формирование патриотизма в системе высшего образования вносит общественное объединение «Белорусский республиканский союз молодежи», активисты которого регулярно принимают участие в проектах, способствующих формированию патриотического сознания и повышению гражданской активности белорусской молодежи, среди которых: конкурс молодежных инициатив, открытый диалог «Беларусь: вчера, сегодня, завтра», Республиканский молодежный проект «Беларусь – крыніца натхнення», направленный на расширение культурной среды и духовного сознания белорусов, сохранение связующей нити поколений, содействие развитию и реализации молодежных общественно значимых инициатив во всех регионах Беларуси и за ее пределами, взаимообогащение опытом работы в деле сохранения традиционных культурных ценностей. Реализуются также Республиканский патриотический про-

ект «Цветы Великой Победы», Республиканский молодежный инновационный проект «100 идей для Беларуси» и множество других мероприятий и проектов в рамках гражданско-патриотического и правового воспитания молодежи, студотрядовское и волонтерское движения, поддержка талантливой и одаренной молодежи, пропаганда здорового образа жизни, международное сотрудничество и работа с молодежью в информационном пространстве.

Традиционной формой патриотического воспитания в учреждениях высшего образования также является организация и проведение научно-практических конференций. Участие в них позволяет обучающимся на первой ступени получения высшего образования не только изучить и осмыслить историческое прошлое нашей страны, но и воспитать уважительное отношение к историческому прошлому, традициям и обычаям белорусского народа.

Основными структурными компонентами модели патриотического воспитания обучающихся являются:

духовно-нравственный, который определяется в соответствии с системой традиционных ценностей белорусского общества, предполагает принятие их молодежью и следование им в личной и общественной жизнедеятельности с учетом эмоционально-чувственной и морально-волевой сфер развития личности;

национально-гражданский, связанный с формированием правовой культуры и законопослушного поведения, навыков анализа (оценки) общественно-политических событий, со становлением позиции гражданина Республики Беларусь, готовности к служению своему народу и выполнению конституционного долга, в том числе по защите Отечества, с формированием уважительного отношения к защитнику Отечества;

образовательно-профессиональный, направленный на сохранение и приумножение потенциала материальной и духовной культуры Беларуси через развитие компетенций, инициативы, творческих способностей, стремления к достижению более высоких результатов в избранном виде деятельности;

оздоровительно-спортивный, ориентированный на развитие телесно-физиологических качеств личности, силы, ловкости, выносливости, стойкости, мужества, дисциплинированности в процессе формирования здорового образа жизни и занятий физической культурой и спортом.

Указанные компоненты рассматриваются как важные составляющие в формировании субъектного опыта личности молодых людей с их идеалами, ценностными ориентациями, социальными навыками и способами поведения и реализуются учреждениями высшего образования по следующим направлениям:

А.К. Суета, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ЭТИКА ВИРТУАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ (КИБЕРЭТИКА): КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Рассматриваются генезис и проблемное поле киберэтики как направления прикладной этики, исследующего моральные коллизии в виртуальной реальности.

Ключевые слова: киберэтика, этика виртуальной реальности, прикладная этика, цифровые технологии, виртуальная реальность, цифровизация, сетевое взаимодействие.

Современный этап общественного развития характеризуется глубокой интеграцией цифровых технологий в повседневность. Виртуальная реальность сегодня выступает не просто вспомогательным инструментом, но самостоятельной средой обитания человека, где реализуются коммуникативные, профессиональные и творческие практики. Подобная трансформация закономерно порождает запрос на этическое осмысление происходящих изменений. В научном дискурсе данная проблематика закрепляется за киберэтикой – направлением прикладной этики, фокусирующимся на моральных коллизиях, возникающих при взаимодействии человека с цифровыми мирами.

Настоящая публикация, базирующаяся на трудах российских и белорусских авторов, ставит целью проследить генезис киберэтики, охарактеризовать ее проблемное поле и определить значимость для социокультурных процессов. Становление этики виртуальной реальности не было одномоментным актом, а представляло собой последовательное расширение исследовательской оптики. Первоначально, как указывают И.Ю. Алексеева и Е.Н. Шклярник, доминировала компьютерная этика, ориентированная преимущественно на регулирование профессиональной деятельности в системе «человек – вычислительная машина» [1, с. 62]. В центре ее внимания находились вопросы соблюдения авторских прав, недопущения взлома систем и корректного использования программного обеспечения. Однако эволюция сетевых структур и усложнение цифрового ландшафта потребовали пересмотра узко профессионального подхода.

В аналитическом обзоре И.Л. Галинской и А.И. Панченко обосновывается тезис о необходимости конструирования комплексного этико-

правового поля. Авторы демонстрируют, что механический перенос традиционных юридических норм в киберпространство неэффективен без предварительной философской рефлексии над категориями «интеллектуальная собственность», «цифровая приватность» и «сетевая ответственность» [2, с. 215].

Существенный вклад в концептуализацию проблематики внесли А.Е. Войскунский и О.А. Дорохова, которые ввели термин «киберэтика» в широкое научное обращение, связав его со спецификой киберпространства – феномена, нивелирующего оппозиции реального и воображаемого, публичного и сокровенного [3, с. 72].

Завершающий штрих в размежевании понятий принадлежит И.Л. Галинской, которая в своей работе разводит компьютерную, информационную этику и киберэтику, подчеркивая, что последняя исследует не столько информацию или технику, сколько новый модус человеческого существования – бытие в виртуальной реальности [4, с. 120]. Осмысление фундаментальных причин моральных конфликтов в виртуальной среде невозможно без привлечения философского инструментария. М.А. Дедюлина аргументированно доказывает, что поиск решений в области компьютерной этики необходимо увязывать с достижениями философии технологии [5, с. 15].

Виртуальная реальность инициирует пересмотр ряда классических философских положений, а именно:

- проблема реальности. Требуется ответ на вопрос, обладает ли виртуальный мир статусом подлинного бытия или является симуляцией, от чего напрямую зависит нравственная квалификация действий внутри него;
- проблема субъектности. Возникает неопределенность в идентификации морального агента: сохраняется ли личностное тождество при множественности цифровых идентичностей и смене аватаров;
- проблема свободы. Анонимность сетевого взаимодействия ставит под сомнение границы дозволенного, провоцируя иллюзию вседозволенности.

Согласно М.А. Дедюлиной, философия технологии позволяет преодолеть инструменталистский взгляд, демонстрируя, что техника выступает не пассивным орудием, а средой, активно преобразующей человеческую субъективность и систему ценностей. В данной парадигме киберэтика предстает не как система внешних запретов, а как имманентный механизм саморегуляции, позволяющий индивиду сохранять гуманистические ориентиры в условиях технологической насыщенности [5, с. 17].

Этическое измерение виртуальной реальности актуализирует целый спектр проблем, требующих ревизии устоявшихся моральных ка-

тегорий. Наиболее последовательно данные вызовы проанализированы в работах В.Н. Яхно. Анализируя влияние информационно-компьютерных технологий на социальные отношения, исследователь фиксирует феномен «размывания» ответственности. В условиях, когда действие опосредовано цифровым интерфейсом и аватаром, традиционный субъект поступка утрачивает четкие очертания. Остается открытым вопрос о том, кого следует привлекать к ответу за киберагрессию или распространение недостоверных сведений – технического посредника или стоящего за ним человека [6, с. 324].

В более поздних изысканиях, посвященных поиску новых этических стандартов, В.Н. Яхно акцентирует внимание на проблеме конфиденциальности в эпоху тотальной цифровизации. Виртуальная реальность функционирует благодаря аккумуляции огромных массивов персональных данных, что создает беспрецедентные угрозы манипулирования индивидуальным и массовым сознанием. В связи с этим ключевой задачей становится выработка этических регуляторов, способных обезопасить автономию личности и обеспечить ее право на информационное самоопределение. Подобные регуляторы не могут быть исключительно юридическими и требуют укоренения в моральном сознании [7, с. 144].

Социокультурная роль киберэтики простирается значительно шире решения частных моральных казусов. Обобщая положения проанализированных источников, можно констатировать, что данная дисциплина выполняет функцию нормативного ориентира в условиях цифровой неопределенности. Как отмечается в коллективном пособии по прикладной этике под редакцией Е.В. Беляевой, любое прикладное этическое знание обслуживает конкретные области человеческой практики [2, с. 10]. В этом смысле киберэтика выступает фундаментом для складывания цифровой культуры. Она задает параметры социализации в сетевых сообществах, формируя уважение к результатам чужого интеллектуального труда, признание границ личного пространства в онлайн и навыки критической оценки информации. Кроме того, обращение к трудам И.Л. Галинской и В.Н. Яхно позволяет выявить гуманистическую миссию киберэтики [4, с. 7].

В ситуации технологического ускорения, когда общество запаздывает с осмыслением инноваций, киберэтика становится защитным механизмом, предохраняющим от дегуманизации коммуникации, редукции человека к техническому приложению и симуляции подлинных ценностей. Ее социокультурное значение, таким образом, заключается в гармонич-

зации взаимодействия личности, социума и техносферы, что позволяет виртуальной реальности выступать продолжением и обогащением человеческого опыта, а не фактором его разрушения.

Резюмируя результаты анализа, следует признать, что этика виртуальной реальности (киберэтика) конституировалась как самостоятельная и активно развивающаяся область гуманитарного знания. Генетически восходя к компьютерной и информационной этике, она интегрировала философское осмысление природы технологии и специфики виртуальной среды. Ее генеральная задача на современном этапе – минимизировать ценностный разрыв между технологическим прогрессом и традиционными этическими системами, предложив релевантные моральные ориентиры для существования в цифровой реальности. Социокультурная значимость киберэтики состоит в том, что она выступает необходимым условием формирования человекомерного информационного общества, гарантируя защиту личности и создавая предпосылки для ответственного существования человека в мире высоких технологий.

Список использованных источников

1. Алексеева, И.Ю. Что такое компьютерная этика? / И.Ю. Алексеева, Е.Н. Шклярник // Вопросы философии. – 2007. – № 9. – С. 60–72.
2. Галинская, И.Л. Этико-правовое пространство информационно-компьютерных технологий (обзор) / И.Л. Галинская, А.И. Панченко // Теория и практика общественно-научной информации : сб. ст. / Рос. акад. наук, Ин-т науч. информ. по обществ. наукам. – М., 2002. – Вып.17. – С. 195–229.
3. Войскунский, А.Е. Становление киберэтики: исторические основания и современные проблемы / А.Е. Войскунский, О.А. Дорохова // Вопросы философии. – 2010. – № 5. – С. 69–83.
4. Галинская, И.Л. Компьютерная этика, информационная этика, киберэтика / И.Л. Галинская // Россия и современный мир. – 2001. – № 1. – С. 112–132.
5. Дедюлина, М.А. Проблемы компьютерной этики в философии технологий / М.А. Дедюлина // Экономические и социально-гуманитарные исследования. – 2016. – № 2. – С. 15–17.
6. Яхно, В.Н. Информационно-компьютерные технологии в ракурсе новых этических проблем / В.Н. Яхно // Философия и вызовы современности : к 90-летию Института философии НАН Беларуси : материалы Междунар. науч. конф. (15–16 апр. 2021 г., г. Минск) : в 3 т. / Ин-т философии НАН Беларуси ; редкол.: А.А. Лазаревич (пред.) [и др.]. – Мн. : Четыре четверти, 2021. – Т. 2. – С. 324–326.
7. Яхно, В.Н. Информационная этика: актуальные проблемы и поиск новых стандартов / В.Н. Яхно // Известия Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины. – 2023. – № 4. – С. 143–146.

В.А. Целуйко, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – **А.А. Маткина**, старший преподаватель

СМЕРТНАЯ КАЗНЬ В ФИЛОСОФИИ И. КАНТА: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Исследуется концепция смертной казни в философии И. Канта как требование категорического императива справедливости. Раскрывается двойственная природа проблемы: от чисто философского обоснования возмездия (принцип талиона) до правового значения в современном белорусском законодательстве. С позиций деонтологической этики анализируется отличие кантовского ретрибутивизма от утилитаризма Ч. Беккариа. Анализируется соотношение права на жизнь и права на справедливое возмездие на примере ст. 24 Конституции Республики Беларусь. Обосновывается актуальность кантовских идей для осмысления сохранения смертной казни как исключительной меры наказания. Предлагается философско-правовой баланс между принципом гуманизма и необходимостью неотвратимого возмездия за особо тяжкие преступления.

Ключевые слова: смертная казнь, И. Кант, категорический императив, принцип талиона, возмездие, ретрибутивизм, право на жизнь, Республика Беларусь, уголовное наказание.

Актуальность темы обусловлена тем, что Республика Беларусь по-прежнему остается единственной страной в Европе, где смертная казнь сохраняется как в законодательстве, так и на практике в качестве исключительной меры наказания за особо тяжкие преступления. В условиях устойчивой международной тенденции к отмене высшей меры вопрос о ее допустимости неизбежно актуализируется в диалоге Республики Беларусь с международным сообществом. Представители ООН и Совета Европы неоднократно призывали белорусские власти ввести мораторий на смертную казнь, рассматривая это как шаг к гармонизации национального законодательства с общеевропейскими правовыми стандартами.

Однако ключевым фактором, определяющим позицию белорусского государства по данному вопросу, остается волеизъявление граждан, выраженное на республиканском референдуме 24 ноября 1996 г. Данный результат легитимировал последующее конституционное закрепление смертной казни, которое нашло отражение в ст. 24 Конституции Республики Беларусь. Ст. 24 Основного Закона провозглашает право на жизнь как неотъемлемое право каждого человека и возлагает на государство обязанность защищать жизнь от любых противоправных посягательств [1]. При этом в части третьей данной статьи устанавливается,

что «смертная казнь до ее отмены может применяться в соответствии с законом как исключительная мера наказания за особо тяжкие преступления и только согласно приговору суда».

Особого внимания заслуживает позиция Г.А. Василевича – известного белорусского правоведа, доктора юридических наук, профессора, члена-корреспондента Национальной академии наук Беларуси, заслуженного юриста Республики Беларусь. В 1990–1994 гг. он входил в состав Конституционной комиссии и занимал должность заместителя руководителя рабочей группы по подготовке проекта Конституции. В статье «История подготовки и принятия Конституции Республики Беларусь 1994 года», опубликованной в журнале «Юстиция Беларуси», Г.А. Василевич отмечает, что при формулировании положений Основного Закона учитывали требования важнейших международных документов – Всеобщей декларации прав человека, Международного пакта о гражданских и политических правах, а также Протокола № 6 к Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод [2, с. 20–21].

Обращение к философскому наследию И. Канта (1724–1804) – основоположника немецкой классической философии, создателя «критической философии» – приобретает в этом контексте особую значимость. Его учение о категорическом императиве, изложенное в работах «Основы метафизики нравственности» (1785), «Критика практического разума» (1788) и наиболее полно в «Метафизике нравов» (1797), заложило фундамент современного понимания права, морали и справедливости.

И. Кант рассматривал человека как разумное существо, обладающее абсолютным достоинством, которое никогда не должно использоваться лишь как средство для достижения каких-либо целей. Вторая формулировка категорического императива прямо гласит: «Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству» [3, с. 169].

Анализ позиции И. Канта позволяет не просто оправдать сохранение смертной казни, но показать ее как акт высшего уважения к человеческому достоинству и требование абсолютной справедливости, а не как проявление жестокости или утилитарного расчета. В эпоху, когда критики справедливо указывают на риск судебных ошибок и необратимость наказания, кантовская аргументация помогает понять, почему идея возмездия может оставаться нравственным императивом даже в условиях современного правового государства.

И. Кант развивал теорию уголовного наказания как категорический императив справедливости. Для него наказание есть требование чисто-

го разума, имеющее ценность само по себе, независимо от каких-либо внешних целей. Философ прямо указывает: «Судебное наказание никогда не может назначаться просто как средство содействия какому-то иному благу... оно должно назначаться только потому, что человек совершил преступление» [3, с. 331]. Карающий закон, по Канту, есть категорический императив, который не зависит от эмпирических последствий и не может быть отменен соображениями целесообразности. Как подчеркивает сам мыслитель, «если справедливость исчезнет, жизнь людей на земле уже не будет иметь никакой ценности» [3, с. 332].

Центральное место в обосновании смертной казни у И. Канта занимает принцип талиона. В «Метафизике нравов» он прямо утверждает, что единственным принципом, способным определить качество и количество наказания, является принцип возмездия: «Наказание должно быть равным преступлению» [3, с. 331]. Данным высказыванием И. Кант подчеркивает, что мера наказания не может определяться произвольно или исходя из полезности для общества, а должна быть строго соразмерна тяжести содеянного – только так достигается подлинная справедливость.

Для И. Канта талион – это высшее проявление равенства между людьми как разумными существами. Он определяет его как «право возмездия», подчеркивая, что только этот принцип способен определить «качество и количество наказания» сообразно справедливости [3, с. 331]. Преступник, отнимая жизнь у другого, тем самым заявляет, что его собственная жизнь не имеет той же ценности. Государство, применяя смертную казнь, возвращает преступнику то же самое отношение, которое он проявил к жертве, и тем самым восстанавливает нарушенный нравственный порядок. Только смерть может быть адекватным эквивалентом убийства, поскольку никакое другое страдание не равноценно лишению жизни. И. Кант подчеркивает: «Кто совершил убийство, тот должен умереть» [3, с. 331]. В этой формулировке заключена ключевая идея кантовского понимания талиона. Наказание не сводится к эмоциональному порыву отомстить, а выступает как логическое следствие нарушения нравственного закона.

Эту же идею – примат справедливости над любыми внешними целями – Кант обобщает в трактате «К вечному миру» (1795) в форме знаменитой максимы «*Fiat justitia, pereat mundus*», что означает «Пусть свершится справедливость, даже если погибнет мир» [4, с. 61]. Данная мысль, восходящая к античной и средневековой традиции, приобретает у И. Канта принципиально новое звучание. Оно не призывает к гибели мира, а утверждает, что требование справедливости выше любых праг-

матических соображений о пользе, выгоде или даже сохранении общества. Иными словами, справедливость самоценна и не может быть принесена в жертву никаким утилитарным целям, сколь бы благими они ни казались.

Кантовский антиутилитаризм прямо противоположен позиции Ч. Беккариа, чей трактат «О преступлениях и наказаниях» (1764) стал манифестом критики смертной казни с позиций полезности. Ч. Беккариа полагал, что «не интенсивность наказания, а его продолжительность производит наибольшее впечатление на душу человека» [5, с. 107]. Пожизненное заключение, по его убеждению, устрашает сильнее, чем смерть.

И. Кант возражает принципиально. Во-первых, преступник, совершив убийство, сам поставил себя вне общественного договора. Во-вторых, требование справедливости не может быть сведено к расчету полезности – иначе наказание превращается в средство устрашения, а преступник – в объект манипуляции, что прямо противоречит категорическому императиву.

На наш взгляд, преимущество кантовского подхода в том, что он исходит из признания преступника равноправным участником правового общения: к нему применяется та же мера, которую он применил к другому. Тем самым достоинство личности утверждается не вопреки наказанию, а через него. Справедливость без гуманизма вырождается в произвол, а гуманизм без справедливости теряет нормативное содержание.

Применительно к белорусской правовой системе кантовская аргументация позволяет осмыслить ст. 24 Конституции Республики Беларусь не как противоречие между абсолютным правом на жизнь и его ограничением, а как выражение принципа формального равенства. Государство, допуская применение смертной казни в качестве исключительной меры наказания, действует не произвольно, а во исполнение требования справедливости, ограниченного, во-первых, исключительностью самой меры (только за особо тяжкие преступления), во-вторых, неукоснительным соблюдением процессуальных гарантий.

Вместе с тем, признавая теоретическую состоятельность кантовской аргументации, нельзя игнорировать практические вызовы, связанные с необратимостью высшей меры. Проблема судебных ошибок, приобретающая в данном случае трагическое звучание, требует особого внимания. Пожизненное заключение может рассматриваться как правовой институт, способный обеспечить баланс между требованием справедливости и принципом гуманизма, сохраняя возможность исправления судебной ошибки там, где она все же произошла.

Подлинная справедливость, как представляется, требует поиска равновесия между неотвратимостью возмездия и милосердием, между абсолютной ценностью человеческой жизни и правом общества на защиту от особо опасных посягательств. Кантовская философия дает для этого поиска надежный теоретический фундамент, но окончательное решение остается за обществом и законодателем, действующим в рамках конституционно закрепленных процедур и с учетом волеизъявления народа.

Список использованных источников

1. Конституция Республики Беларусь от 15 марта 1994 г. № 2875-ХП (с изменениями и дополнениями) // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.03.2026).
2. Василевич, Г.А. История подготовки и принятия Конституции Республики Беларусь 1994 года / Г.А. Василевич // Юстиция Беларуси. – 2014. – № 3. – С. 18–24.
3. Кант, И. Метафизика нравов / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1965. – Т. 4, ч. 2. – С. 5–439.
4. Кант, И. К вечному миру / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 5–61.
5. Беккариа, Ч. О преступлениях и наказаниях / Чезаре Беккариа ; пер. с итал. М.М. Исаева ; сост. и предисл. В.С. Овчинского. – М. : ИНФРА-М, 2024. – 183 с. – (Библиотека криминолога).

УДК 21.215

Р.С. Шевцов, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *И.А. Барсук*,
кандидат философских наук, доцент

ШАРИАТ КАК КОМПЛЕКС ЮРИДИЧЕСКИХ НОРМ, ПРИНЦИПОВ И ПРАВИЛ ПОВЕДЕНИЯ В ИСЛАМЕ

Формулируется понятие исламского права в его соотношении с шариатом и фикхом. Особое внимание уделяется шариату как комплексу юридических норм, принципов и правил поведения в исламе, а также осуществляется системная реконструкция исламского образа жизни.

Ключевые слова: ислам, исламское право, шариат, фикх, пророк Мухаммед, мусульманская доктрина о правилах поведения.

Исламское право является одной из важнейших сторон исламской культуры (цивилизации), заметной частью мировой правовой культуры. На протяжении веков оно складывалось как оригинальное юридическое явление и основа правовых систем многих стран Азии и Африки, а в от-

дельные исторические периоды – ряда регионов Европы. И в настоящее время исламское право представляет собой одну из ведущих правовых семей современного мира, оказывает серьезное влияние на право мусульманских стран. Во многих из них исламское право до сих пор выступает стержнем правовой системы, практически во всех оно положено в основу семейного и наследственного права. В ряде мусульманских государств исламское право играет заметную роль в уголовном праве, широко применяется в организации и функционировании судебной системы. Отдельные нормы, принципы и институты исламского права используются в конституционном, гражданском и налоговом праве [1, с. 5].

В российском правоведении преобладает оценка исламского права как синонима шариата, который представляет собой совокупность предписаний Корана и Сунны, означающей образ жизни пророка Мухаммеда, зафиксированный в хадисах (преданиях) его сподвижников. Сводимое к шариату исламское право рассматривается в качестве комплекса различных социальных норм, в котором юридические правила принципиально не отделены от религиозных предписаний. Однако углубленный анализ позволяет заключить, что на основе нормативной части шариата сформировалось исламское право, как юридическое явление. Ключевую роль в этом сыграл фикх. Под ним исламская мысль понимает как науку о шариатских правилах внешнего поведения людей, так и сами указанные нормы. Среди этих предписаний имеются отвечающие юридическим критериям и поэтому являются нормами исламского права в научном значении. Фикх не ограничился выработкой отдельных частных правил правовой направленности, а сформулировал развернутую систему принципов, которые и являются основным аргументом в пользу существования исламского права как юридического явления в собственном смысле. Современная исламская мысль предлагает различные классификации общих принципов фикха. Наиболее удачным в правовом отношении является выделение нескольких тематических групп таких предписаний, стержнем которых выступают ключевые самостоятельные принципы. Большинство из них в концентрированном виде выражают юридическую природу исламского права. Их появление – заметный вклад фикха-доктрины в его развитие и одновременно в мировую правовую культуру. Данные принципы по их содержанию являются правовыми и не имеют непосредственно религиозного характера. Они предопределяют юридическую природу исламского права, которое может быть названо таковым не потому, что в нем воплощается божественное откровение, а на основании данных принципов. Именно принципы фикха открывают перед исламским правом возможность вза-

имодействовать с иными правовыми культурами на основе общности многих их юридических характеристик [2, с. 50].

Относительно определения понятия «шариат» в научной среде отсутствуют какие-либо противоречия. Это связано с тем, что термин «шариат», если переводить его с арабского языка на русский, имеет однозначный смысл, а именно означает «верную дорогу, истинный путь, который приводит к источнику жизни». Стоит отметить, что существительное «шариат» имеет однокоренной глагол «шара-а», который с арабского языка на русский переводится как «кому-либо что-либо устанавливать, предписывать и узаконивать». Приверженцами ислама шариат понимается как путь, который может обеспечить человека в этом мире достойным существованием, а в будущей жизни является гарантией рая. В этой связи путем логических измышлений мы можем прийти к такому выводу, что ислам, как одна из мировых религий, и шариат, как путь следования, являются однопорядковыми явлениями, т. е. обозначают/определяют одно и то же. Шариат содержит в себе как религиозные, так и иные положения (политические, экономические, социальные и т. д.). На основании того, что, как мы полагаем, шариат и ислам являются тождественными понятиями, значит и происхождение у них одинаковое. Таким образом, информацию о шариате, его источниках мы должны искать в священной книге мусульман – Коране – и в Сунне пророка Мухаммеда.

Коран. Как мы говорили ранее, Коран – это главная книга мусульман. Он состоит из 114 глав (сур) и более чем из 6 000 стихов (аятов), которые охватывают различные темы, действующие как директивы о том, как жить, каким образом исполнять религиозные обязанности, вести себя в обществе и др. По словам Л.Р. Сюкияйнена, из столь большого количества положений, установленных в Коране, только около 500 могут носить юридический оттенок/характер, т. е. в той или иной степени регулируют внешнее поведение людей. Таким образом, Коран – это в первую очередь установления, которые регулируют религиозную деятельность мусульман, и только небольшая часть его положений может рассматриваться с точки зрения права, так как некоторые установления Корана в той или иной степени носят юридический характер.

Сунна. Под сунной следует понимать предания, которые включают в себя описание жизни, поступков, произнесенных слов и др. пророка Мухаммеда, т. е. сунна – это его жизнь. Сунна является вторым важным источником шариата после Корана. Если мусульманин не может найти ответ на какой-либо интересующий его вопрос в Коране, то он обращается к Сунне. Иными словами, Сунна в определенной степени является

дополнением к Корану. Сунна дошла до нас в виде хадисов, т. е. это сборники, в которых содержится сунна; данные сборники составлялись авторитетными мусульманскими богословами того времени. Соотношение между Кораном и Сунной выглядит следующим образом: тот или иной спор, вопрос и др. разрешаются на основании Корана, и только если в нем отсутствует ответ или он присутствует, но возможно его трактование по-разному, то тогда можно прибегнуть к Сунне [3, с. 541].

Современные правовые системы мусульманских стран можно классифицировать в зависимости от того, насколько широко они включают традиционные исламские правовые нормы и их влияние на действующие законы. Заметная группа стран, включая Саудовскую Аравию, Объединенные Арабские Эмираты, Катар, Йемен, Иран, Пакистан, Судан, Малайзию и Нигерию, демонстрируют широкое применение исламского права. В этих регионах исламское право охватывает широкий спектр как частных, так и публичных правовых вопросов [4, с. 56].

Подводя итог, можно отметить, что исламское право лежит в основе правовых систем различных мусульманских стран, где его глубокое влияние на публичное право и статус основополагающего правового компонента играют ключевую роль в их правовом развитии. Этот закон служит как доктринальным руководством, так и набором нормативных правовых положений многих стран.

Список использованных источников

1. Сюкияйнен, Л.Р. Основы теории исламского права : учеб. пособие / Л.Р. Сюкияйнен. – СПб. : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2019. – 163 с.
2. Сюкияйнен, Л.Р. Общие принципы фикха как отражение юридических особенностей исламского права / Л.Р. Сюкияйнен // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2018. – № 3. – С. 50–80.
3. Чумаков, Р.Х. Шариат, фикх и исламское право: понятие, источники и соотношение / Р.Х. Чумаков // Вопросы студенческой науки. – 2023. – Вып. 6. – С. 540–546.
4. Амирханов, А.А. Современное исламское право: особенности и тенденции развития / А.А. Амирханов, С.Т. Ахмедханова, И. Исагомедов // Образование и право. – 2024. – № 1. – С. 55–59.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ В ПОДГОТОВКЕ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

УДК 323.21

Д.С. Бысик, студент факультета права

Научный руководитель – *Ф.А. Некрашевич*,
кандидат исторических наук, доцент

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ (1996 г.) и США (1992 г.): СРАВНИТЕЛЬНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ВЛИЯНИЯ ПОП-ИНДУСТРИИ НА ХОД ЭЛЕКТОРАЛЬНОЙ КАМПАНИИ

Рассматривается влияние поп-индустрии на президентские кампании Билла Клинтона и Бориса Николаевича Ельцина. Дается сравнительная характеристика условий проведения избирательных кампаний, роли средств массовой информации и используемых методов достижения поставленных целей. Делается вывод о том, что использование поп-культуры продемонстрировало разные результаты: создание современного медийного образа в случае Б. Клинтона и эффективная мобилизация избирательного электората в условиях политического кризиса в случае Б.Н. Ельцина.

Ключевые слова: избирательные кампании, поп-культура, Билл Клинтон, Борис Николаевич Ельцин, MTV.

Электоральные кампании – это совокупность приемов, инструментов и стратегий, которые используются для мобилизации избирателей и формирования привлекательного имиджа кандидата. Их суть – не просто рассказать о кандидате, а повлиять на людей, пробудить интерес и мотивировать проголосовать за него. Для этого используются различные медийные форматы: новости, ток-шоу, реклама и концерты. Главная задача электоральных кампаний – донести до людей облик кандидата, сделать его понятным, близким по духу. Особое место заняла поп-индустрия, охватывающая молодежную аудиторию, которая редко включается в политические процессы страны.

В 1990-е гг. многие политические кампании начали обращаться к поп-индустрии, чтобы привлечь молодых избирателей. Одним из ярких примеров являются президентские кампании Билла Клинтона 1992 г. и Бориса Николаевича Ельцина 1996 г., которые использовали поп-культуру для привлечения внимания к своей кандидатуре.

На президентских выборах в США 1992 г. победу одержал демократ Б. Клинтон, набрав 370 голосов выборщиков, обойдя действующего президента-республиканца Джорджа Буша-старшего, против 168 голосов. Музыкальный канал MTV стал главным инструментом победы Б. Клинтона. Он принял участие в его специальном проекте – шоу Choose or Lose. Это была 90-минутная программа-форум, где кандидат в неформальной обстановке отвечал на вопросы молодых избирателей. В свою очередь, президент Буш отказался от подобного формата, заявив, что не готов общаться с «поколением MTV». Так Б. Клинтон не только завоевал интерес молодежи, но и показал себя современным политиком, который интересуется жизнью молодежи, ее взглядами на положение в стране, в отличие от «устаревшего» Буша.

В 1996 г. президентские выборы в России проходили в два тура. Один из кандидатов, Б.Н. Ельцин, начинал свою кампанию с крайне низкого рейтинга, который составлял около 4–6 %. Его команда, в которую входили Анатолий Борисович Чубайс и Сергей Федорович Лисовский, заимствовала американский проект, использовавшийся Б. Клинтон в 1992 г. Был запущен грандиозный бесплатный концертный тур «Голосуй, или проиграешь» по всей стране с участием главных звезд эстрады 90-х: Аллы Пугачевой, Филиппа Киркорова, Константина Кинчева и десятков других [1].

Сравнительный анализ этих кампаний позволяет определить эффективность влияния поп-культуры на выборы и выявить специфику и стратегии, применявшиеся в каждой из кампаний с учетом национальных особенностей. Для достижения поставленной цели нами проведена сравнительная характеристика указанных электоральных кампаний по следующим критериям: 1) условия проведения данных избирательных кампаний; 2) роль средств массовой информации; 3) используемые методы достижения поставленных целей.

Кампании Б. Клинтона и Б.Н. Ельцина имели общую цель – обеспечить победу на выборах, а также сходный метод: опора на молодежь в качестве избирателей, однако их цели и инструменты имели ряд отличий.

Во-первых, главной целью Б. Клинтона было привлечь молодую аудиторию, которая мало ходила на выборы и была разочарована, потому что не получала прямых ответов. Люди увидели в Клинтоне нечто большее, чем просто «лучшее из худшего», получив ответы на свои вопросы.

Главной целью Б.Н. Ельцина было поднять свой рейтинг, который был катастрофически низок (4–6 %), мобилизовать молодежь против коммунистов («красной угрозы»), и также очень сильный фактор, воздействующий на кандидата, – это риск поражения [2].

Во-вторых, в США 1992 г. MTV, будучи коммерческим каналом и независимым от государственного контроля, был самостоятельно заинтересован в повышении собственного авторитета и расширении аудитории. Формат Choose or Lose стал выигрышным вариантом для обеих сторон: Билл Клинтон использовал его как платформу доступа к молодежной аудитории, а MTV получил статус влиятельной политической площадки. Кандидат был вынужден подстраиваться под правила и условия канала, участвуя в живом диалоге с аудиторией.

В Российской Федерации в 1996 г., в отличие от США, средства массовой информации были встроены в ресурс предвыборной кампании президента. В условиях децентрализации и борьбы элитных фигур телеканалы объединялись вокруг Б.Н. Ельцина перед лицом общей угрозы – коммунистов. Это позволило штабу кандидата использовать медиа в своих интересах и управлять трансляцией. Эфиры наполнялись репортажами с концертного тура «Голосуй, или проиграешь», что создавало эффект массовой народной поддержки.

В-третьих, инструментом для кампании Б. Клинтона служил музыкальный канал MTV и его телевизионное шоу Choose or Lose, где кандидат лично отвечал на вопросы молодых избирателей. Основными участниками были люди 18–24 лет. Клинтон обсуждал будущее страны и личные ценности; студенты впервые смогли почувствовать себя значимыми, так как кандидат смог уделить внимание и их вопросу [3]. Стоит подчеркнуть, что MTV в тот период вел активную работу по вовлечению молодежи в жизнь канала, поэтому в феврале 1992 г. был запущен конкурс My Dinner with Michael Jackson. Победители были приглашены на ужин с Майклом Джексон. Хотя этот конкурс не был инициативой Клинтона, он привлекал молодых избирателей и удерживал заинтересованность аудитории, которой впоследствии кандидат успешно воспользовался. Клинтон продолжал сотрудничать с MTV, участвуя в прямых эфирах. На прединаугурационном гала-концерте он выступал на одной сцене с группой Fleetwood и Майклом Джексон. Важную роль сыграла также поддержка Барбары Стрейзанд – одной из самых преданных звезд Б. Клинтона [4]. Ее публичное выступление осенью 1992 г., собравшее около 1 200 человек и принесшее более миллиона долларов в фонд кампании, укрепило статус кандидата, которого поддерживала культурная элита.

Тур «Голосуй, или проиграешь» проходил в разных городах, включая Ростов-на-Дону и Васильевский спуск в Москве. 10 июня 1996 г. на концерте в Ростове-на-Дону во время выступления Евгения Осина Ельцин

поднялся на сцену и станцевал. Это стало ведущим событием, которое также заинтересовало избирателей. Гонорары за такие концерты, в отличие от обычных, выплачивались в пятикратном размере [5].

Таким образом, Б. Клинтон одержал победу на выборах, набрав 43 % голосов, увеличив явку молодежи и создав образ «современного» политика через прямые выступления на MTV. В свою очередь, победа Б.Н. Ельцина во втором туре с 53,8 % голосов стала не только результатом его выступления, но и массовой мобилизации благодаря бесплатному концертному туру «Голосуй, или проиграешь». Несмотря на кажущуюся близость используемых методов ведения агитации, особенности политической культуры США и Российской Федерации предопределили ряд существенных отличий в рассматриваемых избирательных кампаниях. Так, в случае с президентскими выборами в США 1992 г. Б. Клинтон изначально имел высокий рейтинг. В связи с этим использование ресурсов MTV служило важным дополнением его предвыборной кампании. В свою очередь, Б.Н. Ельцин и его команда изначально столкнулись с низким рейтингом. Это потребовало максимального использования ресурсов шоу-бизнеса в качестве ключевого ресурса победы на выборах.

Список использованных источников

1. Глухов, Д. «Голосуй, или проиграешь»: рок и политика / Д. Глухов // Роккульт.ру – музыкальное сообщество. – URL: <https://rockcult.ru/po/golosuy-ili-proigraesh/> (дата обращения: 26.02.2026).
2. Кармуни, О. «Голосуй, или проиграешь» Ельцин, танцы и Чечня: как развлекалась Россия в год самых безумных выборов / О. Кармуни // Lenta.ru. – URL: <https://lenta.ru/articles/2020/08/24/ruspop96/amp/> (дата обращения: 26.02.2026).
3. Hagstrom, C. CAMPUS CORRESPONDENCE : Choose or Lose: New MTV Message Hits Youth Vote / C. Hagstrom // Los Angeles Times. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1992-06-21-op-1234-story.html> (дата обращения: 26.02.2026).
4. Hochman, S. Can Clinton Count on Rockers in '96? / S. Hochman // Los Angeles Times. – URL: <https://www.latimes.com/archives/la-xpm-1996-03-10-ca-45260-story.html> (дата обращения: 26.02.2026).
5. Kurlander, D. 'Finally, One of Our Guys is Driving the Car': Bill Clinton, the Youth Vote and MTV / D. Kurlander // CAFE. – URL: <https://cafe.com/article/finally-one-of-our-guys-is-driving-the-car-bill-clinton-the-youth-vote-and-mtv/> (дата обращения: 26.02.2026).

К.Е. Гаврик, курсант факультета милиции общественной безопасности

Научный руководитель – **А.А. Маткина**, старший преподаватель

КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ КИБЕРСОЦИАЛИЗАЦИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ КОНЦЕПЦИИ Э. ЭРИКСОНА

Исследуется кризис идентичности, порождаемый киберсоциализацией в условиях цифровизации современного социума. Эксплицируется эвристический потенциал концепции Э. Эриксона для анализа трансформаций самосознания личности в виртуальной среде. Раскрываются ключевые вызовы киберсоциализации – множественность «Я» и размывание границ реального и виртуального, приводящие к утрате устойчивости идентичности. Анализируются социально-политические последствия данного кризиса, а также механизмы его отражения в государственной политике Республики Беларусь (Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности», Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-З «О защите персональных данных»).

Ключевые слова: кризис идентичности, киберсоциализация, идентичность, Э. Эриксон, множественность «Я», виртуальная среда, информационно-психологическая сфера, критическое мышление, цифровая этика, национальная безопасность.

Актуальность темы обусловлена необходимостью социально-философской рефлексии процессов трансформации идентичности в условиях цифровизации. Виртуальная реальность конституируется как самостоятельное онтологическое пространство социализации, где традиционные механизмы формирования идентичности уступают место нестабильным, множественным формам самоидентификации. Возникающий кризис идентичности эксплицирует фундаментальное противоречие между потребностью личности в целостности и фрагментирующим воздействием виртуальной среды, продуцирующей конфликтующие образы самости. Для Республики Беларусь данная проблема сопряжена с вопросами национальной безопасности, сохранения ценностного суверенитета и противодействия деструктивным информационным воздействиям, что обуславливает необходимость обращения к классическим концепциям идентичности и анализа правовых механизмов защиты информационно-психологической сферы личности.

В обозначенных условиях конституируется феномен киберсоциализации, под которым в современном исследовательском дискурсе понимается «процесс качественных изменений структуры самосознания личности и потребностно-мотивационной сферы индивидуума, проис-

ходящий под влиянием и в результате использования человеком современных информационно-коммуникационных, цифровых и компьютерных технологий в контексте усвоения и воспроизводства им культуры в рамках персональной жизнедеятельности». Данный термин введен в научный оборот российским исследователем В.А. Плешаковым в монографии «Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'a до Homo Cyberus'a» (2012), в которой автор обосновывает формирование принципиально нового антропологического типа – Homo Cyberus («человека кибернетического»), чья жизнедеятельность параллельно протекает в двух реальностях – классической (материальной) и инновационной (киберпространстве), что детерминирует существенную трансформацию механизмов социализации, идентификации и самореализации личности [1, с. 15–18].

Ключевым вызовом, порождаемым киберсоциализацией, выступает кризис идентичности. Экспликация природы данного феномена требует обращения к классической концепции идентичности, разработанной немецко-американским психологом и психотерапевтом Э.Х. Эриксоном (1902–1994) – одним из основоположников эго-психологии, создателем жанра психоистории и автором термина «кризис идентичности», вошедшего в понятийный аппарат современной психологии и социально-гуманитарного знания.

Согласно концепции Э. Эриксона, изложенной в фундаментальном труде «Идентичность: юность и кризис», идентичность представляет собой «субъективное ощущение, а также наблюдаемое качество личной самоощущенности и непрерывности, соединенное с некоторой верой в тождественность и непрерывность разделяемого некоторого образа мира» [2, с. 58]. Данное понятие фиксирует не только внутреннее чувство целостности и преемственности собственного «Я» во времени, но и осознание того, что это «Я» признается и разделяется значимыми другими, что придает идентичности социальное измерение [2, с. 66].

Э. Эриксон подчеркивает, что идентичность не является статичным образованием, но формируется через преодоление нормативных психосоциальных кризисов. Ключевым в контексте настоящего исследования выступает пятая стадия развития, соответствующая юношескому возрасту (11–20 лет), где разворачивается кризис «идентичности против ролевой диффузии». В этот период индивид сталкивается с необходимостью синтезировать все предшествующие идентификации и представления о себе в единое целое, ответить на вопросы: «Кто я?», «Каково мое место в обществе?», «Каковы мои ценности?». Для обозначения этого переходного периода Эриксон вводит понятие психологического

моратория – временного, нормативного состояния экспериментирования с социальными ролями, необходимого для выработки устойчивого образа «Я». Успешное разрешение данного кризиса ведет к обретению целостной идентичности, тогда как неудачное – к состоянию диффузии идентичности, характеризующемуся «мучительными сомнениями относительно себя, своего места в группе, в обществе, с неясностью жизненной перспективы» [2, с. 92].

Для обозначения переходного периода между юностью и взрослостью, в течение которого осуществляются сложные процессы обретения взрослой идентичности, Э. Эриксон вводит понятие «психологический мораторий». В классической модели данный мораторий мыслится как временное, нормативное состояние, необходимое для экспериментирования с социальными ролями и выработки устойчивого образа «Я» [2, с. 90].

Однако теория идентичности Э. Эриксона формировалась в доцифровую эпоху, когда социализация протекала преимущественно в стабильной, предсказуемой среде с четкими социальными ролями и ценностными ориентирами. Киберсоциализация как процесс качественных изменений самосознания под влиянием цифровых технологий принципиально трансформирует условия формирования идентичности.

Виртуальная среда, будучи онтологически гетерогенной и принципиально незавершенной, продуцирует ситуацию перманентного моратория. Возможность одновременного конструирования множественных, часто конфликтующих между собой цифровых идентичностей в различных сегментах виртуального пространства приводит к фрагментации «Я», утрате ощущения самотождественности и непрерывности собственного существования. Индивид оказывается перед необходимостью перманентной реконфигурации идентичности, что, с одной стороны, открывает возможности для ролевого экспериментирования, но с другой – блокирует достижение той стадии зрелой идентичности, которую Э. Эриксон описывал как итог нормативного кризиса.

Эксплицированная трансформация механизмов формирования идентичности в процессе киберсоциализации имеет не только антропологическое, но и социально-политическое измерение. Неустойчивость идентичности может способствовать росту популизма, радикализации и конспирологического мышления как компенсаторных механизмов поиска когнитивной определенности, что ведет к поляризации общества и снижению социальной сплоченности.

Осознание взаимосвязи между антропологическими трансформациями, порождаемыми киберсоциализацией, и социальными рисками на-

шло отражение в стратегических документах и практических мерах государственной политики Республики Беларусь. Философская категория идентичности получает здесь свое правовое воплощение через понятие информационно-психологической сферы личности как объекта правовой охраны, требующего соответствующих механизмов защиты.

На уровне практических мер противодействия киберугрозам в республике реализуется комплексный подход. Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности» создает правовую основу защиты информационной инфраструктуры, определяя организационные механизмы обнаружения, предотвращения и минимизации последствий кибератак [3]. С философско-антропологической точки зрения данный документ значим не только как инструмент технической защиты, но и как институциональное признание того, что современное информационное противоборство ведется за контроль над процессами смыслообразования и восприятия, которые были проанализированы ранее на примере концепции Э. Эриксона. Кибербезопасность перестает быть исключительно технической категорией и приобретает антропологическое измерение, поскольку объектом защиты выступает не просто информация, а сама способность личности к сохранению целостной идентичности в условиях деструктивных информационных воздействий.

Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных» устанавливает границы обработки информации о человеке, обеспечивая защиту его цифровой идентичности от несанкционированного использования и манипулятивного воздействия [4]. В контексте проведенного философского анализа данный закон может быть интерпретирован как правовой механизм, препятствующий той самой фрагментации «Я», которая возникает при бесконтрольном конструировании множественных цифровых образов. Закрепляя за индивидом право контролировать распространение своей персональной информации, законодатель создает предпосылки для сохранения автономии личности и ее способности к самостоятельному формированию идентичности, не детерминированной внешними алгоритмами.

Таким образом, философская рефлексия над природой кризиса идентичности в условиях киберсоциализации обнаруживает свою практическую значимость, поскольку позволяет концептуализировать те антропологические риски, которые находят свое отражение в правовых механизмах защиты информационно-психологической сферы личности. Теоретическое наследие Э. Эриксона, будучи примененным к анализу цифровой реальности, дает ключ к пониманию процессов, детермини-

рующих необходимость выработки стратегий сохранения целостности личности и ценностного суверенитета общества в условиях киберсоциализации.

Список использованных источников

1. Плешаков, В.А. Киберсоциализация человека: от Homo Sapiens'а до Homo Cyberus'а : монография / В.А. Плешаков. – М. : Прометей, 2012. – 212 с.
2. Эриксон, Э.Х. Идентичность: юность и кризис / Э.Х. Эриксон ; общ. ред. и предисл. А.В. Толстых. – 2-е изд. – М. : Флинта : МПСИ : Прогресс, 2006. – 352 с. – (Библиотека зарубежной психологии).
3. О кибербезопасности : Указ Президента Респ. Беларусь от 14 февр. 2023 г. № 40 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.03.2026).
4. О защите персональных данных : Закон Респ. Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 : принят Палатой представителей 2 апр. 2021 г. : одобр. Советом Респ. 21 апр. 2021 г. : в ред. от 1 июня 2022 г. № 175-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 32.019.5

Д.Д. Домино, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *В.В. Стальбовский*,
кандидат юридических наук, доцент

«ЭХО-КОМНАТА» КАК ТЕХНОЛОГИЯ КОРРЕКЦИИ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Исследуется феномен «эхо-комнаты» как современного инструмента информационно-психологического воздействия на общественное сознание. Рассматриваются алгоритмические, социальные и психологические механизмы формирования замкнутых информационных сред. Анализируются возможности использования эхо-камер для целенаправленной коррекции общественного мнения и возникающие в связи с этим угрозы национальной безопасности.

Ключевые слова: эхо-комната, общественное мнение, информационная безопасность, манипуляция сознанием, социальные сети, цифровая среда, алгоритмическая фильтрация.

Стремительное развитие цифровых технологий и повсеместное проникновение социальных сетей в повседневную жизнь коренным образом изменили процессы формирования общественного мнения. Традиционные механизмы коммуникации, предполагавшие наличие разнообразных точек зрения в публичном пространстве, уступают место новым феноменам, среди которых особое место занимает так назы-

ваемая эхо-комната (или «информационный пузырь»). Данный термин описывает ситуацию, в которой индивид оказывается изолирован в информационной среде, где преобладают лишь те взгляды и убеждения, которые совпадают с его собственными, при этом любые альтернативные позиции либо отсутствуют, либо систематически отсеиваются.

Понятие «эхо-комната» было детально разработано американским правоведом К. Санстейном, который еще в начале 2000-х гг. предупреждал о последствиях персонализированного потребления информации. В своей работе «Республика.com» он отмечает: «Люди начинают жить в информационных коконах, где слышна лишь громкая переключка их собственных предубеждений. В таких условиях искажается не только восприятие фактов, но и сама способность к эмпатии по отношению к носителям иных взглядов» [5, с. 27]. Эта метафора точно отражает суть явления: индивид слышит только эхо собственного голоса, многократно усиленное и возвращенное ему алгоритмами и социальным окружением.

Технологическую основу формирования эхо-камер составляют алгоритмы персонализации, используемые всеми крупными цифровыми платформами, – от поисковых систем до лент новостей в социальных сетях. Эти алгоритмы анализируют историю запросов, клики, время просмотра, реакции («лайки») и репосты пользователя, чтобы предсказать, какой контент вызовет у него наибольший отклик. Экономическая логика платформ проста: чем дольше пользователь остается внутри сервиса, тем больше рекламы он увидит. Поэтому алгоритмы стремятся показывать только тот контент, который гарантированно будет одобрен, и отсекают все, что может вызвать дискомфорт или несогласие. Как подчеркивает российский исследователь информационных войн И.Н. Панарин, «информационно-психологические операции сегодня окончательно перешли в цифровую плоскость, где главным оружием стали не стены и бомбы, а алгоритмы удержания внимания и сегментации аудитории на изолированные группы» [3, с. 112]. Постепенно пользователь перестает замечать, что видит лишь узкий срез реальности, принимая его за объективную картину мира.

Психологическая основа функционирования эхо-комнат коренится в фундаментальных особенностях человеческого восприятия, а именно в стремлении избегать когнитивного диссонанса. Люди инстинктивно ищут информацию, подтверждающую их уже сложившиеся убеждения (так называемое подтверждающее искажение), и избегают сведений, которые могут эти убеждения поколебать. Эхо-комната превращается в

идеальную «зону комфорта», где любые тезисы, даже откровенно ложные или маргинальные, многократно усиливаются за счет постоянного повторения и одобрения со стороны таких же «запертых» в пузыре пользователей. Этот феномен блестяще объясняет теория «спирали молчания», разработанная немецким социологом Э. Ноэль-Нойман. Ее ключевой тезис гласит: «Страх изоляции заставляет индивидов постоянно проверять свое мнение по окружающим, а в условиях информационного пузыря любое меньшинство может ощущать себя уверенным большинством, что приводит к искажению общественного мнения и росту поляризации» [2, с. 63]. Человек, видя вокруг (пусть и в виртуальном пространстве) только единомышленников, утрачивает критическое восприятие и становится крайне восприимчив к внушению.

Как технология целенаправленной коррекции общественного мнения, эхо-комната предоставляет манипуляторам уникальные возможности. Воздействие может быть организовано по нескольким направлениям. Во-первых, это легитимизация нужных смыслов и идей: многократное повторение определенного тезиса внутри замкнутой группы создает у ее членов эффект его общепризнанности и истинности. Во-вторых, это дискредитация неудобных точек зрения: любые альтернативные позиции маркируются как враждебные, глупые или исходящие от «врагов», что полностью блокирует возможность конструктивного диалога. В-третьих, это формирование управляемого протестного потенциала: путем нагнетания эмоций и создания образа внешнего врага можно направлять недовольство граждан в нужное русло.

Российский психолог и специалист в области информационно-психологического противодействия А.Г. Караяни дает этому явлению емкую характеристику: «Современное информационное противоборство все больше смещается в плоскость управления когнитивными процессами. Создание изолированных информационных сред позволяет не просто транслировать выгодные смыслы, но и формировать саму логику мышления аудитории, навязывать ей паттерны интерпретации событий, исключая альтернативные версии реальности» [4, с. 157]. Эхо-камера становится идеальным инструментом такого глубинного воздействия на сознание.

Наиболее опасным следствием существования эхо-комнат является кристаллизация радикальных взглядов и экстремистских настроений. Внутри замкнутой группы, изолированной от внешней критики, любые идеи, даже самые абсурдные, имеют тенденцию доводиться до крайней степени радикализации. Данный процесс получил название «групповой

поляризации». Исторически эту закономерность задолго до появления интернета описал классик теории общественного мнения У. Липпман: «Общественное мнение – это образы в головах людей, созданные медиа. Реальность слишком сложна и изменчива для непосредственного познания, поэтому человек опирается на псевдосреду, сконструированную для него средствами информации» [1, с. 42]. Сегодня эти «образы» и «псевдосреды» создаются алгоритмически, без прямого участия человека, что делает их еще более эффективными и незаметными.

Противодействие деструктивному влиянию эхо-камер требует комплексного подхода. На индивидуальном уровне необходимы развитие критического мышления и повышение медиаграмотности, умение сознательно диверсифицировать источники информации. На государственном уровне требуется совершенствование законодательства в сфере информационной безопасности и мониторинг деструктивных информационных потоков. Однако ключевая проблема, лежащая в основе феномена «эхо-комнаты», остается философско-мировоззренческой: как сохранить приверженность объективной истине в условиях, когда технологии предлагают нам удобную, комфортную, но глубоко искаженную версию реальности?

Таким образом, эхо-комната представляет собой не пассивный информационный фон, а активную технологию коррекции массового и индивидуального сознания. Ее использование способно дестабилизировать общество, разрушать социальную ткань и подрывать основы государственности. Понимание механизмов ее работы и умение распознавать информационные пузыри является сегодня необходимым условием обеспечения информационной безопасности личности, общества и государства.

Список использованных источников

1. Липпман, У. Общественное мнение / У. Липпман ; пер. с англ. Т.В. Барчуновой. – М. : Ин-т Фонда «Обществ. мнение», 2004. – 384 с.
2. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман ; пер. с нем. – М. : Прогресс-Академия, 1996. – 352 с.
3. Панарин, И.Н. Информационная война и геополитика / И.Н. Панарин. – М. : Поколение, 2006. – 560 с.
4. Караяни, А.Г. Психология информационного противоборства: теории и практика / А.Г. Караяни. – М. : Юрайт, 2020. – 312 с.
5. Санстейн, К. Республика.com / К. Санстейн ; пер. с англ. А. Толкачева. – М. : Ин-т Гайдара, 2013. – 240 с.

С.А. Еришов, студент факультета права

Научный руководитель – **Ф.А. Некрашевич**,
кандидат исторических наук, доцент

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СПРАВЕДЛИВОСТИ В ТРУДЕ ПЛАТОНА «ГОСУДАРСТВО»

Посвящается анализу принципа справедливости в труде Платона «Государство». Приводится анализ принципа справедливости в труде Платона «Государство». Рассматриваются идеи справедливости как основополагающего начала построения государства и государственного устройства. Принцип равенства граждан в правах закрепляет не только политическую основу построения государства, но и охватывает духовную составляющую каждого человека, отражая его внутреннее спокойствие и гармонию. Благо в философии Платона понимается как внутреннее познание и преодоление себя для несения службы во имя Отечества и граждан. Только познающие истину философы могли управлять обществом.

Ключевые слова: государство, греческая философия, Платон, справедливость, социальное равенство.

Проблема справедливости и достижения общего блага волновала людей с древних времен. Великие древнегреческие философы – Сократ, Платон, Аристотель и другие – пытались проанализировать и оценить общественные отношения со стороны справедливости и несправедливости, понять, все же какое понятие доминирует.

Платон являлся учеником Сократа. Настоящее имя – Аристокл. А Платон – это прозвище, буквально означающее «широкоплечий». По воспоминаниям современников, он действительно отличался крепким телосложением. Годы жизни точно неизвестны (около 428/427 – 348/347 до н. э.) [2].

Идея справедливости в платоновском «Государстве» выступает не просто как нравственный императив, а как основополагающий принцип, определяющий и метафизическую структуру личности, и политическую организацию полиса. Платон выводит устройство государства из трехчастной структуры души, где мудрость (логистикон) должна управлять, мужественная часть (тюмос) – поддерживать, а аппетиты (эпитимия) – подчиняться. Он переносит эту модель на общество, соотнося разум с правителями-философами, мужественность со стражами, а аппетиты с производителями. Справедливость тогда понимается как гармония частей, когда каждая выполняет свое природное дело и не вмешивается в функции других [1].

В этом ключе разделение труда и обязанностей у Платона не является чисто экономической или прагматической мерой, а выступает как практическая реализация справедливости. Если каждый человек по природе склонен к определенной деятельности, то справедливо и полезно, чтобы он занимался именно ею, поскольку это обеспечивает максимальную эффективность и внутреннюю согласованность полиса. Разделение труда у Платона – способ достижения общественной гармонии и предотвращения конфликтов, возникающих из стремления людей занять чужие места или преследовать личные выгоды. Платон подкрепляет эту идею институциональными мерами: воспитание, отбор стражей, общность имущества, семей у правящего класса и системой образования. Все это направлено на то, чтобы выявить природные склонности людей и закрепить соответствие между природой и общественной ролью, чтобы разделение труда стало устойчивым и не сводилось к произвольной иерархии.

Важный аргумент Платона против простого уравнивания всех в правах состоит в том, что равенство в правах без учета природных различий ведет к неэффективности и внутреннему разладу, тогда как справедливость как соразмерность обязанностей и способностей обеспечивает целостность и благосостояние полиса. При этом Платон не игнорирует опасности такой модели – критики отмечают риск закрепления статусов и ограничения свободы, а сам диалог показывает, как отклонения от справедливого порядка приводят к деградации политических форм (тимократия, олигархия, демократия, тирания) [1].

Таким образом, справедливость у Платона становится основополагающим принципом построения государства. В своем труде «Государство» Платон формулирует идею того, что государство есть «увеличенная душа». То, что делает душу справедливой, делает справедливым и полис. При таком устройстве каждая часть выполняет свое собственное дело и не вмешивается в функции других. Он развивает эту мысль через учение о трехчастной душе и трех сословиях полиса: разумная часть души соотносится с правителями-философами, мужественная часть – со стражами, а appetitive часть (социальный слой населения, который занимается производством общественных благ) – с производителями. Справедливость тогда понимается как внутренняя гармония, когда разум управляет, воля поддерживает, а желания подчиняются. Аналогично в государстве каждый класс исполняет свою функцию ради общего блага.

Список использованных источников

1. Платон. Государство / Платон. – М. : Эксмо, 2025. – 459 с.
2. Нерсесянц, В.С. Платон / В.С. Нерсесянц. – М. : Норма, 2017. – 110 с.

Я.Р. Казак, курсант факультета милиции общественной безопасности

Научный руководитель – **А.А. Маткина**, старший преподаватель

ГЕНДЕРНОЕ РАВЕНСТВО КАК ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА И ЕГО РЕАЛИЗАЦИЯ В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Исследуется феномен гендерного равенства как философско-правовая проблема. На основе анализа концепций Платона, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо, Дж.С. Милля и С. де Бовуар прослеживается эволюция представлений о равенстве полов – от античного понимания равной ценности личности до современного требования активной государственной политики по созданию равных возможностей. Рассматривается воплощение этих идей в Конституции Республики Беларусь, Трудовом кодексе Республики Беларусь и Национальных планах действий по обеспечению гендерного равенства. На основе данных официальной статистики анализируются результаты реализации принципа гендерного равенства в ключевых сферах общественной жизни.

Ключевые слова: социальное равенство, Конституция Республики Беларусь, гендерная статистика, Трудовой кодекс Республики Беларусь, Республика Беларусь.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью философско-правовой рефлексии над феноменом гендерного равенства, который в условиях современных социальных трансформаций – цифровизации, демографических сдвигов, пересмотра традиционных ролевых моделей – приобретает значение фундаментального принципа организации общественной жизни и показателя эффективности функционирования правовой системы. Гендерное равенство выступает не только как конституционно закреплённая норма, но и как сложный социально-философский конструкт, требующий осмысления в категориях справедливости, свободы и человеческого достоинства.

Для понимания современного состояния гендерного равенства и выявления концептуальных оснований, закреплённых в законодательстве Республики Беларусь, необходимо обратиться к историко-философскому анализу эволюции представлений о равенстве полов. Такой подход позволяет проследить, как идеи, сформулированные в античной философии, развивались в эпоху Просвещения и получили окончательное теоретическое обоснование в XX в., сформировав тот понятийный аппарат, который сегодня лежит в основе правового регулирования и государственной политики.

В античной мысли равенство понималось не как механическое тождество, а как равная ценность и равные возможности для самореализа-

ции личности. Платон в своем труде «Государство» прямо указывает, что его рассуждения «касаются женщин ничуть не меньше, чем мужчин: правда, конечно, тех женщин, у которых есть на то природные способности» [1, с. 272]. Философ подчеркивал, что женщины наряду с мужчинами способны к философскому познанию и управлению, если им предоставлены равные условия образования.

В эпоху Просвещения эти идеи получили дальнейшее развитие. Дж. Локк в «Двух трактатах о правлении» (1689) обосновывает равенство всех людей в естественном состоянии, где «существа одной и той же породы и вида, при своем рождении без различия получая одинаковые природные преимущества и используя одни и те же способности, должны также быть равными между собой без какого-либо подчинения или подавления» [2, с. 12].

Дж.С. Милль в работе «О подчинении женщины» (1869) впервые системно обосновал необходимость полного юридического и социального равенства полов как условия прогресса общества. Ключевой тезис философа заключается в том, что «принцип, регулирующий существующие социальные отношения между двумя полами – легальное подчинение одного пола другому, – сам по себе порочен и составляет ныне одно из главных препятствий к усовершенствованию человечества; что поэтому он должен быть замещен принципом совершенного равенства» [3, с. 327].

В XX в. концепция гендерного равенства обогатилась идеями С. де Бовуар, чья работа «Второй пол» (1949) стала фундаментальным трудом феминистской философии. С. де Бовуар показала, как гендерные роли конструируются социально, а не определяются исключительно биологией. Ее знаменитый тезис гласит: «Женщиной не рождаются, ею становятся. Ни биология, ни психика, ни экономика не способны предопределить тот облик, который принимает в обществе самка человека» [4, с. 285]. Философ утверждала, что «положение, в котором находятся женщины, навязано социальными, политическими условиями» [4, с. 312] и «мужчине трудно оценить крайнюю важность социальных дискриминаций, которые извне кажутся пустяками, но моральные и интеллектуальные последствия которых укоренились в женщине столь глубоко, что могут показаться вытекающими из ее изначальной природы» [4, с. 318].

Таким образом, философская мысль эволюционировала от абстрактного признания равенства к требованию его практической реализации через создание равных возможностей и устранение дискриминационных механизмов. Данная эволюция создала концептуальную базу для

понимания гендерного равенства как принципа, требующего активной государственной политики.

Закономерным результатом этой многовековой философской рефлексии стало закрепление принципа гендерного равенства в Конституции Республики Беларусь, выступающей нормативным фундаментом всей правовой системы. Основной Закон не просто провозглашает формальное равенство, но и задает содержательные ориентиры для его практической реализации.

Ст. 22 Конституции Республики Беларусь конкретизирует локковское понимание естественного равенства: «Все равны перед законом и имеют право без всякой дискриминации на равную защиту прав и законных интересов» [5]. Платоновская идея о равных возможностях при соответствующих условиях нашла прямое отражение в ст. 32, где закрепляется, что «женщинам и мужчинам обеспечивается предоставление равных возможностей в получении образования и профессиональной подготовке, в труде и продвижении по службе (работе), в общественно-политической, культурной и других сферах деятельности» [5]. Наконец, тезис Дж.С. Милля о необходимости равного вознаграждения за труд воплощен в ст. 42, устанавливающей право на «равное вознаграждение за труд равной ценности» [5].

Философский анализ показал, что подлинное равенство невозможно без устранения социальных барьеров, искусственно ограничивающих возможности женщин. Наиболее отчетливо эти барьеры проявляются в сфере труда, где, по мысли Дж.С. Милля, «искусственные социальные ограничения» препятствуют не только карьерному росту, но и справедливой оценке способностей [3, с. 335].

Именно поэтому Трудовой кодекс Республики Беларусь в ст. 14 содержит прямой запрет дискриминации по признаку пола при приеме на работу, оплате труда, продвижении по службе и в иных трудовых отношениях [6]. Тем самым идея Дж.С. Милля о том, что искусственные социальные ограничения препятствуют выявлению действительных способностей женщин, получает практическую реализацию через устранение дискриминационных барьеров. Особые гарантии, предусмотренные для женщин в период беременности, отпуска по уходу за ребенком и грудного вскармливания, позволяют гармонично сочетать профессиональную деятельность и семейные обязанности без ущерба для карьеры, что соответствует выводу С. де Бовуар о необходимости учета реальных условий жизни женщин.

Государственная политика Республики Беларусь предполагает также реализацию мер, направленных на создание благоприятных условий

для утверждения равенства в различных сферах общественной жизни. В этой связи особое значение приобретают Национальные планы действий по обеспечению гендерного равенства, которые призваны обеспечивать последовательное воплощение конституционных и законодательных норм в практику социальных отношений.

Завершенный план на 2021–2025 гг. (постановление Совета Министров Республики Беларусь от 30 декабря 2020 г. № 793) включал 61 мероприятие по пяти направлениям: образование, занятость, здравоохранение, политическое участие и семья [7]. Ключевые задачи – внедрение гендерного анализа в законодательство, снижение профессиональной сегрегации, укрепление репродуктивного здоровья, предупреждение домашнего насилия и повышение осведомленности граждан [7]. Все эти положения непосредственно вытекают из философского понимания равенства как активной политики создания равных возможностей. Мониторинг осуществлялся через Белстат и Национальный совет по гендерной политике, что обеспечивает обратную связь и корректировку мер.

Реализация обозначенных направлений государственной политики находит свое отражение в объективных показателях, характеризующих положение мужчин и женщин в различных сферах общественной жизни. Обращение к данным официальной статистики позволяет оценить, насколько последовательно воплощаются в жизнь принципы, закрепленные в законодательстве и программных документах.

Согласно информации Национального статистического комитета Республики Беларусь, в 2026 г. среди руководителей организаций женщины составляют 50 %, при этом в 49 % случаев они занимают должность первого лица [8]. Женщины преобладают среди лиц с высшим образованием, активно участвуют на рынке труда, а гендерный разрыв в оплате труда сведен к минимальному уровню, чему способствуют конституционные гарантии равного вознаграждения за труд равной ценности и положения Трудового кодекса Республики Беларусь. Политическое представительство характеризуется сбалансированностью, что позволяет стране устойчиво входить в число государств с наиболее высокими показателями гендерного равенства согласно международным рейтингам [8].

Таким образом, проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что философская эволюция представлений о гендерном равенстве сформировала концептуальный фундамент для его современного понимания. Данные идеи нашли последовательное воплощение в Конституции, Трудовом кодексе и Национальных планах Республики Беларусь. Подтвержденная статистикой высокая доля женщин в управлении

и минимальный гендерный разрыв в оплате труда свидетельствуют о достижении в стране не только формального, но и реального равенства.

Список использованных источников

1. Платон. Государство / Платон // Собрание сочинений : в 4 т. – М. : Мысль, 1994. – Т. 3. – С. 79–420.
2. Локк, Дж. Два трактата о правлении / Джон Локк // Сочинения : в 3 т. – М. : Мысль, 1988. – Т. 3. – С. 135–406.
3. Милль, Дж.С. О подчинении женщины / Джон Стюарт Милль ; пер. с англ. – СПб. : Тип. Н.Н. Клобукова, 1906. – 288 с.
4. Бовуар, С. де. Второй пол / Симона де Бовуар ; пер. с фр., под ред. С. Айвазовой. – М. : Прогресс, 1997. – 832 с.
5. Конституция Республики Беларусь : принята на респ. референдуме 15 марта 1994 г. № 2875-ХП : с изм. и доп., принятыми на респ. референдумах 24 нояб. 1996 г., 17 окт. 2004 г. и 27 февр. 2022 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3871&р0=v19402875> (дата обращения: 14.03.2026).
6. Трудовой кодекс Республики Беларусь : 26 июля 1999 г. № 296-3 : принят Палатой представителей 8 июня 1999 г. : одобр. Советом Респ. 30 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 9 дек. 2025 г. № 110-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.03.2026).
7. О Национальном плане действий по обеспечению гендерного равенства в Республике Беларусь на 2021–2025 годы : постановление Совета Министров Респ. Беларусь от 30 дек. 2020 г. № 793 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 09.03.2026).
8. Гендерная статистика и статистика отдельных групп населения : офиц. веб-портал Нац. статист. ком. Респ. Беларусь. – URL: <http://gender.belstat.gov.by/home/> (дата обращения: 09.03.2026).

УДК 340.5

А.В. Кухаренко, студент факультета права

Научный руководитель – *А.А. Маткина*, старший преподаватель

СОЦИАЛЬНАЯ ИНЖЕНЕРИЯ КАК СПОСОБ СОВЕРШЕНИЯ МОШЕННИЧЕСКИХ ДЕЙСТВИЙ: ФИЛОСОФСКО-ПРАВОВОЙ АНАЛИЗ

Исследуется социальная инженерия как способ совершения мошеннических операций в условиях цифровизации. Раскрывается двойственная природа понятия: от социологического контекста (К. Поппер) до криминологического значения. С позиций философской антропологии осмысливается уязвимость человека перед манипуляцией через концепции Э. Фромма, античные категории

этоса и пафоса, а также идеи И. Канта о «несовершеннолетии» как состоянии интеллектуальной пассивности. Анализируется нормативно-правовая база Республики Беларусь. Обосновывается необходимость формирования критического мышления как условия идеологической безопасности и «суверенитета личности». Предлагаются комплексные меры противодействия, сочетающие правовые, организационные и воспитательные компоненты.

Ключевые слова: социальная инженерия, мошенничество, психологическое воздействие, манипуляция сознанием, человеческий фактор, идеологическая безопасность.

В современном научном дискурсе термин «социальная инженерия» имеет два основных смысловых измерения. В широком, социологическом смысле, восходящем к трудам К. Поппера, под социальной инженерией понимается деятельность по проектированию, конструированию и изменению организационных структур и социальных институтов, направленная на рациональное преобразование общества. Как отмечает сам философ, «задача социального конструктора, или инженера состоит в том, чтобы рационализировать общество... подчинять его разуму в той мере, в какой это возможно» [1, с. 427]. Важно подчеркнуть, что в данной трактовке социальная инженерия мыслилась как позитивная, созидательная деятельность, направленная на совершенствование социальных отношений. Однако в современном криминологическом дискурсе произошла концептуальная трансформация. Термин приобрел негативную коннотацию, сместившись в плоскость информационной безопасности и обозначая манипулятивные практики, эксплуатирующие человеческую психологию.

В узком же, прикладном значении, утвердившемся в практике информационной безопасности и криминологии, социальная инженерия определяется как совокупность психологических и коммуникативных методов, техник и технологий, используемых для побуждения человека к передаче конфиденциальной информации или совершению действий, наносящих ему ущерб. Как отмечают белорусские исследователи в области информационной безопасности, «социальная инженерия представляет из себя совокупность методов получения необходимого доступа к информации, основанных на особенностях психологии людей» [2]. Именно в этом, втором, значении понятие используется в настоящем исследовании.

Социальная инженерия основана в первую очередь на использовании человеческого фактора, а не на техническом взломе информационных систем. В философско-антропологическом измерении этот феномен эксплицирует фундаментальное противоречие: то, что делает человека

человеком – его способность к доверию, эмпатии, следованию авторитетам, – становится его главной уязвимостью. Как отмечал Э. Фромм, «человек – единственное животное, для которого собственное существование является проблемой» [3, с. 83]. В контексте данного исследования эта мысль приобретает особое звучание: именно способность человека рефлексировать по поводу своего бытия, задаваться такими вопросами, как «Кто я?», «Кому можно верить?», «Как поступить правильно?», делает его уязвимым для манипуляции. Преступник, использующий методы социальной инженерии, паразитирует на этой экзистенциальной открытости, подменяя подлинный диалог ложной коммуникацией и тем самым превращая экзистенциальную открытость человека в канал для преступного проникновения. В этом случае объектом посягательства является не только собственность, но и личная информационная безопасность, а орудием преступления – манипулирование доверием, страхом, чувством срочности или авторитетом воображаемого «представителя» официальной структуры.

С философско-правовой точки зрения здесь сталкиваются две категории античного этоса: «этос» (нравственный характер, устойчивость личности) и «пафос» (страсть, подверженность аффектам) [5]. Преступник целенаправленно эксплуатирует пафос жертвы, парализуя ее этос – внутренний нравственный стержень и способность к рациональному суждению. Иными словами, социальная инженерия атакует не столько слабые места в защите информации, сколько базовые антропологические константы: доверие к другому, страх перед угрозой, уважение к статусу (например, к образу «сотрудника банка» или «представителя власти»). Преступник искусственно создает ситуацию, в которой аффект (пафос) подавляет разум и нравственную рефлексию (этос), и жертва совершает действия, противоречащие ее собственным интересам и ценностям. Следовательно, противодействие социальной инженерии требует не только технических и правовых мер, но и восстановления этоса – формирования устойчивых мировоззренческих установок, критического мышления и навыков рефлексии, которые делают человека невосприимчивым к манипуляции.

Выявленные антропологические механизмы уязвимости находят свое конкретное выражение в устоявшихся видах социальной инженерии, к характеристике которых мы переходим. Наиболее распространенными видами социальной инженерии в практике киберпреступности являются фишинг, вишинг, смишинг и претекстинг. Объединяющим признаком всех перечисленных форм выступает использование обмана и злоупотребление доверием как ключевой механизм достижения пре-

ступного результата. При этом злоумышленник готов тратить значительное время на выстраивание коммуникации с жертвой, используя социальные сети, мессенджеры или телефонные звонки.

Нормативное закрепление ответственности за деяния, совершенные с использованием методов социальной инженерии, в Республике Беларусь осуществляется преимущественно через нормы уголовного законодательства. Социальная инженерия не выделена в Уголовном кодексе Республики Беларусь (далее – УК) в качестве самостоятельного состава преступления, но квалифицируется как способ совершения мошенничества. Ст. 209 УК определяет мошенничество как завладение имуществом либо приобретение права на имущество путем обмана или злоупотребления доверием [4]. Именно эти признаки лежат в основе подавляющего большинства социоинженерных схем, поскольку жертва добровольно передает имущество под влиянием сфальсифицированной коммуникативной ситуации. В зависимости от обстоятельств деяние может также подпадать под действие гл. 31 УК, предусматривающей ответственность за преступления против информационной безопасности [4].

Правовую основу противодействия создают Закон Республики Беларусь от 10 ноября 2008 г. № 455-3 «Об информации, информатизации и защите информации», Закон Республики Беларусь от 7 мая 2021 г. № 99-3 «О защите персональных данных» и Указ Президента Республики Беларусь от 14 февраля 2023 г. № 40 «О кибербезопасности», определяющие организационные и технические меры защиты информации и государственную политику в сфере противодействия киберугрозам.

Решение проблемы социальной инженерии требует комплексного подхода. Во-первых, необходима систематическая профилактическая работа с населением, направленная на выработку устойчивых навыков безопасного поведения в цифровой среде. Министерство внутренних дел Республики Беларусь проводит информационные кампании и публикует рекомендации по противодействию «киберзапугиванию», однако в будущем, по нашему мнению, целесообразно расширить образовательные программы, в том числе ввести курсы по цифровой безопасности в учебных заведениях.

Однако с позиции ценностно-ориентированного подхода и философии образования простой трансляции информации недостаточно. Требуется формирование у граждан (особенно у студентов) критического мышления как мировоззренческой установки. В этом мысль Канта о просвещении как о «мужестве пользоваться собственным умом» [6, с. 27] обретает новую актуальность.

Обращение к работе И. Канта «Ответ на вопрос: что такое Просвещение?» (1784) неслучайно. Именно в этом эссе философ вводит ключевое для нашего исследования понятие несовершеннолетия – состояния, в котором человек находится по собственной вине, позволяя другим мыслить за себя [6, с. 25]. И. Кант показывает, что причина этого состояния – не в недостатке ума, а в недостатке решимости и мужества им пользоваться [6, с. 25]. Человек добровольно передает «опекунам» (будь то книга, духовный пастырь или начальник) право думать за него, поскольку это удобно и избавляет от ответственности [6, с. 26].

Это кантовское описание «несовершеннолетия» находит прямую аналогию с психологическим механизмом, который эксплуатирует социальная инженерия. Жертва мошенников также добровольно отказывается от критического осмысления ситуации, передоверяя свой разум «авторитетному» голосу в трубке – ложному «опекуну» в лице мнимого сотрудника банка или представителя власти. Преступник побеждает там, где ум спит и человек действует на автоматизме социальных ролей, не желая брать на себя труд самостоятельного мышления. Пробуждение рефлексии, выход из состояния интеллектуального «несовершеннолетия» становится, таким образом, главной прививкой от манипуляции.

Во-вторых, необходимо совершенствовать механизмы межведомственного взаимодействия банков, операторов связи и правоохранительных органов, обеспечивая оперативное блокирование подозрительных транзакций.

В-третьих, представляется целесообразным дальнейшее развитие уголовно-правовых норм с учетом специфики удаленных краж, включая возможную детализацию квалифицирующих признаков мошенничества, совершаемого с использованием информационно-коммуникационных технологий. Международное сотрудничество также имеет важное значение, поскольку значительная часть таких преступлений носит трансграничный характер.

Таким образом, социальная инженерия представляет собой не просто совокупность мошеннических техник, но симптом глубокого кризиса человеческой субъектности в эпоху цифровизации. Эффективное противодействие данному явлению в Республике Беларусь возможно лишь при сочетании уголовно-правовых, организационных, технических и воспитательных мер. Однако подлинная победа над социальной инженерией лежит в иной плоскости – это восстановление суверенитета личности над собственным сознанием, возвращение человека к самому себе, к подлинно человеческому способу бытия, основанному на рефлексии, критическом мышлении и внутренней свободе, а не на реактивном автоматизме социальных ролей.

Список использованных источников

1. Поппер, К. Открытое общество и его враги : в 2 т. / Карл Поппер ; пер. с англ. под ред. В.Н. Садовского. – М. : Феникс, 1992. – Т. II : Время лжепророков: Гегель, Маркс и другие оракулы. – 528 с.
2. Стержанов, М.В. Некоторые техники социальной инженерии / М.В. Стержанов, А.И. Гридасов, В.Я. Анисимов, В.Н. Теслюк // Технические средства защиты информации : тез. докл. XVIII Бел.-рос. науч.-техн. конф., Минск, 9 июня 2020 г. / Бел. гос. ун-т информатики и радиоэлектроники ; редкол.: Т.В. Борботько [и др.]. – Мн. : БГУИР, 2020. – С. 72–73.
3. Фромм, Э. Человек для самого себя / Эрих Фромм ; пер. с англ. Э.М. Спировой. – М. : АСТ, 2010. – 350 с.
4. Уголовный кодекс Республики Беларусь : 9 июля 1999 г. № 275-3 : принят Палатой представителей 2 июня 1999 г. : одобрен Советом Респ. 24 июня 1999 г. : в ред. Закона Респ. Беларусь от 17 февр. 2025 г. № 61-3 // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 15.03.2026).
5. Аристотель. Риторика. Поэтика / Аристотель ; пер. с древнегреч. О. Цыбенко. – М. : Лабиринт, 2000. – 224 с.
6. Кант, И. Ответ на вопрос: что такое Просвещение? / И. Кант // Сочинения : в 6 т. – М. : Мысль, 1966. – Т. 6. – С. 25–35.

УДК 327.5

К.С. Лапутька, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *Ф.А. Некрашевич*,
кандидат исторических наук, доцент

ПЕРСПЕКТИВЫ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ С ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИЕЙ СОТРУДНИЧЕСТВА

Выявляются направления взаимодействия Республики Беларусь в рамках Шанхайской организации сотрудничества. Изучаются международные сообщества, набирающие политическую силу в связи с запросом глобального общества на создание нового миропорядка.

Ключевые слова: Шанхайская организация сотрудничества, Республика Беларусь, политика, экономика, международное сотрудничество, взаимодействие.

Шанхайская организация сотрудничества (ШОС) – это межправительственная международная организация, состоящая из десяти государств – России, Индии, Ирана, Казахстана, Китая, Киргизии, Пакистана, Таджикистана, Узбекистана и Беларуси. Она основана 15 июня 2001 г.

История взаимодействия Республики Беларусь с ШОС прошла путь длиной в 14 лет: от установления первых официальных контактов до

получения статуса полноправного члена в 2024 г. В 2010 г. Беларусь получила статус партнера по диалогу, что позволило Минску начать участие в профильных совещаниях по экономическим и гуманитарным вопросам. На саммите в Уфе в 2015 г. статус Республики Беларусь был повышен до наблюдателя.

4 июля 2024 г. Республика Беларусь подписала Меморандум об обязательствах в целях получения статуса государства – члена ШОС. Эта дата ознаменовала полноправное членство в ШОС для нашей страны. Согласно Меморандуму Республика Беларусь обязуется присоединиться ко всем международным договорам и документам, принятым в рамках ШОС [1, с. 1]. Одним из таких договоров является Хартия ШОС – фундаментальный уставной документ организации, принятый в 2002 г. Она определяет цели, принципы и основные направления деятельности объединения. Например, укрепление между государствами-членами взаимного доверия, дружбы и добрососедства; координация подходов при интеграции в мировую экономику; поддержание и развитие отношений с другими государствами и международными организациями; обмен правовой информацией в интересах развития сотрудничества в рамках ШОС; взаимодействие в предотвращении международных конфликтов и их мирном урегулировании; совместный поиск решений проблем, которые возникнут в XXI в. [1].

На наш взгляд, основными причинами вступления Республики Беларусь в ШОС являются:

международная политическая нестабильность в начале 2020-х гг.;
усиление роли международных организаций, таких как ШОС и БРИКС, в связи с недовольством стран колониальной политикой США и стран Запада;

следование принципам многовекторности внешней политики, заключающаяся в налаживании добрососедских отношений с соседними державами, в частности со странами «дальней дуги».

В июле 2024 г. на заседании Совета глав государств – членов ШОС Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко обозначил основные направления сотрудничества, которым Беларусь в качестве полноправного члена организации готова уделить большее внимание:

- выстраиванию подлинной и неделимой глобальной безопасности;
- разработке взаимовыгодных проектов в логистике и транспорте;
- созданию продовольственной безопасности;
- взаимному обогащению культур стран – участниц ШОС [3].

Перспективы сотрудничества Республики Беларусь с ШОС охватывают все сферы. Экономическая составляющая заключается в получении

огромного количества дивидендов, что необходимо в эпоху санкционного давления. На данный момент западные и американские рынки сбыта закрыты, соответственно членство в ШОС облегчает поиск импортеров с целью пополнения государственной казны и получения иностранной валюты. Отметим, что главный акцент должен делаться на торговлю. Вступление в ШОС открывает для Беларуси новые и выгодные возможности для торговли с крупнейшими экономиками мира. Это позволит увеличить экспорт белорусских товаров и услуг, что, в свою очередь, может способствовать росту ВВП. Практика показывает, что в современной политической обстановке необходимо сотрудничать не с 2–3 крупными экспортерами и импортерами, а с большим их количеством с целью избежания продовольственного и промышленного коллапса.

Социальная составляющая во взаимодействии Беларуси с ШОС исходит из экономической. Получение прибыли благодаря новым рынкам сбыта благоприятно скажется как на росте благосостояния граждан, так и на росте качества оказываемых государством услуг через модернизацию социально значимых объектов, что в полной мере соответствует социально-ориентированной рыночной экономике.

Касаемо нововведений в культурной сфере, следует подчеркнуть, что различные страны под эгидой ШОС могут создавать программы обмена для студентов и молодых специалистов в области искусства, музыки, театра и других культурных сфер. Также государствам – членам ШОС стоит способствовать проведению выставок, фестивалей и гастрольных туров, представляющих культуру каждой страны. Например, приемлемым вариантом является организация «Недель культуры» или «Месяцев культуры» стран ШОС с календарной очередностью.

Политическая выгода состоит в том, что получение приглашения в мировой клуб в лице ШОС и престижно, и выгодно. ШОС движется к тому, чтобы усилить свои позиции в экономическом и геополитическом плане, потому что у государств есть общий взгляд на то, что современный миропорядок недостаточно справедлив. Во времена непрекращающихся войн поддержание мира имеет ключевое значение. Беларусь всегда приветствовала мирные амбиции. С данной точки зрения сотрудничество с ШОС – это положительный аспект. Поддержание мира и безопасности, борьба с международным терроризмом, в том числе за счет расширения взаимодействия силовых, правоохранительных, юридических ведомств также является приоритетным направлением для ШОС.

Развитие отечественного туризма напрямую связано с сотрудничеством Беларуси с ШОС. Согласно Программе социально-экономическо-

го развития на 2026–2030 годы, утвержденной на VII Всебелорусском народном собрании, планируется увеличить экспорт туристических услуг в течение ближайшей пятилетки в два раза [4, с. 31]. На наш взгляд, данные цели могут быть выполнены, и с их решением связано тесное взаимодействие Республики Беларусь с государствами – членами ШОС. В последние годы по линии ШОС активно ведется формирование единого туристического пространства. Страны разрабатывают возможность облегчения визового режима, направленную на облегчение взаимных поездок. К слову, Беларусь является эталоном свободного перемещения туристов. Особенным спросом пользуются здравницы и лечебные санатории для отдыха. Развиваются деловой, промышленный туризм и агроэкотуризм.

Стоит также подчеркнуть, что партнерские отношения с ШОС окажут положительную динамику на развитие и модернизацию инфраструктуры благодаря совместным научным исследованиям и привлечению взаимных инвестиций в ключевые секторы экономики. Начиная с 2025 г. активно ведутся переговоры по созданию второй атомной электростанции на территории Беларуси. Следует отметить, что Российская Федерация оказала огромную помощь в строительстве атомной электростанции в Островце. В июне 2025 г. в Минске был открыт Национальный футбольный стадион, построенный при поддержке китайской стороны. После вступления Республики Беларусь в ШОС количество подобных объектов только возрастет.

Немаловажным компонентом и преимуществом является сотрудничество в области повышения качества образования и науки, а также рост численности высококвалифицированных отечественных специалистов. Обмен технологиями в таких областях, как искусственный интеллект, цифровизация, биотехнология и экология, может привести к значительным улучшениям в различных отраслях. Развитие международного сотрудничества в научной сфере для Беларуси необходимо с целью совершенствования цифровых технологий, которые активно развиваются в XXI в.

Республика Беларусь, несмотря на небольшую территорию и экономику, активно стремится укрепить свои позиции на мировой арене. Опыт прошлых лет показал, что Беларусь является локомотивом интеграции на постсоветском пространстве. У партнеров по ШОС существуют взаимовыгодные проекты в энергетике, транспорте, логистике, финансах и промышленной кооперации [3]. Эта организация является одним из основных направлений внешней, экономической и финансовой политики Республики Беларусь.

Несмотря на все положительные стороны участия Беларуси в ШОС, существует большое количество нерешенных вопросов и вызовов, стоящих не только перед страной, но и всем объединением. Например, неоднородность стран, конкуренция за рынки сбыта и нестабильная международная обстановка. Государства – члены ШОС имеют как общие интересы в области торговли и развития, так и множество политических, экономических и идеологических разногласий. В ШОС входят как страны-союзники, так и страны-конкуренты. Например, Индия и Китай имеют территориальные споры. Сейчас ШОС является в большей степени диалоговой площадкой. Многое зависит от того, насколько быстро и серьезно произойдет трансформация дружбы к стратегическому сотрудничеству.

Таким образом, членство Беларуси в ШОС не только открывает новые возможности для взаимодействия с другими странами, но также ставит определенные вызовы и задачи. В свою очередь, экономическая повестка ШОС полностью отвечает целям Беларуси – ускорение роста и устойчивое развитие. У Республики Беларусь накоплен большой опыт работы в международных структурах, существуют наработанные связи. Сегодня с уверенностью можно заявить о том, что ШОС все заметнее влияет на международную повестку дня. Спустя десятилетия у ШОС есть перспектива стать глобальной организацией, объединяющей весь мир.

Список использованных источников

1. Меморандум об обязательствах Республики Беларусь в целях получения статуса государства – члена Шанхайской организации сотрудничества, 4 июля 2023 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=102300032> (дата обращения: 28.02.2026).

2. Хартия Шанхайской организации сотрудничества, 7 июня 2002 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=3961&p0=100200089> (дата обращения: 28.02.2026).

3. Выступление Президента Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на заседании Совета глав государств – членов ШОС, 4 июля 2024 г. // Президент Республики Беларусь. – URL: <https://president.gov.by/ru/events/ucastie-v-sammite-sanhajskoj-organizacii-sotrudnicestva> (дата обращения: 01.03.2026).

4. Об утверждении Программы социально-экономического развития Республики Беларусь на 2026–2030 годы, 19 декабря 2025 г. // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://pravo.by/document/?guid=12551&p0=P925v0001> (дата обращения: 01.03.2026).

А.А. Маркевич, студент факультета права

Научный руководитель – *А.А. Маткина*, старший преподаватель

ИНФОРМАЦИОННЫЕ ВОЙНЫ КАК УГРОЗА НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ: СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Исследуется феномен информационных войн как угрозы национальной безопасности. С позиций философии постмодерна (Ж. Бодрийяр) анализируются механизмы воздействия информационных атак на массовое сознание. Рассматривается концепция симулякров как теоретическое основание для понимания природы современного информационного противоборства. Выявляется взаимосвязь между философским анализом феномена и его правовым закреплением в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь. Акцентируется внимание на необходимости защиты ценностно-мировоззренческой сферы личности и общества как ключевого условия сохранения когнитивного суверенитета. Обосновывается, что философский анализ информационных войн выступает важным инструментом обеспечения национальной безопасности, позволяя выявлять скрытые механизмы манипуляции общественным сознанием и разрабатывать эффективные меры противодействия.

Ключевые слова: информационная война, массовое сознание, национальная безопасность, информационное пространство, симулякр.

Актуальность темы обусловлена необходимостью социально-философского осмысления феномена информационных войн, который в условиях глобальной цифровизации приобретает характер перманентного фактора, дестабилизирующего системы национальной безопасности. Трансформация современной социальной реальности, вызванная стремительным развитием информационно-коммуникационных технологий, привела к размыванию традиционных границ между состоянием мира и войны, что актуализирует исследование информационного противоборства как специфической формы геополитической конкуренции, направленной на подавление суверенитета и деформацию ценностно-мировоззренческой сферы общества.

Для Республики Беларусь проблема выработки эффективных механизмов противодействия информационным угрозам имеет стратегическое значение, поскольку сопряжена с сохранением государственного суверенитета и цивилизационной идентичности. Это требует не только разработки практических мер, но и обращения к фундаментальным теоретико-методологическим основаниям анализа природы современных когнитивных конфликтов. В этой связи особую значимость приобретает

исследование онтологических и социально-аксиологических аспектов информационного противоборства, которые выступают концептуальной базой для понимания глубинных механизмов воздействия на массовое сознание.

Теоретическое осмысление данного феномена представлено в работах академика Национальной академии наук Беларуси, доктора философских наук, профессора Е.М. Бабосова. Исследуя онтологические основания информационного противоборства, Е.М. Бабосов подчеркивает, что в условиях развития информационно-коммуникационных технологий особую значимость приобретают антропологические и социально-аксиологические факторы конституирования нового пространства информационной войны [1, с. 31–32]. По его определению, информационная война представляет собой сложный социальный феномен, разворачивающийся в ценностно-мировоззренческой сфере и способный дестабилизировать общественное развитие [1, с. 31].

Философским основанием для понимания природы информационных войн служит концепция симулякров, разработанная выдающимся французским философом и социологом Ж. Бодрийяром (1929–2007). Он является одним из ключевых мыслителей постмодернизма, чьи труды оказали значительное влияние на философию культуры, социологию массовых коммуникаций и теорию медиа. В своих работах, и прежде всего в книге «Симулякры и симуляция» (1981), Ж. Бодрийяр исследует фундаментальную трансформацию отношений между реальностью и ее репрезентацией в современном мире. Философ вводит ключевое понятие симулякра – знака или образа, который не отсылает к реальному объекту, а лишь имитирует его, замещая саму реальность [2, с. 12–15]. В этой новой реальности, или «гиперреальности», образ больше не отражает действительность, а конституирует ее, формируя восприятие масс и становясь «реальнее реального». Под гиперреальностью понимается состояние, при котором знаки и образы утрачивают связь с каким-либо референтом и начинают восприниматься как более подлинные, чем сама действительность. Как характеризует это состояние сам философ, гиперреальность есть «синтетический продукт излучения комбинаторных моделей в безвоздушном гиперпространстве», результат «подмены реального знаками реального» [2, с. 7].

Обращение к концепции Ж. Бодрийяра в контексте анализа информационных войн позволяет раскрыть их онтологическую природу. Информационное противоборство разворачивается не в сфере фактов, а в пространстве интерпретаций, где любой факт может быть подменен его искусственно сконструированным образом. Целью такой войны стано-

вится не захват территории или физическое уничтожение противника, а конструирование гиперреальности, в которой победа или поражение определяются тем, какой образ события будет навязан обществу и закреплен в массовом сознании как единственно существующий.

Особую значимость идеи Ж. Бодрийера приобретают в связи с его анализом роли средств массовой информации в современных конфликтах. В работе «Дух терроризма. Войны в Заливе не было» (1991) философ исследует фундаментальную трансформацию репрезентации военных событий в медиапространстве. Согласно его концепции современные средства массовой информации не транслируют событие, а конструируют его, создавая автономную медийную реальность [3, с. 112–115]. Как отмечает сам мыслитель, «война, превратившись в информацию, перестает быть реальной войной и становится войной виртуальной; и подобно тому, как все, проходящее через психику, служит поводом для бесконечных туманных рассуждений, – также все, что пропускается через информацию, становится предметом нескончаемой спекуляции, то есть тотальной неопределенностью» [3, с. 112].

Ж. Бодрийер подчеркивает, что в ситуации, когда медийная репрезентация подменяет фактическую основу события, «реальное время информации теряется в совершенно нереальном пространстве, доставляя, в конце концов, образы чистого, бесполезного, мгновенного телевидения» [3, с. 74]. Транслируемые телевидением образы утрачивают референтную связь с событием и начинают функционировать автономно, подчиняясь исключительно внутренней логике медиаспектакля.

Из данного анализа следует вывод о том, что объектом информационного воздействия становятся когнитивные структуры и правосознание индивидов. В ситуации, когда событие замещается его медийной репрезентацией, общество утрачивает способность к критической рефлексии и различению достоверной информации от манипулятивных конструктов. Как заключает Ж. Бодрийер, «мы пребываем уже не в логике перехода возможного в действительное, но в гиперреалистической логике запугивания себя самой возможностью реального» [3, с. 46].

На уровне государственной политики Республики Беларусь проблема информационной безопасности получила концептуальное оформление в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, утвержденной в 2019 г. Документ определяет информационную безопасность как состояние защищенности интересов личности, общества и государства в информационной сфере [4]. В указанной Концепции отмечается, что манипулирование массовым сознанием приобретает значение, сопоставимое с борьбой за территории и ресурсы. Через ин-

формационное пространство осуществляется дискредитация конституционных основ государства, размывание национального менталитета, вовлечение граждан в экстремистскую деятельность, разжигание межнациональной и межконфессиональной вражды [4]. Информационный фактор становится инструментом межгосударственных конфликтов, направленных на нарушение суверенитета. Следствием информационных воздействий становится трансформация социальных связей, стиля мышления, способов коммуникации и самооценки личности [4].

Понятия «манипуляция общественным сознанием» и «дезинформация», используемые в Концепции информационной безопасности Республики Беларусь, в философском дискурсе получают концептуальное обоснование через категорию симулякра, разработанную Ж. Бодрийаром. Речь идет не просто о распространении ложных сведений, а о конструировании псевдореальности, которая замещает собой фактическую основу событий. Симулякры, будучи знаками, утратившими референтную связь с действительностью, формируют автономное семантическое пространство, в котором образы начинают функционировать по собственным законам, независимо от объективного положения дел. В этом пространстве война перестает быть военной операцией и превращается в медийный спектакль, где победа или поражение определяются не реальным соотношением сил, а тем, какой образ события будет навязан глобальной аудитории.

Фиксируя данную угрозу на уровне официального документа, государство констатирует фундаментальный сдвиг в природе современного противоборства. Его эпицентр перемещается из сферы физического пространства в сферу когнитивную. Объектом атаки становятся не инфраструктура или вооруженные силы, а информационно-психологическая сфера личности и общества, включающая механизмы восприятия, переработки и интерпретации информации. С правовой точки зрения это означает, что традиционные инструменты защиты суверенитета, ориентированные на охрану территориальной целостности, оказываются недостаточными. Возникает потребность в формировании правовых механизмов, обеспечивающих когнитивный суверенитет, т. е. способность государства и общества сохранять контроль над процессами смыслообразования и противостоять деструктивному информационному воздействию.

В этом отношении Концепция информационной безопасности Республики Беларусь выступает не просто административным документом, а практической реализацией философского анализа информационных угроз. Закрепляя на уровне государственной политики необхо-

димось защиты от манипулятивного конструирования реальности, она легитимирует те самые механизмы противодействия, которые теоретически обоснованы в работах Ж. Бодрийяра.

Тем самым философская категория симулякра получает свое правовое воплощение. То, что мыслитель описывал как онтологический сдвиг в структуре реальности, в правовом поле предстает как объект правовой охраны – ценностно-мировоззренческая сфера, требующая специальных мер защиты. Таким образом, Концепция информационной безопасности Республики Беларусь фиксирует фундаментальную трансформацию: война сегодня ведется не за территории, а за контроль над смыслами и образами в сознании людей, и именно правовое признание этой трансформации становится условием эффективного обеспечения национальной безопасности.

Проведенное исследование позволяет рассматривать информационные войны как фундаментальный вызов национальной безопасности, требующий междисциплинарного осмысления. Философский анализ позволяет выявлять скрытые механизмы манипуляции общественным сознанием и разрабатывать меры противодействия. Информационная война атакует не отдельные убеждения, а способность их формировать на основе достоверных данных. Поэтому обеспечение национальной безопасности требует не только технических и правовых мер, но и формирования у граждан критического мышления, медиаграмотности и устойчивых ценностных ориентиров.

В более широком контексте защита от информационных войн есть сохранение способности общества к аутентичному существованию – различению подлинного и сконструированного, истинного и навязанного, сохранению суверенитета личности над собственным сознанием.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е.М. Онтологические основания философско-социологического осмысления информационной войны / Е.М. Бабосов, Ю.Л. Баньковская // Журнал Белорусского государственного университета. Социология. – 2024. – № 2. – С. 31–32.
2. Бодрийяр, Ж. Симулякры и симуляция / Жан Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – М. : Постум, 2015. – 240 с.
3. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в Заливе не было / Жан Бодрийяр ; пер. с фр. А. Качалова. – М. : РИПОЛ классик, 2016. – 223 с.
4. Концепция информационной безопасности Республики Беларусь : утв. постановлением Совета Безопасности Респ. Беларусь от 18 марта 2019 г. № 1 // Национальный правовой Интернет-портал Республики Беларусь. – URL: <https://www.pravo.by> (дата обращения: 15.03.2026).

А.Э. Мартынюк, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – *А.И. Веруш*,
кандидат политических наук, доцент

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ ЧЕРЕЗ ВОСПРИЯТИЕ КУРСАНТОВ АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Посвящается исследованию национальной идеи Республики Беларусь. Акцентируется внимание на восприятии национальной идеи Республики Беларусь курсантами Академии МВД – будущими офицерами правоохранительных органов Республики Беларусь. В условиях динамично меняющегося мира формирование национальной идентичности и консолидации общества, понимание того, как молодые специалисты, призванные стоять на страже государства, интерпретируют и осмысливают базовые ценностные ориентиры страны, приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: белорусская национальная идея, суверенитет, независимость, идеология белорусского государства, патриотизм, историческая память, малая родина.

Актуальность исследования темы формирования национальной идеи Республики Беларусь обусловлена необходимостью консолидации общества, защиты государственного суверенитета, сохранения исторической памяти и формирования национальной идентичности. Национальная идея выступает фундаментом для защиты суверенитета и независимости в условиях современных вызовов, когда актуальными стали вопросы защиты исторической памяти, сохранения языка, традиций и культурного наследия, формирования гражданского единства государства. Именно поэтому поиск и формирование национальной идеи является одним из самых важных направлений развития любого общества или государства.

По мнению известного белорусского социолога, академика Е.М. Бабосова «Национальная идея воплощает в себе притягательный идеал и высшую цель для всей нации, для всего белорусского народа и для всех представителей других этнонациональных групп, которые проживают в нашей стране» [1, с. 77–82]. Национальная идея воплощает в себе общее видение ценностей, целей и идеалов, которые объединяют людей, определяет культурные, политические и социальные основы общественной жизни. Исследование национальной идеи позволяет выявить духовные, философско-политические и социальные основы, обеспечивающие устойчивое развитие белорусского государства.

Национальная идея является фундаментом для формирования национальной гордости, патриотизма и готовности защищать интересы

своей страны. Гражданам, объединенным общими целями, идеалами и ценностями, мотивированным к достижению общего блага, легче адаптироваться к любым трудностям и их преодолению. Основательно продуманная и четко выверенная национальная идея позволит закрепить прочный национальный идеологический фундамент для других поколений, а значит, не позволит нам исчезнуть с карты мира как суверенное государство и раствориться в нем как нация.

Белорусскую национальную идею можно определить в качестве систематизированного и устойчивого ко времени обобщения самосознания белорусского народа, смысла и высшей ценности его бытия. В основе белорусской национальной идеи, способной объединить граждан нашей страны, может быть идея малой родины, основанная на патриотизме и любви к ней, трансформировавшаяся в идею большой родины – Республики Беларусь и гражданской ответственности за ее будущее.

Она должна вытекать из пройденного нашим народом исторического пути. Максим Богданович опозитизировал в своем творчестве белорусскую национальную идею, описав в нем образ белорусского народа – народа труженика и патриота, носителя и создателя всего прекрасного и ценного в жизни [2, с. 97–100]. В то же время белорусская национальная идея должна выступать программой по развитию и укреплению белорусского общества и государства, включению страны в интеграционные процессы, прежде всего в осуществление идеи Союзного государства и Евразийского союза, и через них в формирование миросистемы XXI в.

В современной Беларуси проблеме формирования национальной идеи уделяется внимание: создаются тематические проекты, онлайн-площадки для опросов, проводятся социологические опросы общественного мнения по выявлению актуальных социальных запросов и ожиданий белорусов. Аналитики Белорусского института стратегических исследований, который является ведущим «мозговым центром» страны, подходят к национальной идее не как к застывшему лозунгу, а как к живому, эволюционирующему процессу. Исследования продолжаются, а те, что уже состоялись, показывают, что национальная идея должна строиться на сохранении лучшего из прошлого (советского и досоветского наследия) и его адаптации к будущему. В то же время национальная идея должна быть неразрывно связана с сильным государством, обеспечивающим социальную справедливость, выражать единство общества и общественный консенсус. Аналитики также отмечают, что часть общества видит будущее Республики Беларусь в образе «умной Беларуси» (IT-страна, высокие технологии, атомная энергетика) [3].

Однако для курсантов Академии МВД национальная идея Республики Беларусь – это еще и уникальный сплав общегражданских ценностей и специфического профессионального Кодекса чести. В центре этой

идеи стоит концепция «Служим Закону, Народу, Отчизне!», которая для будущего офицера наполняется глубоким идеологическим смыслом. Курсант Академии МВД – это наследник защитников правопорядка и воинов-победителей, почитающий историю страны и подвиг народа в Великой Отечественной войне, уважающий традиции милиции, которая всегда стояла на защите простых граждан.

Для курсанта Академии МВД национальная идея заключается в понимании того, что он является патриотом и щитом своего государства, осознающий роль органов внутренних дел как гаранта мирной жизни и спокойствия на улицах, отстаивающий конституционный строй и национальные интересы Беларуси в любых условиях.

Для курсанта Академии МВД важен образ честного, открытого и профессионального сотрудника, которому люди доверяют свою безопасность, понимающего, что по поведению одного курсанта судят не только о всей системе МВД, но и о государстве в целом.

Курсант Академии МВД – это будущий офицер, защитник традиционных духовно-правственных ценностей белорусского народа от чуждой ценностной экспансии, деструктивного культурно-психологического воздействия, пропаганды религиозной нетерпимости и межнациональной розни, защищающий национальные интересы Республики Беларусь.

Список использованных источников

1. Бабосов, Е.М. У истоков белорусской национальной идеи / Е.М. Бабосов // Беларуская думка. – 2016. – № 10. – С. 77–82.
2. Багдановіч, М. Поўны збор твораў : у 3 т. / М. Багдановіч. – Мн., 1995. – Т. 3. – С. 97–100.
3. Проект БИСИ. Пульс общества: национальная идея – основа консолидации общества. – URL: <https://socio.bisr.by/nacionalnaja-ideja-osnova-konsolidacii-obshhestva> (дата обращения: 24.02.2026).

УДК 101.9

А.Э. Мартынюк, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – *М.Ю. Узгорок*,
кандидат философских наук, доцент

ТВОРЧЕСТВО КАК ФОРМА АКТИВНОСТИ ЛИЧНОСТИ КУРСАНТА АКАДЕМИИ МВД РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

Раскрывается сущность творчества как специфической формы человеческой активности, выявление структуры творческой деятельности и ее роли в

бытии человека и общества. Анализируются роль и значение творчества для индивидуального развития и формирования творческой личности курсанта учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь». Устанавливается, что профессиональная деятельность сотрудника милиции является творческой по своей специфике и предполагает наличие способностей и умения решать служебные задачи не только в обычных, но и в экстремальных условиях. В этой связи формирование творческого мышления у курсантов учреждений образования Министерства внутренних дел Республики Беларусь является своевременным и необходимым.

Ключевые слова: творческая активность, творчество как деятельность, активность личности, креативность, самореализация, самовыражение.

Творчество – это продуктивная, инициативная деятельность, направленная на создание качественно новых объектов, которая раскрывает потенциал личности, развивает мышление, снижает стресс и является основой для культурного и личностного развития, позволяя человеку осмыслить мир и самого себя. Это не просто вдохновение, а систематический процесс поиска, анализа и реализации идей, ведущий к самоактуализации.

Творчество в деятельности человека представляет собой уникальный процесс, результат и развитие которого является мощным двигателем для достижения поставленных целей. Фантазия, идея и логическое завершение задуманного помогают строить индивидуальные подходы в решении задач любой сложности, находить ответы на различные вопросы и выход из самых необычных ситуаций, но самое главное – творческий подход помогает людям быстрее адаптироваться в новом коллективе, найти общий язык и добиться успеха в любой деятельности.

Уникальность творчества заключается в том, что оно свойственно не только людям с особенными творческими способностями, а присуще каждому человеку, способному к саморазвитию.

Творчество – это не просто вид деятельности, а фундаментальное условие и двигатель активности человека, проявляющееся в способности создавать новое, выражать себя и преобразовывать мир, развивая при этом мышление, воображение, инициативность и духовность, что ведет к самореализации и обогащению как личности, так, в целом, и общества. Оно активизирует внутренние резервы, помогает справляться со стрессом и находить нестандартные решения [1, с. 18].

Современные условия жизни трактуют нам свои правила, определяя креативность и творческое мышление в решении служебных и практических задач одними из главных качеств для успешного построения карьеры в любой сфере человеческой деятельности.

Исследование творческой активности – проблема сложная и противоречивая. Сложность ее заключается в том, что предметом здесь выступает явление, внутренняя сущность которого недоступна для прямого, непосредственного исследования. Поэтому при многовековой истории изучения творческая активность остается недостаточно изученной.

Результатом данного процесса является развитие у человека творческого мышления и качеств личности, в том числе и нравственных, которые обеспечивают возможность осуществления этого процесса и получения результатов творческой деятельности.

Необходимость в творческих людях заявляет о себе во всех сферах жизнедеятельности. Создание новых технологий и решение глобальных проблем невозможно без использования творческого потенциала личности [4, с. 50]. Человечество сможет добиться больших успехов только тогда, когда оно будет заботиться о раскрытии творческих способностей человека, соответствующим образом совершенствуя систему образования и подготовки специалистов, необходимых на рынке труда.

Развитие и реализация творческого потенциала личности возможна при условии поддержки ее социальными механизмами и зависит от многих объективных и субъективных факторов: генетически наследуемых способностей; среды воспитания и образования личности, ее реализации в профессиональной деятельности; признания и понимания его в обществе.

В настоящее время многие молодые люди испытывают трудности в личностной самореализации [3, с. 48]. Причиной этому является слабо развитые творческие качества, отсутствие способности самостоятельно принимать серьезные решения и нести ответственность за свои поступки.

В сущности, творчество – это способ быть активным и «творить себя» на протяжении всей жизни, отражая свой внутренний мир и влияя на внешний [2, с. 66].

Творческий потенциал личности сотрудника органов внутренних дел выражается в инновационной деятельности, направленной на саморазвитие личности и обогащение социального опыта, а также является важным фактором формирования профессиональных умений правоохранителей [5, с. 325–326].

Мы изучали отношение к творческой деятельности курсантов 1-го курса факультета милиции общественной безопасности учреждения образования «Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь» (далее – Академия МВД). Во время исследования было проведено анкетирование. Ответы на вопросы анкеты позволили составить представление об отношении курсантов к занятиям творчеством.

Творчество для курсанта Академии МВД – это не просто хобби, а ключевой способ и условие его активности и саморазвития. Творческая деятельность помогает находить нестандартные решения сложных задач в служебной и учебной деятельности, участвовать в олимпиадах и научных конференциях, заниматься научными исследованиями. В личном плане она способствует улучшению коммуникативных навыков курсантов, развивает внутреннюю мотивацию, устойчивость к стрессу, способность к оправданному риску и эмоциональной зрелости.

Творчество трансформирует курсанта из исполнителя в активного субъекта своей профессиональной деятельности, готового к вызовам современности и способного к постоянному совершенствованию.

Полученные результаты также позволили сделать вывод о том, что творческая деятельность не только положительно влияет на развитие как творческих способностей личности, так и личности в целом, но и способствует развитию у курсантов чувства коллективизма и сплоченности.

Следует отметить, что курсанты, активно участвующие в творческой жизни Академии МВД, демонстрируют также и хорошие результаты в служебной деятельности, что свидетельствует о том, что у них сформировались ответственность и чувство долга.

В итоге подчеркнем, что именно творческая деятельность создает прочный фундамент для человеческой активности, способствует развитию духовных ценностей, формирует в человеке самостоятельность, индивидуальность, развивает интеллектуальные способности, оригинальность и креативное мышление.

Список использованных источников

1. Богоявленская, Д.Б. Сознание и творчество. Психология сознания: этнонациональные, религиозные, правовые и регулятивные аспекты / Д.Б. Богоявленская // Материалы Междунар. конф. 15–17 окт. 2015 г. – Самара, 2015. – С. 17–21.

2. Калдибекова, А.С. Развитие творческого потенциала у студентов / А.С. Калдибекова, М.А. Иргашова // Наука и образование сегодня. – 2020. – № 3. – С. 66. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-tvorcheskogo-potentsiala-u-studentov> (дата обращения: 15.03.2026).

3. Князева, А.Г. Принципы развития творческого потенциала студентов в условиях университетского образования / А.Г. Князева // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. – 2019. – № 1. – С. 46–48.

4. Тамочкина, О.А. Развитие творческого потенциала личности как фактор оптимизации профессиональной подготовки выпускников вузов / О.А. Тамочкина // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. – 2017. – № 4. – С. 47–52.

5. Узгорок, М.Ю. Проблемы формирования творческого потенциала личности сотрудников органов внутренних дел / М.Ю. Узгорок // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных органов : материалы Междунар. науч.-практ. конф., г. Минск, 18–19 апр. 2024 г. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.) И.А. Анищенко, С.И. Бахур [и др.]. – Минск : Акад. МВД, 2024. – С. 325–226.

УДК 34.06

И.С. Мудров, слушатель факультета повышения квалификации
и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – *О.Н. Сувалов*,
кандидат исторических наук, доцент

ЗНАЧЕНИЕ И РОЛЬ ДИСЦИПЛИНЫ В ОРГАНАХ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ: ФУНДАМЕНТ СТАБИЛЬНОГО ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ И РАЗВИТИЯ

Раскрываются причины дисциплинарных проступков сотрудников органов внутренних дел и направления работы по поддержанию и укреплению служебной дисциплины. Анализируются идеологическое направление совершенствования служебной дисциплины в органах внутренних дел Республики Беларусь, систематизация идеологической подготовки. Описывается предложение законодательного закрепления в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Республики Беларусь формулировки «служебная дисциплина».

Ключевые слова: служебная дисциплина, идеологические аспекты обеспечения дисциплины, стабильное функционирование и развитие органов внутренних дел Республики Беларусь.

Среди факторов, детерминирующих увеличение количества дисциплинарных проступков, совершаемых сотрудниками органов внутренних дел, целесообразно выделить комплекс объективно-субъективных причин, оказывающих деструктивное воздействие на уровень служебной дисциплины как на индивидуальном, так и на организационном уровне. К числу таких факторов относятся: чрезмерная детализация нормативно-правовой регламентации служебной деятельности, предполагающая строгую ориентацию на заранее фиксированные правила и инструкции; сочетание высокой жесткости предписаний с требованием их неукоснительного исполнения способствует формированию стереотипного, шаблонного мышления и создает предпосылки для развития проявлений профессиональной деформации личности; значительный объем властных полномочий, делегируемых сотрудникам для эффективного решения задач по обеспечению общественной безопасности,

защите прав и законных интересов граждан, включая применение мер государственного принуждения, сбор сведений о частной жизни, ограничение свободы передвижения и использование физической силы; повышенная степень социальной и юридической ответственности за содержание и результаты профессиональной деятельности; хронические психозмоциональные и физические перегрузки, обусловленные спецификой правоохранительной службы [1, с. 13–17].

Указанный перечень не претендует на исчерпывающую полноту, поскольку служебная деятельность органов внутренних дел характеризуется многообразием сложных ситуаций и межличностных взаимодействий. Тем не менее анализ влияния перечисленных и сопутствующих факторов, причин и условий предопределяет необходимость системной работы по поддержанию и укреплению служебной дисциплины, реализуемой по двум основным направлениям. Первое направление связано с оптимизацией содержания, механизмов и принципов применения административно-правовых инструментов обеспечения и поддержания дисциплины через внесение изменений в действующее законодательство. Особое внимание в рамках данного вектора следует уделить институту дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел, который одновременно выполняет функцию гаранта законности и эффективности исполнения возложенных задач и выступает правовой гарантией защиты служебно-правового статуса сотрудника. Второе направление предполагает осуществление целенаправленной идеологической работы по профилактике деструктивных форм поведения среди личного состава. Развитие системы мониторинга девиантного поведения сотрудников составляет фундамент для дальнейшего совершенствования мер предупреждения нарушений служебной дисциплины и обеспечения законности.

Идеологическое направление совершенствования служебной дисциплины в органах внутренних дел Республики Беларусь представляет собой системную работу по формированию устойчивой мировоззренческой платформы, основанной на принципах белорусской государственности, патриотизма и профессиональной чести, что трансформирует дисциплину из внешнего регулятора в имманентную ценность служебной идентичности.

Нами предлагается законодательное закрепление в Дисциплинарном уставе органов внутренних дел Республики Беларусь формулировки, которая звучит следующим образом: «служебная дисциплина – это осознанное подчинение порядку, основанное на идеалах белорусской государственности, патриотизма и профессиональной чести». Полагая, это позволит институционализировать идеологический фундамент дисциплинарного регулирования.

Систематизация идеологической подготовки предполагает введение обязательного модуля «Государственная идеология и служебная дисциплина», охватывающего историю белорусской милиции, анализ современных угроз суверенитету и разбор кейсов дисциплинарных нарушений через призму государственной идеологии, а также проведение еженедельных идеологических пятиминуток перед разводом с обсуждением актуальных посылов Президента и примеров из практики. Патриотические и корпоративные практики включают ежегодный слет «Дисциплина – наш щит» с Присягой на верность и награждением перед ветеранами, семейные идеологические дни с экскурсиями в подразделения и вручением благодарностей семьям, а также введение корпоративного гимна органов внутренних дел и ритуала поднятия флага Министерства внутренних дел в каждом районном отделе внутренних дел. Патриотизм, являясь одним из наиболее глубоких человеческих чувств, закреплённых веками, лежит в основе мировоззренческой составляющей идеологической работы в органах внутренних дел [2, с. 323–324]. Медийная и цифровая идеология реализуется через канал с ежедневными постами о примерах службы и разбором нарушений, виртуальный музей дисциплины на портале Министерства внутренних дел с интерактивными кейсами и рейтингом подразделений, а также ИИ-ассистент «Честь» для напоминаний о Присяге, поздравлений и анализа настроений по текстовым отчетам.

Оценка эффективности идеологической работы интегрируется в систему ключевых показателей эффективности руководителей с фиксацией охвата обучением, динамики нарушений и уровня патриотической идентичности по анонимному анкетированию, при этом формализм в идеологической работе влечет дисциплинарную ответственность. Реализация этих мер обеспечит снижение дисциплинарных нарушений, рост внутренней мотивации и формирование сотрудников с устойчивой государственной идеологией, превращая дисциплину в осознанную ценность служения Отечеству.

Список использованных источников

1. Дегонский, С.Ю. Особенности дисциплинарной ответственности сотрудников органов внутренних дел Республики Беларусь / С.Ю. Дегонский, С.А. Старовойт // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. – 2018. – № 1. – С. 13–17.

2. Ермолинский, И.В. Патриотизм как мировоззренческая составляющая идеологической работы в органах внутренних дел / И.В. Ермолинский // Проблемы борьбы с преступностью и подготовки кадров для правоохранительных

органов : Междунар. науч.-практ. конф. (Минск, 26 февр. 2021 г.) : тез. докл. / Акад. М-ва внутр. дел Респ. Беларусь ; редкол.: П.В. Гридюшко (отв. ред.), И.А. Анищенко, О.И. Бахур [и др.]. – Мн., 2021. – С. 323–324.

УДК 329.05

Д.Е. Потапеня, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *Ф.А. Некрашевич*,
кандидат исторических наук, доцент

РОССИЙСКАЯ ПАРТИЯ «КАЗАЧЬЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПАРТИИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СФЕРЕ

Анализируется деятельность российской партии «Казачья партия Российской Федерации». Делается вывод о том, как данная политическая партия влияет на общество и государство. Особое внимание уделяется реализации деятельности партии в сфере образования молодежи.

Ключевые слова: политическая партия, «Казачья партия Российской Федерации», образовательная деятельность, партийная система.

В России официально действуют 20 политических партий. Среди них выделяются парламентские партии, такие как «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия – За правду», которые играют ключевую роль в борьбе за власть и определяют федеральную политическую повестку. Остальные, непарламентские партии, часто ориентированы на защиту интересов конкретных социальных или национальных групп и меньшинств. Данная статья посвящена деятельности одной из таких организаций – «Казачьей партии Российской Федерации» – в образовательной сфере [4].

«Казачья партия Российской Федерации» (КаПРФ) – официально зарегистрированная политическая партия, созданная в 2013 г. для представления интересов российского казачества и продвижения патриотических ценностей. Основными целями КаПРФ является формирование общественного мнения и политическое воспитание граждан. Партия выражает мнение избирателей по любым вопросам общественной жизни. Задачами партии являются проведение агитационных работ, информирование граждан о целях и задачах партии и т. д.

В ноябре 2012 г. в Подмоскovie прошел учредительный съезд, который официально утвердил становление КаПРФ. На нем собрались 97 представителей казачьих обществ и объединений из 46 регионов страны. Делегаты приняли ключевые документы – Программу, основан-

ную на казачьих ценностях (патриотизм, защита государственных интересов), и Устав, устанавливающий правила и регулирующий работу партии [5]. Были избраны руководящие органы: председателем стал Сергей Бондарев, а руководителем Центрального исполкома Александр Смирнов. Создание партии стало воплощением давней идеи, обсуждавшейся с 2006 г., и ознаменовало переход казачьего движения к политической деятельности для защиты своих интересов [1, с. 1–2].

Отметим, что деятельность политической партии оказывает влияние на образовательную деятельность. Существует ряд проблем, которые интересуют российское казачество. Одной из них является воспитание молодежи.

КаПРФ достигает своих целей путем духовно-нравственного воспитания молодежи: содействия организации работы по военно-патриотическому, духовно-нравственному и физическому воспитанию казачьей молодежи, развития сети образовательных учреждений всех типов и видов, реализующих образовательные программы с учетом культурно-исторических традиций российского казачества, в том числе казачьих кадетских корпусов, создания казачьих молодежных центров и казачьих детских летних лагерей в местах компактного проживания казаков [2].

Для укрепления духовно-нравственных основ, а также развития культурно-исторических традиций российского казачества, гармонизации межэтнических отношений, межрелигиозного и межконфессионального диалога деятельность КаПРФ строится с использованием потенциала институтов гражданского общества, Русской Православной Церкви и других религиозных организаций традиционных конфессий [2].

Для воспитания молодежи создаются детские кадетские учреждения образования. Одним из таких является Аксайский Данилы Ефремова казачий кадетский корпус. 21 января 2005 г. состоялось открытие корпуса, основанного по инициативе войскового атамана Всевеликого войска Донского казачьего генерала В.П. Водолацкого и главы Аксайского района В.И. Борзенко. Учреждение названо в честь первого казачьего генерала, донского атамана Данилы Ефремова, что символизирует его глубокую связь с историей и обычаями донского казачества. Девиз корпуса «Жизнь – Родине, душу – Богу, честь – никому!» отражает главные принципы воспитания: служение Отечеству, духовность и непоколебимая честь. Аксайский Данилы Ефремова казачий кадетский корпус является центральным звеном в военно-патриотическом воспитании молодежи. Он служит образцом формирования личности, готовой к служению Родине, путем интеграции общего образования, военной подготовки, духовно-нравственного развития и культурного самоопределения [3].

Таким образом, деятельность партии в образовательной сфере согласно программе концентрируется на комплексном духовно-нравственном и патриотическом воспитании молодежи, что является основным инструментом для достижения ее целей. Акцент на создании и развитии сети образовательных учреждений (казачьих кадетских корпусов, молодежных центров, летних лагерей) свидетельствует о стремлении к институционализации казачьей культуры и ее интеграции в государственную систему образования и молодежной политики. Это отражает стратегию не только сохранения, но и воспроизводства казачьих традиций среди подрастающего поколения, обеспечивая преемственность и расширение социальной базы движения. Такой подход подчеркивает ее ориентацию на консервативно-патриотическую идеологическую платформу, где традиционные ценности, религия и государственный патриотизм рассматриваются как неразрывное целое, а также указывает на стремление действовать в рамках сложившейся в России модели взаимодействия государства, религиозных организаций и общественных структур.

Список использованных источников

1. Полянчук, Т.В. Казачья партия в действии / Т.В. Полянчук // Национальный институт бизнеса. – 2018. – № 1. – С. 1–9.
2. Программа партии «КаПРФ» 2012. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/programma.doc> (дата обращения: 28.01.2026).
3. Сайт Аксайский Данилы Ефремова казачий кадетский корпус. – URL: <https://adekkk.mil.ru/> (дата обращения: 28.01.2026).
4. Сайт Минюст. – URL: <https://minjust.gov.ru/> (дата обращения: 28.01.2026).
5. Устав партии «КаПРФ» 2012 г. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/ustavkazacheypartii-dlyaminjustrossii1801131.doc> (дата обращения: 28.01.2026).

УДК 159.9.07

Е.И. Роговский, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – *М.Ю. Узгорок*,
кандидат философских наук, доцент

ГЕНЕЗИС И АРХИТЕКТОНИКА МОДЕЛИ ПСИХИКИ В УЧЕНИИ ЗИГМУНДА ФРЕЙДА

Раскрывается сущность психоаналитической теории Зигмунда Фрейда как фундаментального подхода к пониманию человеческой психики. Проводится анализ генезиса учения: от клинической практики и метода свободных ассо-

циаций до построения метапсихологии и структурной модели личности (Оно, Я, Сверх-Я). Анализируются философские истоки психоанализа, его роль в переосмыслении природы человека и значение для современного научного знания. Устанавливается, что понимание структуры внутреннего конфликта и динамики бессознательного способствует более глубокому осмыслению мотивов человеческого поведения, что является актуальным для профессиональной деятельности специалистов в системе правопорядка.

Ключевые слова: психоанализ, модель психики, бессознательное, Зигмунд Фрейд, структура личности, Оно, Я, Сверх-Я, метапсихология, психический детерминизм.

Проблема структуры и динамики человеческой психики, вопросы о природе сознания, его границах и глубинных основаниях на протяжении веков оставались в фокусе внимания философской мысли. На рубеже XIX–XX вв. традиционный философский дискурс столкнулся с радикально новым подходом, предложенным австрийским неврологом и основателем психоанализа Зигмундом Фрейдом. Его учение, зародившись в клинической практике лечения неврозов, быстро переросло рамки частной медицинской дисциплины, предложив целостное видение человека как существа, «раздираемого внутренними конфликтами», движимого бессознательными силами и находящегося в напряжении между природными влечениями и требованиями культуры.

Уникальность фрейдовского подхода заключается в том, что он впервые предложил не просто описательную, но и объяснительную модель психического аппарата. Фрейд постулировал принцип психического детерминизма, согласно которому в психике нет ничего случайного: любой психический акт – от случайной оговорки до сложного сновидения – строго детерминирован скрытой причинно-следственной связью [2, с. 211]. Это утверждение превращало психоаналитика из врача в герменевта, в толкователя тайных знаков бессознательного, а сам психоанализ становился не только методом лечения, но и универсальным инструментом исследования внутреннего мира человека.

Актуальность данной темы обусловлена тем, что фрейдовский психоанализ остается одним из наиболее влиятельных интеллектуальных проектов современности, фундаментально повлиявшим на гуманитарные и социальные науки. Обращение к фрейдовской метапсихологии открывает перспективу для продуктивного диалога между философией, психологией и нейронауками в решении вековой проблемы соотношения телесного и духовного. Кроме того, понимание структуры личности и механизмов внутреннего конфликта является значимым для специалистов, работающих в системе «человек – человек», в том числе для со-

трудников органов внутренних дел, которым важно понимать природу мотивации и девиантного поведения.

Генезис модели психики, по Фрейд, представляет собой процесс теоретической эволюции, который прошел в своем развитии несколько этапов. Первоначально Фрейд, работая с Шарко и Брейером, использовал гипноз и метод катарсиса. Однако гипноз был тупиковым методом, так как оставлял пациента пассивным объектом. Революционность метода свободных ассоциаций заключалась в том, что он делал самого пациента соисследователем его психики, позволяя обойти цензуру сознания и проникнуть в сферу бессознательного.

Следующим этапом стало создание топографической модели, разделяющей психику на три системы: Сознательное, Предсознательное и Бессознательное. Однако эта модель не могла в полной мере объяснить природу внутреннего конфликта, что привело Фрейда к созданию окончательной структурной теории. Согласно этой модели психика представляет собой поле битвы между тремя инстанциями:

1. Оно (Id) – «кипящий котел влечений», подчиненный принципу удовольствия и не знающий отрицания.

2. Я (Ego) – хрупкий посредник, призванный примирить требования слепых инстинктов, суровой морали и объективной реальности.

3. Сверх-Я (Super-Ego) – карающий интроект культуры, источник морального сознания и чувства вины [1, с. 178].

Осознавая радикальность своего открытия, Фрейд сам поместил его в ряд величайших «унижений» нарциссизма человечества наряду с открытиями Коперника и Дарвина. Психоаналитическое «унижение» было самым болезненным, так как доказало, что «наше Я не является хозяином в собственном доме. Сознательный разум был низложен с трона, оказавшись служкой могущественных сил бессознательного» [3, с. 111]. Это открытие знаменовало не просто рождение новой науки, но начало новой эпохи в самопонимании человека.

Мы проанализировали актуальность фрейдовской теории для понимания мотивации личности в современном контексте. Полученные в ходе анализа источников результаты позволяют сделать вывод, что понимание архитектоники психики способствует развитию у человека навыков рефлексии, самоанализа и понимания мотивов поведения окружающих. Понимание природы внутреннего конфликта и защитных механизмов психики необходимо для формирования психологической устойчивости и эффективной коммуникации. Психоаналитическая модель продолжает служить мощным эвристическим инструментом для анализа индивидуального и коллективного поведения, культурных феноменов и патологий социальной жизни.

В итоге подчеркнем, что именно учение Фрейда создало прочный фундамент для понимания человеческой активности, показало сложную природу субъективности и доказало, что человек – это не просто «мыслящая субстанция», а «раздираемое противоречиями существо, чьи сознательные мысли и поступки являются лишь видимой частью айсберга, основание которого покоится в темных водах бессознательного» [4, с. 350]. Формирование целостного мировоззрения человека невозможно без освоения этих фундаментальных идей, объясняющих глубинные механизмы человеческого поведения.

Список использованных источников

1. Фрейд, З. Введение в психоанализ : лекции / З. Фрейд. – М. : АСТ, 2008. – 608 с.
2. Фрейд, З. По ту сторону принципа удовольствия. Я и Оно. Неудовлетворенность культурой / З. Фрейд. – СПб. : Азбука-классика, 2008. – 320 с.
3. Лейбин, В.М. Психоанализ : учеб. для вузов / В.М. Лейбин. – 2-е изд. – СПб. : Питер, 2008. – 592 с.
4. Фрейд, З. Толкование сновидений / З. Фрейд. – М. : Акад. проект, 2020. – 768 с.

УДК 37.08

А.И. Сидор, слушатель факультета повышения квалификации
и переподготовки руководящих кадров

Научный руководитель – *О.Н. Сувалов*,
кандидат исторических наук, доцент

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПСИХОЛОГИИ, ПЕДАГОГИКИ И ИДЕОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ ДЛЯ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Анализируются современные требования к профессиональной и личностной подготовке сотрудников, учитывая специфику белорусского общества и законодательства, а также идеологическая подготовка, направленная на укрепление патриотизма, правовой культуры и приверженности государственным ценностям. Делается вывод о необходимости комплексного и системного подхода к подготовке кадров для повышения эффективности работы правоохранительных органов в условиях современного социально-политического контекста страны.

Ключевые слова: идеология, патриотизм, психология, педагогика, подготовка кадров.

В контексте стремительных изменений в социальной, политической и экономической сферах, а также с учетом возрастания требований к результативности и ответственности сотрудников правоохранительных органов становится особенно важным совершенствование методик и подходов к подготовке кадров. В этих условиях огромное значение имеет уровень профессионального воспитания сотрудников правоохранительных органов, требования к которому не только не снижаются с течением времени, но еще более возрастают, поскольку от правильного понимания сложившейся оперативной обстановки на вверенном сотруднику участке работы, соблюдения им законности при принятии решения в значительной степени зависят эффективность и качество выполнения поставленных задач [1, с. 54–63]. В этой связи ключевое значение приобретают вопросы, касающиеся психолого-педагогической и идеологической подготовки. Целью данной статьи является определение приоритетных направлений развития системы профессиональной подготовки правоохранительных органов Республики Беларусь с учетом современных вызовов и требований, с акцентированием внимания вопросам психологической и педагогической подготовки, а также укрепления патриотических ценностей.

Психология играет ключевую роль в формировании у сотрудников правоохранительных органов таких качеств, как психологическая устойчивость, эмоциональная стабильность, мотивация и профессионализм. Развитие способности справляться со стрессом, принятие правильных решений в экстремальных ситуациях, а также воспитание морально-этических ценностей являются важными элементами психологической работы, которую мы можем определить как комплекс организационных и психологических мероприятий, направленных на изучение и укрепление у сотрудников необходимых психологических качеств и состояний для успешного выполнения служебных обязанностей, поддержания психологической устойчивости и сохранения эмоционального здоровья. Современная психологическая работа включает в себя диагностику, профессионально-психологический отбор, психологическое просвещение, психологическую профилактику и помощь.

Тем не менее в современных условиях существует необходимость внедрения комплексных программ, направленных на повышение психологической культуры и профилактику профессионального стресса на всех этапах подготовки и службы. Важным является также развитие программ, способствующих совершенствованию межличностных и коммуникативных навыков для эффективного взаимодействия как с гражданами, так и с коллегами.

Педагогика в системе подготовки кадров должна учитывать специфику правоохранительной деятельности. Важны такие подходы, как интеграция теоретического материала с практическими упражнениями, использование современных информационных технологий, моделирование ситуаций, приближенных к реальностям службы.

Важными аспектами современной педагогики являются:

дифференцированный подход: учитывает черты личности, уровень образовательной подготовки и профессиональные интересы каждого сотрудника, что способствует более эффективной адаптации учебных программ под их нужды;

практическая направленность: в подготовке большое значение имеют практические занятия и стажировки в реальных условиях работы правоохранительных органов. Это способствует закреплению полученных знаний и формированию профессиональной уверенности;

интеграция междисциплинарных знаний: педагогика должна комбинировать знания из разных областей – юриспруденции, психологии, этики, кибербезопасности, чтобы сформировать всесторонне подготовленного специалиста;

инновационные методы обучения: применение интерактивных технологий и тренингов позволяет моделировать различные ситуации, а также развивать аналитическое мышление и навыки быстрого и эффективного принятия решений.

Современное педагогическое образование также акцентирует внимание на развитии у будущих кадров навыков коммуникации, стрессоустойчивости, работы в коллективе, этического поведения и межличностных взаимодействий, что крайне важно для эффективной правоохранительной деятельности.

Идеология занимает особое место в системе подготовки кадров правоохранительных органов, формируя у сотрудников их мировоззрение, ценностные ориентиры и мотивацию служения Родине. В современных геополитических условиях особенно важно укреплять программы, направленные на развитие патриотизма, национальной идентичности и гражданской ответственности среди правоохранителей. Это включает в себя не только распространение традиционных ценностей, но и воспитание уважения к национальной культуре, истории гражданской ответственности. Таким образом, идеологическую работу можно рассматривать как целенаправленную деятельность по реализации политики белорусского государства в области идеологии в различных государственных органах, а также среди населения Республики Беларусь и международной общественности в интересах эффективного

выполнения задач по обеспечению национальной безопасности, защиты прав, свобод и законных интересов граждан.

Значение патриотизма в системе идеологии не стоит умалять, особенно в условиях современности. Как отметил Президент Республики Беларусь А.Г. Лукашенко на VI Всебелорусском народном собрании: «Патриотизму нельзя научить. Можно только показать пример своей искренней любовью к родной земле, гордостью достижениями своего народа, бережным отношением к историческому наследию, уважением традиций и ценностей многих поколений белорусов, конкретными делами во благо страны» [2, с. 43–51]. Патриотизм без сомнения служит фундаментом для формирования преданности и верности своему Отечеству. Это не просто чувство гордости за свою Родину, но и глубокое убеждение в ее ценностях, традициях и культуре.

На всех этапах развития общества государство сталкивалось с проблемой защиты своих интересов. В такие моменты именно преданность и любовь к родной земле становились важнейшими факторами защиты национальных интересов. И всегда проблемы успешно разрешались теми, кто был предан и готов бороться и преодолевать любые трудности во благо государства и во имя долга. Такие значимые духовно-нравственные качества должны воспитываться с детских лет: начиная с семьи, где закладываются первые представления о Родине, традициях и ответственности, продолжая в школе и вузе, где формируются знания об историческом пути страны, ее культурных ценностях и национальных героях. Образовательные учреждения играют ключевую роль в воспитании молодого поколения, способного понять и ценить свою историю, уважать традиции и быть готовым к защите Родины. Государство вплотную занялось решением как кадровых проблем, так и подготовкой и воспитанием патриотичного поколения, которое встанет на страже покоя и внутренней безопасности нашей страны. Немаловажное значение имеет соблюдение традиций, обычаев и ритуалов проведения значимых мероприятий, как неотъемлемой части патриотического воспитания сотрудников правоохранительных органов. Например, такие традиции, как торжественное поднятие Государственного флага Республики Беларусь под Государственный гимн Республики Беларусь, возложение цветов к Памятным знакам, установленным в честь сотрудников органов внутренних дел и военнослужащих внутренних войск Министерства внутренних дел Республики Беларусь, погибшим при исполнении служебного долга, и другим значимым и памятным местам Республики Беларусь [3, с. 49–52].

В системе подготовки кадров для правоохранительных органов важны своевременные и верные нормотворческие решения руководящих

органов с последующим их внедрением в образовательные программы, направленные на воспитание уважения к национальной истории, традициям и культурным ценностям, а также организовывать мероприятия, способствующие сплочению коллектива. Такой подход помогает развивать чувство гордости и побуждает сотрудников защищать как личные, так и государственные интересы. Одним из примеров является приказ Министерства внутренних дел Республики Беларусь от 30 ноября 2018 г. № 333 «Об организации идеологической работы в органах внутренних дел Республики Беларусь», который и сегодня остается актуальным и играет немаловажную роль в подготовке и сопровождении сотрудников органов внутренних дел.

В условиях современного информационного насыщения важно укреплять чувство национальной идентичности через активное участие в культурных и образовательных мероприятиях, что способствует формированию у сотрудников правоохранительных органов высокого уровня патриотизма и ответственности.

Актуальность вопросов психологии, педагогики и идеологии в системе подготовки кадров для правоохранительных органов Республики Беларусь обусловлена возрастающей сложностью современных вызовов и угроз, а также необходимостью формирования профессионалов, обладающих высокой моральной стойкостью, профессиональными навыками. В ходе исследования было установлено, что интеграция современных психологических и педагогических методов позволяет повысить эффективность подготовки кадров, а развитие патриотической и гражданской ответственности играет ключевую роль в укреплении морально-психологического климата внутри коллектива.

В итоге следует подчеркнуть, что развитие системы профессиональной подготовки правоохранительных органов в Республике Беларусь во многом будет зависеть от уровня и эффективности работы специалистов в области психологии, педагогики и идеологии. Особое внимание должно уделяться формированию таких важных качеств, как патриотизм, национальная идентичность и ответственность, поскольку именно они способствуют воспитанию морально устойчивых и этически ориентированных сотрудников. Инвестиции в совершенствование данных аспектов не только создадут более устойчивую и морально стойкую кадровую основу, но и обеспечат подготовку специалистов, способных эффективно реагировать на современные вызовы и угрозы. Таким образом, укрепление кадрового потенциала через развитие данных компонентов является фундаментальным элементом в обеспечении безопасности граждан, стабильности государства и его процветания. Вложение

ресурсов в эти направления должно стать приоритетом государственной политики, поскольку именно они обеспечат долгосрочное развитие правоохранительной системы в различных условиях.

Список использованных источников

1. Алексеева, Л.А. Воспитательная работа среди сотрудников ГИБДД как условие эффективности их деятельности / Л.А. Алексеева // Наука и практика. – 2016. – № 1. – С. 54–63.

2. Карпенко, И.В. Патриотическое воспитание подрастающего поколения / И.В. Карпенко // Историческая память и патриотизм – важнейшие нравственные ориентиры и факторы консолидации белорусского общества и государства в условиях современных вызовов и угроз : сб. материалов по итогам Междунар. науч.-практ. конф., 23 марта 2021 г., Минск / Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь ; под общ. ред. Л.С. Ананич. – Мн. : Акад. упр. при Президенте Респ. Беларусь, 2021. – С. 43–51.

3. Белогурова, Я.Г. Конкурсы профессионального мастерства как средство развития общих и профессиональных компетенций обучающихся / Я.Г. Белогурова // Молодой ученый. – 2016. – № 15-1. – С. 49–52.

УДК 343.1

А.Н. Стрижевич, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *А.А. Маткина*, старший преподаватель

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСКУССТВЕННЫМ ИНТЕЛЛЕКТОМ: ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ И ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ НА ПРИМЕРЕ СТАТУТА ВЕЛИКОГО КНЯЖЕСТВА ЛИТОВСКОГО 1588 г.

Исследуется эволюция института гражданско-правовой ответственности в условиях внедрения автономных киберфизических систем. На основе историко-правового анализа Статута Великого Княжества Литовского 1588 г. выявляются универсальные закономерности интеграции новых форм социальной автономии в правовое поле. Рассматривается возможность применения данных закономерностей к конструированию модели ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом. Анализируются нормы Гражданского кодекса Республики Беларусь, обосновывается необходимость перехода от субъективной ответственности, основанной на вине, к объективной ответственности за риск, сопряженный с эксплуатацией автономных систем.

Ключевые слова: искусственный интеллект, ответственность, Статут Великого Княжества Литовского 1588 г., антропоцентризм, деликтное право, правовое регулирование, цифровизация, историко-правовой анализ, гражданское законодательство.

Актуальность темы исследования обусловлена необходимостью философско-правового осмысления трансформаций института ответственности в условиях цифровизации общественных отношений. Внедрение автономных киберфизических систем и самообучающихся алгоритмов в различные сферы социальной практики создает ситуацию, при которой классические модели юридической ответственности, ориентированные на субъекта, обладающего сознанием и свободной волей, оказываются недостаточно эффективными. Возникает потребность в пересмотре устоявшихся представлений о вине, субъекте правонарушения и основаниях возложения ответственности.

Философско-антропологический аспект данной проблемы заключается в том, что традиционная правовая парадигма исходит из презумпции человека как единственно возможного носителя морального и юридического агентства. Как отмечают белорусские исследователи, развитие искусственного интеллекта ставит перед правовой системой принципиально новые вопросы, требующие междисциплинарного осмысления [1, с. 15].

Кандидат юридических наук, доцент Н.С. Минько, ведущий научный сотрудник Института правовых исследований Национального центра законодательства и правовой информации Республики Беларусь, исследуя государственное регулирование в сфере искусственного интеллекта, указывает на необходимость выработки теоретико-методологических подходов к формированию стратегии развития технологий с учетом принципов этики искусственного интеллекта [1, с. 15].

Необходимость формирования теоретико-методологических оснований регулирования отношений в сфере искусственного интеллекта актуализирует обращение к историческому опыту правовых систем, ранее сталкивавшихся с интеграцией новых форм социальной автономии. В этой связи обращение к историческому опыту правового регулирования Великого Княжества Литовского (ВКЛ) обусловлено необходимостью выявления универсальных закономерностей адаптации права к принципиально новым формам социальной автономии. Статут ВКЛ 1588 г., будучи одним из наиболее совершенных законодательных актов своего времени, представляет собой уникальный источник, позволяющий проследить механизмы интеграции самоуправляемых образований в общее правовое поле без утраты государственного суверенитета. Исторический опыт, зафиксированный в нормах Статута ВКЛ 1588 г., позволяет эксплицировать универсальные закономерности адаптации права для осмысления современных вызовов, связанных с внедрением автономных технологий.

Появление принципиально новых форм социальной автономии исторически детерминирует необходимость формирования государством специфических правовых режимов, обеспечивающих интеграцию этих форм в общее правовое поле без деструкции его суверенных оснований. Как отмечает кандидат юридических наук, доцент Н.В. Мисаревич, автор ряда исследований, посвященных анализу статутов ВКЛ и их влиянию на развитие правовой системы Беларуси, правовая система ВКЛ в XVI в. продемонстрировала способность к преодолению аналогичного вызова посредством интеграции в правовое поле самоуправляемых городских сообществ, функционировавших на основе магдебургского права [2, с. 109].

Нормы разд. III Статута ВКЛ 1588 г. закрепили дифференцированный подход к регулированию статуса автономных образований. С одной стороны, городам, функционировавшим на основе магдебургского права, предоставлялась функциональная автономия, реализуемая через деятельность выборных магистратов. С другой стороны, эта автономия уравнивалась строгой соотнесенностью ответственности к правовому статусу конкретных должностных лиц, что обеспечивало сохранение суверенитета великокняжеской власти.

Уже в этой исторической модели прослеживается ключевой принцип, значимый для современного правового регулирования искусственного интеллекта. Автономия в принятии решений не означает освобождения от ответственности. Напротив, чем выше степень автономии, тем более четко должны быть определены субъекты, на которых возлагается ответственность за последствия функционирования автономной системы. В Статуте ВКЛ 1588 г. эту функцию выполняли конкретные должностные лица, такие как войты, бурмистры, радцы, а в современном контексте аналогичную роль должны выполнять владельцы, разработчики или операторы нейросетевых систем.

Рассмотрим нормативное закрепление данного принципа подробнее. Фундаментальное положение о сохранении верховной власти монарха над всеми подданными, включая жителей самоуправляемых городов, зафиксировано в артикуле 2 разд. III. Данная норма устанавливает, что великий князь обязуется сохранять всех подданных – от князей и панов до мещан и «всех людей посполитых» – при их свободах и вольностях. При этом содержится важная оговорка: они являются вольными людьми, которые с давних времен выбирали великих князей литовских [3, с. 115].

Данная норма четко фиксирует, что автономия городов не отменяет их подданства великому князю, который остается верховным сюзером

ном. В контексте нашего исследования это означает, что предоставление автономии не должно вести к утрате контроля со стороны государства. Аналогичным образом наделение искусственного интеллекта способностью к автономному принятию решений не должно означать выведение соответствующих отношений за пределы правового поля. Государство обязано сохранять механизмы контроля и привязки ответственности к субъектам, находящимся в сфере его юрисдикции.

Принцип персональной ответственности конкретных должностных лиц, а не городской общины в целом, раскрывается в артикуле 7. Нормы, регулирующие деятельность войтов, бурмистров и радцев, устанавливают их персональную ответственность перед великокняжеской властью за соблюдение городских привилегий и недопущение злоупотреблений. В случае нарушений именно эти лица, а не город как общность, подлежали ответственности, включая возможность лишения должности и соответствующих санкций [3, с. 118].

Это положение имеет прямое отношение к теме нашего исследования. В современной дискуссии об ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, иногда звучат предложения наделить алгоритмы правосубъектностью или возложить ответственность на неопределенный круг лиц. Исторический опыт демонстрирует иной, более эффективный путь. Ответственность должна быть персонифицирована и возложена на тех субъектов, которые имеют реальную возможность контролировать функционирование автономной системы и получают выгоду от ее использования. В XVI в. такими субъектами были должностные лица магистрата, сегодня – владельцы и разработчики алгоритмов.

Ключевое значение для понимания механизма «встроенной самостоятельности» имеет артикул 3, где прямо указывается, что все привилегии и вольности предоставляются «до воли и ласки господарской» [3, с. 114].

Указанная формула означает, что автономия не является абсолютной и неотчуждаемой. Она существует в пределах, очерченных верховной властью, которая сохраняет за собой право контроля и, в случае необходимости, коррекции предоставленных прав. Применительно к искусственному интеллекту это означает, что допуск автономных систем в гражданский оборот должен сопровождаться не только предоставлением определенной свободы функционирования, но и сохранением механизмов государственного контроля, включая возможность принудительной остановки неконтролируемых систем и обязательное страхование ответственности.

Таким образом, анализ конкретных норм Статута ВКЛ 1588 г. позволяет эксплицировать правовой механизм, посредством которого го-

сударственная власть интегрировала автономные образования в общее правовое поле без утраты суверенитета. Функциональная автономия предоставлялась, но при этом ответственность за функционирование автономных институтов возлагалась на конкретных лиц, находящихся в орбите государственного контроля, а сама автономия мыслилась как производная от верховной власти, а не как неотъемлемое право.

Применение классических деликтных конструкций к отношениям с участием искусственного интеллекта сопряжено с трудностями. Ст. 933 Гражданского кодекса Республики Беларусь (далее – ГК) исходит из презумпции вины как психического отношения лица к деянию, которым алгоритмическая система не обладает [4]. Возникает коллизия между наступившими последствиями и невозможностью их квалификации в рамках традиционных оснований ответственности. Преодоление коллизии – в перенесении ответственности на лиц, контролирующую систему и извлекающих из нее выгоду.

механизмом выступает ст. 937 ГК, возлагающая на юридическое лицо ответственность за вред, причиненный его работником [4]. Применение данной нормы по аналогии позволяет рассматривать искусственный интеллект как «цифрового агента», действующего в интересах владельца. Ответственность персонифицируется и возлагается на конкретное лицо, имеющее реальную возможность влиять на функционирование системы.

Дополнительным основанием выступает п. 1 ст. 948 ГК, устанавливающий ответственность за вред от деятельности, создающей повышенную опасность, независимо от вины владельца [4]. Квалификация искусственного интеллекта как источника повышенной опасности обоснованна, поскольку автономные системы относятся к технологиям, когнитивные возможности которых превышают способность человека к контролю. Данный подход согласуется с принципом распределения рисков, заложенным в Статуте ВКЛ 1588 г.: лицо, извлекающее выгоду, должно нести и связанные с этим риски.

Важное значение имеет ст. 934 ГК, предоставляющая суду право запрещать деятельность, создающую опасность причинения вреда в будущем [4]. Эта норма коррелирует с положением Статута ВКЛ 1588 г. о том, что привилегии не являются абсолютными. В современном контексте это означает сохранение за государством права на принудительную остановку неконтролируемых систем.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что проблема ответственности за вред, причиненный искусственным интеллектом, не является принципиально новой. Исторический анализ Статута

ВКЛ 1588 г. показывает, что право уже сталкивалось с необходимостью интеграции автономных образований. ГК содержит инструменты для реализации аналогичного подхода. Ст. 937 ГК позволяет персонифицировать ответственность на владельце или разработчике, ст. 948 ГК – квалифицировать алгоритмы как источники повышенной опасности, ст. 934 ГК – сохранять государственный контроль. Решение проблемы не требует создания принципиально новых конструкций или наделения искусственного интеллекта правосубъектностью. Достаточно последовательно применить существующие нормы, скорректировав их интерпретацию с учетом исторически апробированных механизмов.

Список использованных источников

1. Минько, Н.С. Зарубежный опыт и перспективы правового обеспечения формирования и развития искусственного интеллекта в Республике Беларусь : монография / Н.С. Минько. – Мн. : Нац. центр законодательства и правовых исслед. Респ. Беларусь, 2022. – 180 с.

2. Мисаревич, Н.В. Статуты Великого княжества Литовского 1529, 1566, 1588 годов о правовом положении жителей городов с магдебургским правом / Н.В. Мисаревич // Вестник Полоцкого государственного университета. – 2011. – № 6. – С. 109–112.

3. Статут Вялікага Княства Літоўскага 1588 года : тэксты, давед., камент. / рэд. кал.: А.А. Шагункоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мн. : Бел. навука, 2019. – 462 с.

4. Гражданский кодекс Республики Беларусь : 7 дек. 1998 г. № 218-3 : принят Палатой представителей 28 окт. 1998 г. : одобр. Советом Респ. 19 нояб. 1998 г. // ЭТАЛОН : информ.-поисковая система (дата обращения: 16.03.2026).

УДК 329.05

Г.И. Тарашкевич, курсант факультета криминальной милиции

Научный руководитель – *Ф.А. Некрашевич*,
кандидат исторических наук, доцент

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ «КАЗАЧЬЯ ПАРТИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»: ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В КУЛЬТУРНОЙ СФЕРЕ

Рассматривается процесс становления и программные установки политической партии «Казачья партия Российской Федерации». Особое внимание уделяется анализу деятельности партии в культурной сфере, а также ее роли в сохранении и развитии традиционных ценностей казачества. На основе сравнительного анализа программных документов выявляются особенности культурной политики данной политической партии в контексте современной многопартийности Российской Федерации.

Ключевые слова: многопартийная система, политическая партия, Казачья партия Российской Федерации, культурная политика, традиционные ценности, казачество.

Современная политическая система Российской Федерации базируется на принципах политического плюрализма и многопартийности, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Многопартийность является неотъемлемым элементом демократического общества, обеспечивая представительство различных социальных групп и интересов в органах власти. Партии выступают ключевыми субъектами политического процесса, участвуя в выборах, формировании общественного мнения и разработке государственной политики, в том числе в области культуры. В этом контексте исследование программ и практической деятельности отдельных политических партий, особенно тех, что ориентированы на специфические социальные и культурные группы, представляет значительный научный интерес.

Одной из таких структур является Казачья партия Российской Федерации (КаПРФ), позиционирующая себя как выразитель интересов российского казачества. Изучение ее культурной политики позволяет понять механизмы интеграции традиционных ценностей в современный политический дискурс, а также оценить вклад партии в сохранение культурного наследия.

О создании политической партии было объявлено главой по делам казачества Александром Дмитриевичем Бегловым в октябре 2012 г. 24 октября того же года состоялся учредительный съезд КаПРФ, на котором Председателем партии был избран вице-губернатор Ростовской области Сергей Борисович Бондарев. В ходе съезда была принята программа партии, опирающаяся на традиционные ценности казачества – патриотизм, защиту интересов государства и нравственных устоев общества [1, с. 165].

25 мая 2013 г. состоялся II съезд политической партии. Одним из ключевых решений, принятых на съезде, стала разработка новой программы КаПРФ, нацеленной на более последовательное отстаивание интересов казачества и обретение всенародной известности. В числе вопросов, вынесенных на обсуждение, значился пункт «Экономика как важный стимул культурного и социально-экономического взаимодействия российского казачества». Выступающие акцентировали внимание на вопросах, отражающих историю и тенденции развития современного казачества [1, с. 167].

Культурная составляющая была признана одним из ключевых факторов консолидации казачества и его интеграции в гражданское об-

щество. Логическим продолжением этих обсуждений стало заседание Федерального политического совета КаПРФ, состоявшееся 13 февраля 2016 г. в Московском Доме национальностей. На заседании были подведены предварительные итоги работы над новой редакцией Программы и определены механизмы ее реализации [1, с. 169].

Для усиления влияния партии и системной работы по ключевым направлениям были созданы специализированные комиссии. Непосредственное отношение к культурной политике имеют комиссии «Идеологическая работа» и «Работа с молодежью и сторонниками Партии». Создание этих структур свидетельствует о стремлении партии не только декларировать приверженность традиционным ценностям, но и реализовывать конкретные проекты в области воспитания, просвещения и сохранения культурного наследия казачества [1, с. 170].

Как следует из информации, размещенной на официальном сайте партии, региональные отделения активно включались в организацию и проведение фестивалей военно-патриотической песни, форумов, посвященных истории казачества, и иных событий, направленных на сохранение культурной идентичности.

Так, 5 сентября 2025 г. представители Новосибирского регионального отделения партии приняли онлайн-участие в Международном молодежном форуме «Казачество – сквозь века». Мероприятие было приурочено к празднованию 80-летия Победы в Великой Отечественной войне и проводилось в рамках реализации Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества.

Целью форума, ориентированного на патриотическое воспитание и духовно-нравственное развитие молодежи, стало сохранение исторической памяти через приобщение к культуре и традициям казачества. В ходе основной части мероприятия были рассмотрены темы, непосредственно связанные с идеологическими основами КаПРФ: участие казачьих формирований Красной Армии в Великой Отечественной войне, взаимодействие с казачеством зарубежья, воспитание подрастающего поколения на основе казачьих традиций, а также противодействие фальсификации истории России. Участие в форуме позволило партийным представителям актуализировать повестку, связанную с сохранением культурного наследия и героического прошлого казачества.

Деятельность партии в рассматриваемом направлении не ограничивается участием в тематических форумах. Партия также выступила в качестве одного из соучредителей институциональной структуры, нацеленной на сохранение и развитие казачьей культуры. В июне 2015 г. в Казани начал функционировать Региональный координационный центр

возрождения казачества, ставший первой подобной организацией в России. Его основателями выступили КаПРФ, Казанское городское казачье общество в составе Волжского войскового казачьего общества, а также Союз казаков-воинов России и зарубежья. Как отмечал атаман Казанского городского казачьего общества подьесаул Е. Тренин, необходимость создания центра была обусловлена разрозненностью действующих казачьих организаций [3].

Центр был призван стать площадкой для реализации широкого спектра общественно полезных инициатив. Согласно программным заявлениям учредителей, основными направлениями деятельности центра стали подготовка к принятию новых казаков, организация работы с молодежью, изучение казачьей культуры, традиций и истории, а также улучшение взаимодействия с Русской Православной Церковью. Особое внимание уделялось практической помощи, так с момента открытия на базе координационного центра начал действовать кабинет бесплатной юридической помощи для казаков [3].

Создание данного центра представляет собой пример практической реализации КаПРФ своих программных установок в сфере сохранения культурного наследия и сплочения казачества, поскольку его деятельность напрямую связана с целями партии по возрождению традиционных ценностей и патриотическому воспитанию молодежи [3].

Таким образом, анализ программных установок и практической деятельности КаПРФ позволяет сделать вывод, что культурная сфера занимает важное место в ее политике. Опираясь на традиционные ценности казачества – патриотизм, духовность, общинность – политическая партия стремится участвовать в формировании нравственных ориентиров общества, уделяя особое внимание работе с молодежью и сохранению исторической памяти. Создание специализированных комиссий, проведение тематических круглых столов и участие в культурных мероприятиях на различных уровнях свидетельствуют о постепенном превращении культурной политики из декларативного положения в реальное направление партийной работы.

Список использованных источников

1. Полянчук, Т.В. Казачья партия в действии / Т.В. Полянчук // Вестник Национального института бизнеса. – 2018. – № 32. – С. 165–173.
2. Программа партии «КаПРФ» 2012 г. – URL: <https://minjust.gov.ru/uploaded/files/programma.doc> (дата обращения: 28.01.2026).
3. Тренин, Е. Татарстан – такое же казачье место, как Дон и Кубань / Е. Тренин // Православие в Татарстане. – URL: https://tatmitropolia.ru/all_publications/publication/?id=48449 (дата обращения: 16.03.2026).

Е.А. Тимофеева, студент факультета права

Научный руководитель – *Ф.А. Некрашевич*,
кандидат исторических наук, доцент

ЦЕНзуРА В СОВРЕМЕННОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ИНДУСТРИИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Посвящается вопросу цензуры в современной музыкальной индустрии Российской Федерации. Выявляются основные причины запрета публичного воспроизведения музыкальных композиций. Приводятся конкретные примеры подобного запрета. Делается вывод о том, что феномен запрета публичного воспроизведения музыкальных композиций является обоснованным явлением.

Ключевые слова: музыка, запрет, пропаганда, музыкальные стриминги, Российская Федерация.

Возможно, современная музыка для многих – это про свободу выражения, способ раскрыть свой внутренний мир или же путь, который ты преодолеваешь, чтобы понять себя. Но вряд ли мы задумываемся над тем, что любая музыка безопасна. В современном мире существует множество артистов, которые стали популярными среди людей разных возрастов благодаря своему творчеству. Сначала нам нравятся эти песни, мы слушаем их на протяжении дня, недели, месяца. Однако, когда начинаем вникать в их смысл, то начинаем удивляться: как такая глубокая, на первый взгляд, песня может нести в себе угрозу? В данной публикации мы выявили музыкальные произведения популярных артистов Российской Федерации (РФ), которые попали в черный список, и вы, возможно, даже не знали об этом. Критерием отбора являются категории песен про суицидальный контент, пропаганду наркотиков, нетрадиционных отношений и насилия.

Под черным списком в данной статье подразумевается категория музыкальных композиций, которые запрещены для публичного прослушивания на территории РФ на основании решений Роскомнадзора. Многие из этих песен можно найти на различных сайтах, но включать эти песни на мероприятия или празднике запрещено. В РФ нет единой комиссии, которая официально запрещала бы песни. Процесс ограничения доступа к музыкальным произведениям распределен между несколькими государственными структурами.

Отдельно следует выделить категорию песен, которые посвящены пропаганде суицидальных действий. Эта проблема, к сожалению, имеет место в современном обществе. Творчество группы «ЛСП» сейчас уже

почти нереально отнести к определенному жанру. Их первые работы – смесь дабстепа, хип-хопа и местами трагической, местами ироничной лирикой, отличавшейся качественно проработанной системой образов и метафор [1].

«И камнем вниз с крыши дома, Не звони, уже недоступны мои номера, Недоступны мои номера...».

Под эти строчки песни «Номера» группы «ЛСП» подростки массово начали совершать самоубийства. Все началось после смерти 17-летней девушки из Зеленограда. Она запустила трансляцию в приложении Instagram, а потом бросилась с крыши и разбилась насмерть. Информация о ее суициде быстро распространилась по сети, несколько дней эта ситуация обсуждалась на каждом углу, а уже через несколько дней под эту же песню решил покончить с жизнью молодой человек из Краснодара. Было еще несколько подростков, которые совершили самоубийство под строчки песни «Номера», но, к сожалению, официальной информации о них очень мало. На многих площадках трек был удален [2]. Помимо этой песни есть еще несколько похожих треков: FACE «Суицид», Нексюша «Suicidal», Вышел Покурить «Убей себя».

Следующая запрещенная категория песен в РФ – пропаганда наркотических средств. По данным статистики ФСКН (Федеральная служба РФ по контролю за оборотом наркотиков) за 2021 г., средний возраст наркомана в России составляет 16–18 лет [3]. Мы не хотим сказать, что причина потребления – это прослушивание музыки, но их пропаганда в этой сфере может навязать человеку, а особенно ребенку, вредный образ жизни. Трек рэперов Гуфа, Басты и АК-47 «Тем, кто с нами» был заблокирован Роскомнадзором за пропаганду запрещенных веществ. Песню, которая была доступна для прослушивания с 2010 г., удалили не только с российских, но и с зарубежных платформ [4]. Запреты коснулись и музыкальной рок-группы «Агата Кристи». В России были запрещены две песни из репертуара этой группы: «Опиум» и «Моряк». Причина: пропаганда наркотиков среди молодежи [5].

В заключение мы рассмотрим такую категорию музыкальных произведений, как пропаганда насилия. Примером является группа «Ленинград», основанная Сергеем Шнуровым в Санкт-Петербурге, известна своим ярким и провокационным стилем, который не раз становился объектом споров и проверок со стороны властей. В список запрещенных попали композиции «Кандидат», «ОСПА» и «РУССКИЕ». Эксперты указали, что в этих произведениях присутствуют признаки нарушения законодательства, включая побуждение к насилию и действиям, угрожающим духовному, нравственному, социальному, психическому и физическому здоровью детей [6].

Под запрет попала также песня «Последний звонок» знаменитого российского исполнителя рэпера Оксимирона (Мирон Федоров), которую, по нашему мнению, Московская прокуратура потребовала признать экстремистской. Основанием для обращения в суд стали материалы прокурорской проверки, при которой в песне Оксимирона обнаружались «признаки публичного оправдания насильственных действий и идеологии насилия» [7].

Таким образом, действия по ограничению распространения композиций направлены на профилактику деструктивного поведения среди молодежи РФ. Анализ примеров показал, что под ограничения могут попасть как современные хиты, так и произведения многолетней давности, если они признаются нарушающими установленные нормы о защите здоровья граждан или государственной безопасности. Запрет песен не стоит воспринимать как ограничение в свободе выбора. Можно сказать, что государство стремится избежать распространения экстремистской деятельности и негативного влияния на подрастающее поколение. В современном мире нам доступно множество других музыкальных произведений, нужно только внимательно проанализировать музыкальные площадки, и каждый сможет найти то, что необходимо его душе.

Список использованных источников

1. Николаев, М. Большие города: колонка об альбомной трилогии ЛСП, где торжествуют гедонизм, смерть и воскрешение / М. Николаев // Газон. – URL: <https://gazon.media/interesy/muzyka/bolshie-goroda-kolonka-ob-albomnoy-trilogii-lsp-gd/#:~:text=%D0%9F%D0%BE%D0%B4%D1%83%D0%BC%D0%B0%D0%B5%D1%88%D1%8C%2C%20%D1%87%D1%82%D0%BE%20%D0%BF%D0%BE%20%D0%B4%D0%BE%D1%80%D0%BE%D0%B3%D0%B5%20%D0%BA,%D0%B2%D1%81%D0%B5%D0%B3%D0%BE%2D%D1%82%D0%BE%20%D0%BF%D0%B0%D1%80%D1%83%20%D1%80%D0%B0%D0%B7%20%D1%83%D0>. – Дата публ.: 15.11.2021.

2. Некрасов, Ю.А. Суицид. Как популярная песня группы «ЛСП» повлияла на самоубийства подростков? Что стало с этой песней дальше? / Ю.А. Некрасов // Институт практической медицины ИНПРАМЕД наркологическая клиника. – URL: <https://inpramed.ru/blog/suitsid-kak-populyarnaya-pesnya-gruppy-lsp-povliyala-na-samoubiystva-podrostkov-chno-stalo-s-etoj-pe/>. – Дата публ.: 24.02.2024.

3. Статистика наркомании среди подростков // Славянская центральная районная больница. – URL: <https://www.crbslav.ru/informatsiya-dlya-patsientov/meditsinskaya-profilaktika/1114-statistika-narkomanii-sredi-podrostkov>. – Дата публ.: 12.07.2019.

4. Составлен список песен, которые запретили в России // NEWS.RU. – URL: <https://news.ru/culture/sostavlenn-spisok-pesen-kotorye-zapretili-v-rossii>. – Дата публ.: 14.08.2025.

5. Запрещенные песни в России. Королёва, Ротару, «Агата Кристи», Моисеев и другие попали под цензуру, которой нет // Дзен. – URL: <https://dzen.ru/a/ZdhGmJANE1Ca8Uc5>. – Дата публ.: 23.02.2024.

6. Суд запретил распространять среди подростков пять песен «Ленинграда» // РБК. – URL: <https://amp.rbc.ru/rbcnews/rbcfreenews/689d21699a794733bb19fea>. – Дата публ.: 14.08.2025.

7. Прокуратура потребовала признать экстремистской песню Оксимирона // BBC.NEWS. – URL: <https://www.bbc.com/russian/news-62723411>. – Дата публ.: 30.08.2022.

УДК 340.1

Л.Д. Шкреблик, курсант уголовно-исполнительного факультета

Научный руководитель – *А.В. Григорьев*,
кандидат юридических наук, доцент

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ПОДХОДА В ИСТОРИКО-ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Антропологический подход рассматривает право как культурный феномен, отражающий человеческий опыт и ценности, а не только формальные нормы. Этот междисциплинарный метод акцентирует внимание на «живом» праве, его историческом и социокультурном контексте, и актуален для понимания межкультурных взаимодействий и современного правового плюрализма.

Ключевые слова: антропологический подход, междисциплинарность, правовые конфликты, право, глобализация, культура.

Современные исследователи все чаще обращаются к антропологической перспективе, стремясь понять, как право возникает, развивается и функционирует в рамках повседневной жизни, обычаев, обрядов, символических практик и коллективных представлений.

Антропологический подход в историко-правовой науке представляет собой один из наиболее перспективных междисциплинарных методов, ориентированных на выявление глубинных связей между правом, культурой, обществом и ментальностью [1, с. 10]. Он формировался как альтернатива традиционному нормативистскому взгляду на право, в котором основное внимание уделялось нормам, институтам и юридической технике, оторванным от социального контекста их функционирования.

Антропологический подход, зародившийся в исторической науке в 1960–1970-х гг., означал отказ от исключительно статистических и структуралистских методов в пользу изучения повседневности, пред-

ставлений и опыта «маленького человека». Он стал ответом на критику абстрагирования человека из исторического процесса: ключевым стало понимание права как живого феномена, переживаемого, оспариваемого и интерпретируемого реальными людьми [1, с. 9].

Историко-антропологический подход предлагает рассматривать право не просто как совокупность формальных предписаний, но как важный элемент социокультурного устройства общества. Он исходит из предположения, что правовые нормы не существуют изолированно, а укоренены в системе значений, верований и представлений, присущих той или иной исторической эпохе. При этом особое внимание уделяется исследованию механизмов неформальной регуляции поведения – прежде всего обычаев, коллективных санкций, символических актов и ритуалов, имеющих нормативную функцию [1, с. 10–11]. Таким образом, право рассматривается как продукт исторического и культурного опыта, обусловленный уровнем развития общества, его ценностными ориентирами и структурой социальных связей.

Как утверждал Генри Мейн, общество движется от «статуса» (т. е. ты рождаешься крестьянином или аристократом) к «договору» (т. е. ты сам решаешь, кем быть – работником, предпринимателем и т. д.). Это ключевой переход, который антропология помогает понять. Бронислав Малиновский наблюдал за народами Тробрианских островов. Они жили без писаных законов, но у них было четкое понимание, что «можно» и «нельзя». Право у них существовало, но в форме устных традиций и обычаев. Клод Леви-Стросс: объяснял, что право – это не просто запреты, а структура отношений между людьми. Через правила обмена, брака и родства формировалась правовая система.

Становление антропологического подхода в истории и праве связано с общим «антропологическим поворотом» в гуманитарных науках, происшедшим во второй половине XX в. Под влиянием культурной антропологии, этнологии и социологии возник интерес к человеку как субъекту истории, к его повседневному опыту, ментальности и символическим практикам. В историко-правовом контексте это выразилось в стремлении не только реконструировать правовые институты прошлого, но и воссоздать правовую культуру, правосознание и социальное восприятие норм, сложившихся в конкретных исторических условиях.

Исследования в этом направлении строятся на междисциплинарной основе, объединяя правовую теорию, историю, социологию, антропологию и культурологию. Антропологический подход оказался особенно полезен для изучения обществ, где письменное право либо отсутствова-

ло, либо играло второстепенную роль. Так, исследование обычаев и неформальных норм в традиционных обществах позволяет выявить способы разрешения споров, распределения справедливости, поддержания общественного порядка вне рамок формальной юрисдикции. Судебные практики в таких сообществах часто строились не на абстрактной законности, а на прецедентах, коллективной памяти, символических действиях и авторитете отдельных фигур – старейшин, вождей или посредников. Таким образом, право предстает как социальная практика, тесно связанная с контекстом, в котором оно применяется.

Особое место в рамках данного подхода занимает категория правовой культуры, понимаемая как совокупность устойчивых правовых установок, ценностей, представлений и практик, свойственных определенному сообществу. Правовая культура рассматривается не как побочный продукт юридической системы, а как ее внутренняя основа, определяющая форму и содержание правового регулирования. В этом смысле антропологический подход направлен на выявление тех глубинных культурных структур, которые формируют отношение человека к праву, справедливости, ответственности и наказанию. Именно через призму правовой культуры возможно понять, почему те или иные нормы воспринимаются обществом как легитимные, а иные – как чуждые и несправедливые.

Применение антропологического подхода в историко-правовых исследованиях позволяет избегать правового релятивизма и анахронизма. Он помогает не просто описать правовую систему той или иной эпохи, но и интерпретировать ее с учетом исторических обстоятельств, ценностных установок и ментальных представлений ее участников [1, с. 11].

Это особенно важно при анализе правовых систем, отличающихся от современных – таких как право средневековой Европы, Древней Руси, обычаи народов Севера, Африки или Азии. Вместо навязывания современных категорий (например, прав человека, равенства перед законом и т. д.) антропологический подход предлагает интерпретацию норм в рамках их собственных категорий – в той логике, в которой они действительно функционировали в своей культурной среде.

В современном контексте интерес к антропологическому подходу обусловлен не только академическими задачами, но и прикладными потребностями. Он используется в анализе современных правовых конфликтов, в том числе связанных с межкультурным взаимодействием, правами коренных народов, медиацией и правовыми практиками в усло-

виях правового плюрализма. Это делает подход особенно актуальным в условиях глобализации, когда сталкиваются различные правовые традиции и культурные модели. В этом контексте антропологический подход помогает учитывать особенности правосознания, культурные ожидания и особенности социальной коммуникации.

Таким образом, антропологический подход в историко-правовых исследованиях представляет собой важный методологический ресурс, обеспечивающий целостное понимание права как формы культурного выражения, социальной регуляции и исторической памяти. Он позволяет переосмыслить природу права, его роль в общественной жизни и механизмы легитимации власти, исходя из внутренней логики исторических культур, а не через призму современных юридических стандартов.

Антропологический подход делает право ближе к человеку. Он показывает, что законы не падают с неба, а рождаются из жизни: из обычаев, страха, веры, привычек и общения. Изучая прошлое через призму антропологии, мы не просто анализируем законы – мы понимаем людей, которые по ним жили. И это понимание – важнейший шаг к тому, чтобы сделать право не только эффективным, но и человечным. Но важно отметить, что дневники и фольклор выживают неравномерно. Эмпатия может привести к искажениям, требуется строгий контроль анализа. Трудно экстраполировать локальные результаты на целые эпохи или регионы. Антропологический подход позволяет расширить правовой дискурс за пределы норм и институтов, показать взаимодействие формального и неформального права, установить связь между культурой, экономикой и правом. Корень концепции лежит в идее: чтобы понять право, нужно понять человека, его представления и контекст жизни.

Антропологический подход в историко-правовых исследованиях – это качественный сдвиг: право перестает быть сухой системой норм и становится частью социокультурной жизни. Он требует междисциплинарности, анализа материальной культуры и ритуалов. В итоге он позволяет конструировать живую правовую реальность прошлого, видеть взаимодействие официального закона и народных практик, реконструировать менталитет исторических субъектов, понять, каким образом культура формирует право, а право – культуру.

Список использованных источников

1. Азова, А.М. Применение историко-антропологического подхода в преподавании истории в школе / А.М. Азова // Образование и воспитание. – 2020. – № 3. – С. 9–11.

В.А. Шумелев, курсант факультета милиции
общественной безопасности

Научный руководитель – **Ф.А. Некрашевич**,
кандидат исторических наук, доцент

САНКЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ОЛИМПИЙСКОГО КОМИТЕТА В ОТНОШЕНИИ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ НА СТРАНИЦАХ БЕЛОРУССКОЙ ПЕЧАТИ

Анализируется факт отстранения Беларуси от участия в Олимпийских играх. Рассматриваются предпосылки, мнения спортивных деятелей, последствия на 2025 г. и перспективы на основе публикаций в издании «СБ. Беларусь сегодня» за период с 2022-го по декабрь 2025 г. Подчеркивается политический характер санкций Международного олимпийского комитета, что актуально для понимания будущего олимпийского движения в условиях современной политической ситуации.

Ключевые слова: Республика Беларусь, Международный олимпийский комитет, Национальный олимпийский комитет Беларуси, Олимпийские игры.

За более чем столетнюю историю Олимпийского движения Международный олимпийский комитет (МОК) лишь 13 раз применял крайние меры отстранения национальных сборных от участия в Играх. В 2024 г. Беларусь стала тринадцатой страной, подвергнутой такому решению. Несмотря на то что часть атлетов могла выступать под нейтральным статусом, официально национальная сборная Беларуси была отстранена от участия в летних Олимпийских играх в Париже. Это событие стало беспрецедентным для белорусского спорта.

Разбор этих вопросов сегодня существенно влияет на понимание перспектив развития олимпийского движения в условиях глобальных политических вызовов и создает предпосылки для выработки новых стратегий защиты интересов спортсменов и спортивных сообществ.

Основой данной статьи является анализ проблемы отстранения Беларуси от участия в международных Олимпийских играх на примере освещения этой темы в государственных средствах массовой информации Республики Беларусь, в частности, в издании «СБ. Беларусь сегодня». Особенностью выбора именно «СБ. Беларусь сегодня» является ее статус ведущего государственного информационного агентства, а также его широкое влияние на формирование общественного мнения в стране. Этот ресурс отражает официальную государственную позицию, что позволяет выявить специфику подачи информации и акценты, связанные с

правомерностью и последствиями отстранения. Хронологические рамки данной работы – с 2022-го по 31 декабря 2025 г.

Отстранение белорусских спортсменов от участия в международных соревнованиях при организации МОК стало не просто событием в спортивной сфере, а отражением сложного переплетения политики и спорта на глобальной арене.

Начало этих ограничений, задокументированное в публикациях «СБ. Беларусь сегодня», иллюстрирует глубокое напряжение между принципами олимпизма и реальной политической конъюнктурой. Решения МОК, начиная с марта 2022 г., были восприняты Национальным олимпийским комитетом Беларуси (далее – НОК) не иначе как акт политической дискриминации, что резко противоречит идее нейтральности спорта [6]. Важно подчеркнуть, что подобные меры МОК вызвали не только недоумение, но и кризис доверия в спортивном сообществе Беларуси. По мнению ведущих спортивных деятелей, таких как Министр спорта и туризма С.М. Ковальчук, исключение белорусских и российских спортсменов из крупных соревнований ослабляет глобальную конкурентную среду и подрывает сущность международного спорта «мировой спорт без белорусских и российских атлетов – это физкультура» [7]. Это мнение выражает глубокую убежденность в том, что спортивная изоляция влияет не только на атлетов, но и на качество мировых состязаний.

Можно утверждать, что начало отстранения послужило своеобразным «тестом» на устойчивость спортивных институтов к внешнему политическому давлению. Официальная позиция белорусской стороны – стремление сохранить спорт в роли объединяющего, а не разделяющего фактора – сталкивается с жесткой позицией МОК, желающего нейтрализовать политические конфликты, но в итоге лишаящего спортсменов права на участие. Этот конфликт подчеркивает необходимость диалога и поиска новых форматов международного спортивного сотрудничества, способных учитывать и политические реалии, и интересы спортсменов, сохраняя при этом основные олимпийские ценности.

Отстранение Беларуси от участия в Олимпийских играх вызвало серьезное недоумение у представителей белорусского спортивного общества. В.А. Лукашенко в отчете на Генеральной Ассамблее НОК 15 января 2025 г. подчеркнул, что поспешные санкции МОК в угоду Западу нанесли вред репутации самой организации. Он отметил явное стремление МОК восстановить целостность соревнований и вернуть белорусских спортсменов на арену [1, 4]. НОК выразил категорическое

несогласие с решениями исполкома МОК, считая их нелегитимными и нарушающими международное право [5]. В заявлении комитета подчеркивается, что МОК избирательно применяет принцип «спорт вне политики», лишая ни в чем не виновных спортсменов шанса на участие, несмотря на отсутствие нарушений олимпийского перемирия со стороны Беларуси. Представители НОК призывали спортивное сообщество к сплоченности против дискриминации и розни [6].

К 2025 г. ситуация с отстранением Беларуси сохранялась противоречивой, с частичным смягчением ограничений и сохранением дискриминационных мер в ключевых олимпийских стартах. Президент МОК Т. Бах в июле 2025 г. допустил возможное участие белорусских и российских спортсменов в Олимпиаде-2026 в Милане, но под нейтральным флагом и с обязательным отказом от национальной символики, что отражает постепенное потепление в диалоге [3].

С.М. Ковальчук 6 февраля 2025 г. отметил, что, несмотря на санкции МОК, Беларусь подтвердила статус сильной спортивной державы, завоевав медали на Играх стран СНГ и других международных турнирах. Он подчеркнул улучшение отношений с МОК: признание результатов выборов в НОК и доступ к олимпийским программам солидарности, что открывает перспективы для нейтрального участия атлетов в будущем [2]. Аналогично, 29 ноября 2025 г. Международная федерация дзюдо сняла все ограничения для белорусов и россиян, разрешив полноценное выступление под национальными флагами.

Тенденции 2025 г. указывают на вероятное постепенное снятие ограничений МОК. Президент МОК Т. Бах открыто отметил возможность участия белорусских атлетов под нейтральным статусом, что отражает влияние успешных выступлений в неолимпийских форматах и давление со стороны спортивных федераций [3].

Участие представителей НОК в Европейском вечере спорта в Бельгии 19 ноября 2025 г. свидетельствует о восстановлении связей с европейскими организациями. Это взаимодействие закладывает основу для переговоров о расширении доступа к международным мероприятиям и программам подготовки [10]. Прецедент Международной федерации дзюдо, снявшей все ограничения 29 ноября 2025 г., может распространиться на другие дисциплины [8, 9].

Таким образом, анализ публикаций в газете «СБ. Беларусь сегодня» с 2022-го по декабрь 2025 г. показывает твердую позицию Беларуси по рассматриваемому вопросу. Государственные средства массовой информации подчеркивают вред для спорта без белорусов, демотива-

цию атлетов и их успехи на альтернативных стартах вроде Игр стран Содружества Независимых Государств. Все это свидетельствует о том, что Республика Беларусь остается сильной спортивной державой, которая развивается, несмотря на международные санкции. Прецеденты, подобно ситуации с дзюдо, дают надежду на полноценное возвращение страны в международное олимпийское движение. В итоге отстранение нашей страны стало не только спортивной, но и политической проблемой.

Список использованных источников

1. НОК Беларуси выразил недоумение позицией МОК с белорусскими атлетами, приглашенными для участия в Олимпийских играх // СБ. Беларусь сегодня. – 2024. – 17 июня. – URL: <https://www.sb.by/articles/nok-belarusi-vyrazil-nedoumenie-pozitsiey-mok-s-belorusskimi-atletami-priglashenymi-dlya-uchastiya.html> (дата обращения: 23.03.2026).

2. Ковальчук, С.М. Мы показали, что Беларусь по праву считается сильной спортивной державой / С.М. Ковальчук // СБ. Беларусь сегодня. – 2025. – 6 февр. – URL: <https://www.sb.by/articles/kovalchuk-my-pokazali-chto-belarus-popravu-schitaetsya-silnoy-sportivnoy-derzhavoy.html> (дата обращения: 23.03.2026).

3. Президент МОК допустила участие россиян и белорусов в Олимпиаде-2026 в Милане // СБ. Беларусь сегодня. – 2025. – 27 июля. – URL: <https://www.sb.by/articles/prezident-mok-dopustila-uchastie-rossiyan-i-belorusov-v-olimpiade-2026-v-milane.html> (дата обращения: 23.03.2026).

4. Президент НОК Беларуси: отмечаем явное стремление МОК восстановить целостность главных мировых стартов // СБ. Беларусь сегодня. – 2025. – 15 янв. – URL: <https://www.sb.by/articles/prezident-nok-belarusi-otmechaem-yavnoe-stremlenie-mok-vosstanovit-tselostnost-glavnykh-mirovykh-sta.html> (дата обращения: 23.03.2026).

5. НОК Беларуси категорически не согласен с решениями исполкома МОК // СБ. Беларусь сегодня. – 2022. – 1 марта. – URL: <https://www.sb.by/articles/nok-belarusi-kategorichieski-ne-soglasen-s-resheniyami-ispolkoma-mok.html> (дата обращения: 23.03.2026).

6. Ковальчук, С.М. мировой спорт без белорусских и российских атлетов – это физкультура / С.М. Ковальчук // СБ. Беларусь сегодня. – 2022. – 13 окт. – URL: <https://www.sb.by/articles/kovalchuk-mirovoy-sport-bez-belorusskikh-i-rossiyskikh-atletov-eto-fizkultura.html> (дата обращения: 23.03.2026).

7. Сильный характер – яркая игра! На пути к II Играм стран СНГ // СБ. Беларусь сегодня. – 2023. – 27 апр. – URL: <https://www.sb.by/articles/silnyy-kharakter-yarkaaya-igra-na-puti-k-ii-igram-stran-sng.html> (дата обращения: 23.03.2026).

8. Международная федерация дзюдо допустила белорусов и россиян на соревнования без ограничений // СБ. Беларусь сегодня. – 2025. – 29 нояб. – URL: <https://www.sb.by/articles/tsunami-na-tatami-.html> (дата обращения: 23.03.2026).

9. Представители НОК Беларуси приняли участие в Европейском вечере спорта в Бельгии // СБ. Беларусь сегодня. – 2025. – 19 нояб. – URL: <https://www.sb.by/articles/predstaviteli-nok-belarusi-prinyali-uchastie-v-evropeyskom-vechere-sporta-v-belgii.html> (дата обращения: 23.03.2026).

10. В программу зимних Олимпиад могут быть внесены неожиданные изменения // СБ. Беларусь сегодня. – 2025. – 12 сент. – URL: <https://www.sb.by/articles/kross-vyryvaetsya-vpered.html> (дата обращения: 23.03.2026).

Системные требования: Браузеры Internet Explorer 7.0 и выше, Firefox 10.0, Chrome, Yandex, Opera, программа для просмотра PDF-файлов.
Компьютерная верстка в программе InDesign. Расширение .pdf.
Доступно для Windows, macOS, Linux.

Учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь»
Пр-т Машерова, 6А, 220005. Беларусь. Минск
www.amia.by

Объем издания: 1,31 МБ.

Дата подписания к использованию 03.06.2026.

Издатель:
учреждение образования
«Академия Министерства внутренних дел Республики Беларусь».
Свидетельство о государственной регистрации издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий № 1/102 от 02.12.2013.
Пр-т Машерова, 6А, 220005, Минск.